

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2021, Т. 43, № 4

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 4

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дэёти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГREN

д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2021. Vol. 43, No 4

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrsu.ru

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

T. LÖNNAREN

Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

K. SKWARKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTHAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, St. Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST

PhD in History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Шахнович М. М., Сонина А. В., Кожевникова Ю. Н.</i>	
«Пещера» на Яше-ручье: к вопросу об одной аскетической практике в Карелии	8
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Герасимов И. В., Бабикер Мухамед Мустафа Алтигани</i>	
Суданский Конгресс выпускников и прессы	17
<i>Петров К. К.</i>	
Дун Цичан: становление китайского художника	26
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Каменев Е. В.</i>	
Материализм декабристов в контексте советской культуры середины XX века	32
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Котов П. П.</i>	
Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века	39
<i>Рабинович Я. Н.</i>	
Окольничий Василий Александрович Чоглоков: страницы биографии	47
<i>Чаплыгина Д. А.</i>	
Демография русского населения Кольского уезда по материалам ведомости 1764 года	59
РОССИЯ, ФИНЛЯНДИЯ, КАРЕЛИЯ: СТРАНИЦЫ ОБЩЕЙ ИСТОРИИ	
<i>Левкоев А. А.</i>	
«Финский фактор» в становлении карельской автономии	65
<i>Осипов А. Ю.</i>	
Карельское восстание 1921–1922 годов: причины, сущность, последствия	71
<i>Такала И. Р.</i>	
Финляндский и карельский контексты русско-шведских войн: к постановке проблемы	78
<i>Толстиков А. В.</i>	
Католические и лютеранские клирики в составе шведских дипломатических миссий в Россию в XVI веке	87
<i>Лиман И. Г.</i>	
Двадцатипятилетние войны XVI века в истории России и Финляндии	96
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ	
<i>Литвин Ю. В.</i>	
Биографический метод в исследовании социального самочувствия карельских активистов	103
<i>Рыжкина Г. В.</i>	
Содержание и состояние проезжих дорог карельских уездов Олонецкой губернии	110
Рецензии	
<i>Соколова Ф. Х., Силин А. В.</i>	
Рец. на кн.: Голдин В. И. Мир в прошлом и настоящем: наблюдения, впечатления, размышления	118
Юбилей	
K 60-летию со дня рождения Ю. М. Килина	122
Научная информация	
Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкоизнание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 31.05.2021. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 55 экз.). Изд. № 66

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор
S. G. Веригин

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В очередном номере журнала традиционно представлены все основные рубрики: археология; всеобщая история; историография, источниковедение и методы исторического исследования; отечественная история; этнография, этнология и антропология. Авторами статей являются как известные и маститые ученые, доктора наук (И. В. Герасимов, Ф. Х. Соколова), так и начинающие молодые исследователи, представляющие университеты и научные центры Республики Карелия и Российской Федерации. География авторов весьма разнообразна: Апатиты, Архангельск, Мурманск, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Саратов, Сыктывкар, Йоэнсуу (Финляндия).

Остановлю внимание только на двух статьях петрозаводских историков. Е. В. Каменев продолжает исследование монографии М. В. Нечкиной «Движение декабристов», чей текст отличается несомненной полисемантичностью, поэтому его анализ не может быть полным без учета соответствующего культурно-семиотического кода. Ю. В. Литвин в своей статье поставила цель посредством качественных (неформализованных) методов исследовать социальное самочувствие конкретной группы – карельских активистов. Результаты ее исследования позволяют глубже изучить этнические процессы в Карелии, а также могут быть использованы при сопоставлении с процессами, протекающими в других национальных республиках, испытывающих на себе влияние глобализации.

Отдельным блоком в номере идет подборка статей, посвященных истории взаимоотношений России, Финляндии и Карелии на разных временных отрезках (исторических этапах). Авторы – А. А. Левкоев, А. Ю. Осипов, И. Р. Такала, А. В. Толстиков, И. Г. Лиман, представители петрозаводской школы финнистики – исследуют малоизученные сюжеты, связанные с финляндским и карельским контекстами русско-шведского противостояния раннего нового времени, а также спорные вопросы возникновения карельской автономии в начале XX века. Материал статей апробирован в рамках научно-просветительского семинара-лектория «Россия, Финляндия, Карелия: страницы общей истории и культуры», проходившего 3–5 декабря 2020 года.

Юбилейная страница посвящена доктору исторических наук, профессору ПетрГУ Ю. М. Килину.

Статьи и материалы данного номера будут полезны не только специалистам, но и всем тем, кто интересуется проблемами истории.

МАРК МИХАЙЛОВИЧ ШАХНОВИЧ

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»

(Апатиты, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-0771-675X; marksuk62@mail.ru

АНЖЕЛЛА ВАЛЕРЬЕВНА СОНИНА

доктор биологических наук, заведующий кафедрой ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9806-1252; angella_sonina@mail.ru

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Национальный парк «Водлозерский»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2570-8641; yu.kozhevnikova@gmail.com

«ПЕЩЕРА» НА ЯШЕ-РУЧЬЕ: К ВОПРОСУ ОБ ОДНОЙ АСКЕТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ В КАРЕЛИИ

Аннотация. В Южной Карелии находится небольшой Яшезерский Благовещенский монастырь, основанный в XVI веке преподобным Ионой. Недалеко от него, на берегу Яше-ручья, в 2013 году археологическая экспедиция Национального музея Республики Карелия обследовала неизвестный памятник – «пещеру» в расщелине скалы. Анализ и интерпретация объекта затруднены из-за отсутствия находок. В настоящее время метод лихенометрии (определение возраста субстрата относительно размера таллома лишайника) широко используется в геологических исследованиях и для датировки древних каменных сооружений. На основании изучения роста лишайников на камнях строительство «пещеры» датируется серединой XVIII века или древнее. В историях позднесредневековых православных монастырей Карелии есть данные о существовании общей для православного мира традиции монашеского подвига жизни в кельях-пещерах. Использовали их для молитвы и гонимые сторонники старой веры. Поэтому создателями «пещеры» могут быть монахи-аскеты или местные крестьяне-старообрядцы. Это первый позднесредневековый памятник такого вида в Карелии, изученный комплексной научной экспедицией.

Ключевые слова: Яшезерский Благовещенский монастырь, Иона Яшезерский, пещерничество, церковная археология, лихенометрический анализ, вепсский край

Благодарности. Искренняя признательность за помощь Дмитрию Заволокину и Сергею Винокурову.

Для цитирования: Шахнович М. М., Сонина А. В., Кожевникова Ю. Н. «Пещера» на Яше-ручье: к вопросу об одной аскетической практике в Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.612

ВВЕДЕНИЕ

На территории Карелии известно значительное количество интересных памятников периода позднего Средневековья – Нового времени, которые можно отнести к сфере церковной археологии: монастыри, скиты, часовни, гари, кладбища, могилы, поклонные кресты и т. п. Большинство из них давно находится в археологизированном состоянии, и память о них сохранилась частично

в местных топонимах. Исследовать их возможно только в ходе специализированных работ.

Тема пещерничества – суровой формы индивидуального религиозного подвижничества в православных и иноконфессиональных группах – до начала XXI века скромно отражалась в отечественной историографии [3]. В последние два десятилетия интерес к изучению памятников «пещерной старины» как вида сакрального про-

странства существенно вырос. Основное внимание специалистов привлекают подземные культовые комплексы на Украине и в южных областях России [1], [8], [13], [23]. В Карелии практика пещерножительства, как одна из сфер религиозной жизни православного населения в период позднего Средневековья – Нового времени, ранее не привлекала внимания специалистов. Настоящая работа, продолжающая публикацию материалов по археолого-историческому изучению православных монастырей Карелии и Русской Лапландии [2], [4], [12], [14], [15], [16], ставит целью отчасти восполнить этот пробел.

ЯШЕЗЕРСКАЯ БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ПУСТЫНЬ

Небольшой и до недавнего времени малоизвестный монастырь в юго-западном Прионежье основал в 1570-х годах преподобный Иона Яшезерский, которого принято считать младшим учеником знаменитого православного подвижника Александра Свирского. Первое описание мужской обители в вепсском крае содержит писцовая книга Андрея Плещеева и подъячего Семейки Кузмина 1582/83 года. Они зафиксировали, что в Рождественском Остреченском погосте-округе на Яше-озере монахи во главе с «попом черным» Ионой поставили деревянный храм Благовещения Богородицы с приделом святителя Николая. Чернецы обрабатывали небольшой участок земли [4].

Жалованная грамота 1589 года новгородского митрополита Александра предоставляла яшезерским старцам податные и судебные льготы, освобождая их на три года от уплаты всех полагавшихся податей в пользу Софийской казны и митрополичьих десятинников¹. В писцовой книге Ивана Долгорукова и Постника Ракова 1628–1631 годов отмечается, что в Яшезерской пустыни, которую по-прежнему возглавлял строитель Иона, появился второй деревянный храм во имя Преображения Господня. Монахи постепенно расширяли пашню «на новых росчистях» с помощью монастырских «детенышей». Крестьянскими или бобыльскими дворами скромная Яшезерская пустынь не владела.

Монастырь как «малобратьевинный» был упразднен при Екатерине II по секуляризационной реформе 1764 года. При его церквях образовался Благовещенский приход, не имевший своих прихожан. В середине 1830-х годов его приписали к соседнему Ивинскому приходу. Официальное возрождение мужской обители на Яше-озере в 1852–1857 годах стало возможным благодаря всесторонней поддержке щедрого благотворителя петрозаводского купца Марка Пименова. Были

возведены каменный храм Преображения Господня, братские корпуса, гостиница для паломников, скотный двор, добротная кирпичная ограда. Его главной святыней были мощи преподобного Ионы Яшезерского, почивавшие под спудом в Преображенской церкви.

С 1918 года строения Яшезерской пустыни использовались под разные советские жилые, хозяйственные и пенитенциарные учреждения [4: 115–221]. В настоящее время она восстанавливается Петрозаводской и Карельской митрополией. В 2012 году археологической экспедицией Национального музея Республики Карелия (НМРК) на монастырской усадьбе проводились раскопки остатков церкви Благовещенья Пресвятой Богородицы [14].

По преданию, преподобный Иона был «родом из Шокши» и прожил более ста лет. Его имя впервые упоминается в надписи на храмозданном кресте из Благовещенской церкви с точной датой 18 января 1579 года². Последние годы своей долгой жизни основатель монастыря уединился в пещерной келье, в так называемой внутренней пустыни, располагавшейся в ближайших окрестностях обители. Информация о существовании «пещеры» преподобного около деревни Яшезеро сохранялась среди местного населения вплоть до XXI века³. Уникальный объект до сих пор не попадал в поле зрения исследователей.

ТРАДИЦИЯ ПЕЩЕРНОЖИТЕЛЬСТВА

Православная традиция пещерничества уходит корнями в раннюю историю палестинского монашества (III–V века). Пещерный затвор считался одним из проявлений строгой иноческой аскезы. Первые пещерные монастыри на территории России связаны с историей христианских общин в Северном Причерноморье в III веке н. э. [22]. В последующем «пещерные кельи» были устойчивой частью религиозной жизни в XI–XX веках во всех частях православной ойкумены.

В Карелии, по житиям местных святых, в скальной пещере уединялся преподобный Корнилий Палеостровский [7: 198]. В Спасо-Преображенском Валаамском монастыре на острове Святой доньине находится пещера, где, как считается, спасался преподобный Александр Свирский. Преподобный Кирилл Челмогорский, избрав для уединения в 1316 году гору Челма, также первоначально жил в пещере⁴. В житии кольского преподобного Трифона Печенгского упоминается пещера на реке Паз, где подвижник скрывался от преследования «сыродядцев».

Существуют лаконичные сведения о том, что один из основателей Важеозерского монастыря (80 км к западу от Яшезера), преподобный Геннадий, подвизался в «пещере». Об этом упоминает в своем труде епископ Амвросий (Орнатский)⁵ и говорится в дошедшей до нас церковной службе святому с двумя канонами (не ранее XVIII века): «в пещере пребывал, пищу имел былие»⁶. Стезю подвига «уединенного отшельства», или пустыножительства, избирали не только прославленные Церковью святые, но и безвестные монахи. В укромных местах, неизбежно скрыто или далеко от монастырской усадьбы, они строили себе укрытие-жилице, небольшую «хижу». Если благоприятствовал рельеф, в песчаном обрыве копалась «пещера». Например, известно описание «места уединения» пустынника Андрея на Соловецком острове:

«...И веде мя в другую пещеру; в нейже с полуденныя страны устроено окно, и бе светло в пещере той. Тогда усмотрев мужа того: бе бо наг, скудобрад, тело же его аки земля черно. В пещере де той поставлены четыре сошки, и на них положены две дщицы и два корытца: во едином убо трава мочена, в другом – вода»⁷.

Конечно, необходимо с осторожностью использовать житийную литературу в качестве исторического источника. Русской агиографии присуща сознательная отстраненность текстов от фактических данных, но существующую информацию не следует игнорировать.

Пещерокопательство нельзя связывать только с монашествующими. По разным причинам пещеры делали и миряне. Например, беспоповцы разных толков в ближайшем к Обонежью Каргополье в период жестких гонений XVII–XIX веков нередко использовали для спасения от «косверненного мира» вырытые в песчаных склонах или устроенные в естественных известняковых подземных полостях «пещеры».

Известный краевед К. А. Докучаев-Басков описывает посещенные им в 1868 году две «пещеры» около деревень Щелье и Кладова (Кладовец) Волосовской волости Каргопольского уезда. Первую «пещеру» ему удалось тогда обследовать, а вход во вторую был засыпан по распоряжению местных чиновников⁸. По свидетельству исследователя, «пещера» в Щелье имеет узкий вход, три небольших, соединенных тесным лазом разновеликих «зала» без дневного освещения. Ее общая длина – 21 м [9: 67]. В первом «зале» (3 x 3 x 1,7 м) в боковой нише разводился огонь⁹.

В краеведческом издании начала XX века сохранилось подробное красочное описание «Копосовской пещеры», в которую не смог проникнуть

К. А. Докучаев-Басков¹⁰. В длинной известняковой «галерейке» находилась «котловинка со светлою, прозрачною, как хрусталь водою, которая... обладает чудодейственной силою, исцеляя различные болезни». Рядом лежал камень с надписью текста молитвы¹¹, икона и свечи, «царствует могильная тишина и темнота». Здесь «жил из религиозных побуждений, скрываясь от мирской суеты крестьянин деревни Марковской Волосовской волости – Бездехов»¹². В 1859 году старообрядцы безуспешно ходатайствовали об устройстве над ее входом часовни во имя Печерской иконы Божией Матери.

Нам известны только два случая обследования археологами подобных православных памятников на Северо-Западе России. Это работы В. В. Шевелёва и В. Ф. Лусканя 1999 года в карстовых пещерах Крестовая (Копосовская) и Барсучья (Щелья), находящихся в 47 и 60 км к северу от г. Каргополя, и изыскания П. Е. Сорокина в «пещере Александра Свирского» в Валаамском монастыре [12], [21].

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ 2013 ГОДА НА ЯШЕ-РУЧЬЕ

В 2013 году экспедицией НМРК недалеко от возрождаемой Яшезерской пустыни, на правом берегу Яше-ручья (Прионежский район Республики Карелия), обследовано сооружение, которое можно условно рассматривать как «пещеру»¹³. Результаты работ были представлены в предварительной публикации [17]. Приведем описание современного состояния этого памятника.

Небольшая по величине «пещера» находится на краю ровной площадки, окруженной недавними вырубками с небольшим лиственным подростом. В ее основе – естественная скальная расщелина, возникшая в результате древних сейсмических блоковых подвижек, нарушивших целостность выходящего на поверхность каменного массива. Мы не нашли никаких следов «вырубания» скалы с целью ее расширения. Со стороны леса «пещера» выглядит как невыразительная, не привлекающая внимания куча валунов размерами 1,5 x 3,1 м (см. рисунок). Узкий вход в нее (ширина 0,6, высота 1,6 м) ориентирован на полноводный, протекающий в трех метрах к востоку ручей. Продолжение расщелины с противоположной стороны заложено средней величины камнями. Каменный свод не имеет следов природного старения или недавнего человеческого вмешательства. Он выложен «насухо» из плоских «диких» (без следов обработки) кусков малинового кварцита, многие из которых

не под силу перемещать и укладывать одному человеку. Они образуют шесть рядов общей высотой 0,5 м над поверхностью скалы. При возведении свода камни разной формы складывались неплотно, поэтому сквозь щели между ними в «пещеру» проникают дневной свет и осадки. Этого минимума несложных действий для создания сводового перекрытия было достаточно, чтобы сформировать маленькое помещение в скале – «келию» (ширина 0,8 м, длина 1,2 м), где можно стоять в полный рост (высота 1,85 м). Северная сторона «каменной крыши» по состоянию на 2013 год плотно задернована, а южная – обнажена. Ровный каменный пол покрыт тонким слоем истлевшей листвы. Внутри, напротив входа, есть естественная ниша (0,3 x 0,45 м) и небольшая каменная «полочка» (0,2 x 0,1 м) с левой стороны. Какие-либо надписи или рисунки при предварительном осмотре на ее стенах не обнаружены.

«Пещера» на Яше-ручье. 2013 год. Фото М. М. Шахновича

“Cave” on the Yashe-stream. 2013.
Photo by M. M. Shakhnovitch

По своему характеру подземным это сооружение не является. По замыслу строителя, находящегося в жестких рамках наличествующего объема естественного скального разлома, оно должно было имитировать каменную «пещеру». По археологической классификации планировочных типов подземных памятников, это однокамерная пещера с выходом непосредственно на дневную поверхность, какими обычно и были простые подземные жилища-келии отшельников [3: 125].

ЛИХЕНОМЕТРИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ

В ситуации незначительности исходных данных, в первую очередь при отсутствии маркирующих находок, что часто бывает при предварительном обследовании подобного рода «глухих» объектов, важный фактор при выработке за-

ключения об их датировании – это привлечение естественно-научных методик. Они позволяют во многом решать вопросы, на которые сложно или часто невозможно ответить только «классическими» способами археологии. В нашем случае, при невозможности проведения радиоуглеродного датирования, было решено использовать для определения относительного возраста «пещеры» лихенометрический анализ. В 2013 году в ходе комплексной экспедиции проведены лихенометрические исследования на обследуемом валунном сооружении на Яше-ручье¹⁴.

В настоящее время метод лихенометрии (определение возраста субстрата относительно размера таллома лишайника) широко используется в геологических исследованиях и для датировки древних каменных сооружений. Методика основывается на данных о скорости роста отдельных видов лишайников разных жизненных форм и экологических групп, которые существенно отличаются и зависят от конкретных физико-географических условий, онтогенетического состояния, положения в синузии и антропогенного пресса [5], [25].

Лихенометрический метод успешно привлекался для датирования исторических и археологических позднесредневековых объектов из камня в Скандинавии, Карелии и на Кольском полуострове [6], [18], [19], [24]. Но нужно отметить, что при работе с археологическими памятниками существуют и определенные трудности: по сравнению с геологическими, небольшие по величине объекты, часто слабо развитый лишайниковый покров, отсутствие реперных точек в районе исследования и надежных для датирования видов-индикаторов.

Объектом исследования стал лишайниковый покров, сформировавшийся на внешней стороне каменных плит, служивших сводом «пещеры»¹⁵. Для изучения скорости роста талломов эпилитных лишайников на кварцитах, с учетом конкретных климатических условий, выбраны модельные объекты с точно датированным возрастом обнажения субстрата: карьер по добыче малинового кварцита около п. Шокша (Прионежский район РК), на участках, где выработка завершена в 1930-х годах, и многолетняя мониторинговая площадка на территории государственного заповедника «Кивач» (Кондопожский район РК) [10]. В качестве индекса датирования использовалось значение площади самого крупного таллома лишайника. На кварцитных плитах «пещеры» для анализа роста талломов выбраны эпилитные накипные виды *Rhizocarpon eupetraeum* (Nyl.) Arnold – ризокарпон каменный,

Aspicilia sp. – вид рода аспицилия и листоватый вид, доминирующий в лишайниковом покрове, *Arctoparmelia centrifuga* (L.) Hale – арктопармелия центробежная.

По результатам общего анализа данных сделано заключение, что наиболее реальный возраст создания «крыши» из каменных плит можно оценить по размеру таллома аспицилии (*Aspicilia*) площадью 36,1 см². Этот вид имеет накипной ареолированный таллом и в данном случае обитает отдельно от других особей. Для восточного побережья Онежского озера установлен годичный прирост талломов рода аспицилия – в среднем, в стадии линейного прироста, он составляет 0,5 см²/год. Проведенные на территории заповедника «Кивач» исследования по росту эпилитовых прибрежных лишайников показали, что для эпилитов фаза медленного роста отмечена у талломов первой возрастной группы ($S \sim 5$ см²), когда при линейном росте они показывают наименьшие значения приростов талломов.

В результате суммирования общих результатов значения площадей талломов ризокарпона, аспицилии и скорости приростов эпилитовых лишайников разных возрастных групп на нашем объекте проведен расчет предположительного возраста таллома аспицилии. Он составляет около 240 лет: 180 лет он находился в стадии медленного роста, то есть по достижении $S \sim 5$ см², и 60 лет в стадии быстрого роста – прирастал в год по 0,5 см² (по результатам исследований в условиях восточного побережья Онежского озера). Можно предположить, что если лишайник данного вида прирастал с меньшей скоростью, а это вполне возможно в природно-климатических условиях водораздельных территорий, то его возраст может быть существенно большим. При другой ситуации, в которой таллом лишайника уже мог находиться на плите, когда ее поместили в кладку, вычисленное время может быть меньшим.

Таким образом, проведенные расчеты возраста роста талломов эпилитовых лишайников на каменном сложении могут быть определены примерно в 240 лет, то есть предполагаемое время его создания – 2-я половина XVIII века. Но нужно учитывать, что вопросы, касающиеся надежности и точности лихенометрических датировок, для данного микрорегиона Южной Карелии до конца не проработаны. Вполне вероятно, что в конкретных природно-климатических условиях микрорайона северной части верховьев гидросистемы р. Свирь возраст исследованных лишайников может быть значительно боль-

шим и составлять в максимальном значении до 500–550 лет (вторая половина XVI века) [11].

Лихенометрическое обследование «пещеры» на Яше-ручье показало, что использование эпилитной группы лишайников для определения возраста исторических объектов – это перспективный метод исследования. Но для более точных заключений требуются специальные предварительные методические разработки применительно к району исследования – существенное увеличение базы модельных талломов лишайников в местах, имеющих точное датирование.

ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Определение назначения памятника – наиболее сложная задача из стоящих перед нами. Постараемся высказать некоторые соображения, сформировавшиеся за продолжительное время после его открытия в 2013 году.

Опыт, полученный при изучении разновременных и многовидовых памятников археологии в таежных районах Карелии, позволяет критически относиться к гипотезам о связи «пещеры» с военными действиями 1941–1944 годов, об использовании ее в качестве временного укрытия или места хранения добычи и снаряжения вепсскими охотниками, лесорубами, геологами.

Необычность конструкции и близость «пещеры» к Яшезерской пустыни в большей степени свидетельствуют о ее сакральном назначении. Мы уверены, что бывший строитель в данном месте хотел создать именно аналог каменной келии-склепа, монашеской пещеры для личного «затвора». Даже визуально вход в нее сходен со средневековыми иконографическими изображениями библейских подземных укрытий.

В суровом северном климате жизнь в «пещерной келье» на Яше-ручье, который к тому же ежегодно весной подтапливает ее на 5–10 см, без какого-либо утепления и отопления – немыслимый для современного понимания иноческий подвиг. Возможно, она могла использоваться как единственное место временного «подземного затвора», как в свое время предполагал К. К. Случевский относительно «пещеры» преподобного Корнилия Палеостровского.

Далее несколько предположений о датировке и возможных создателях памятника. 1) Ранее мы уже высказывали гипотезу о том, что это сооружение входило в круг монастырских объектов начального периода существования мужской обители как место молитвенного уединения монахов, возможно, и самого преподобного Ионы [17]. Предположительно, сложившаяся до за-

крытия Яшезерской пустыни по секуляризационной реформе 1764 года традиция почитания уникальной для вепсского края «пещеры» отца-основателя прервалась из-за длительного перерыва (почти сто лет) в истории существования мужской пустыни во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Приходские клирики, жившие здесь в это время, были пришлыми людьми, которые или не догадывались о ее существовании, или не придавали ей особого значения, не зная монастырских преданий. 2) «Пещеру» могли создать местные старообрядцы, как это практиковалось, например, в Каргопольском уезде в конце XVIII – 1-й половине XIX века. 3) Это мог быть специально возведенный поздний паломнический объект. В комплексах некоторых северорусских монастырей XVIII–XIX веков рачительные игумены, стремившиеся к увеличению привлекательности обителей для паломников, в целом подражая библейским святыням Палестины, но следуя собственным представлениям, создавали подземные культовые сооружения – крипты и «пещеры». В каком-то месте характер основных слагающих грунтов позволял масштабно воплотить эти замыслы, а где-то приходилось довольствоваться некой небольшой «декоративной стилизацией» в скале, вполне удовлетворявшей чаяния простых богохульцев, но вызывавшей скептические замечания «просвещенных путешественников». Так было, например, с «пещерой» преподобного Корнилия Палеостровского в основанной им обители, которая всегда считалась одной из главных монастырских достопримечательностей, обязательно посещавшейся паломниками и туристами¹⁶. Показательно в этой связи воспоминание К. К. Случевского, бывшего на Палеострове в конце XIX века:

«От церкви, где пред мощами святого Корнилия был отслужен молебен, путешественники отправились к его пещере, находящейся в расстоянии около 200 сажен от монастыря, на берегу, покрытом скалами, кам-

нями и редким ельником. Деревянная лесенка ведет к часовне, составляющей преддверие пещеры. Сама пещера настолько мала, что П. И. Челищев¹⁷ даже сомневается, чтобы преподобный мог жить в такой тесноте... Но и в житии не говорится, чтобы святой жил здесь постоянно. Он только удалялся сюда на время для молитвы и уединенных подвигов, для которых, конечно, никаких удобств не требовалось»¹⁸.

Но здесь необходимо подчеркнуть, что «пещера», в наши дни напрямую соотносимая с преподобным Ионой, покровителем округи, не была известна после возрождения монастырской жизни на Яше-озере в середине XIX века. Не упоминают о ней знатоки монастырских древностей Олонецкого края Е. В. Барсов и архимандрит Никодим (Кононов). Нет рассказов о такой важной достопримечательности столичных и местных паломников, чьи впечатления о посещении мужской обители изредка печатались в губернских изданиях в конце XIX – начале XX века¹⁹. Поэтому данная гипотеза представляется нам наименее реалистичной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коротко суммируем наши наблюдения о «пещере» на Яше-ручье. По результатам лихеометрического анализа этот памятник следует датировать второй половиной XVIII века. Возможно, в будущем новые источники позволят его «удревнить». Вопрос о создателе яшезерской «пещеры» остается пока без окончательного ответа. Авторы склонны связывать ее появление с православной традицией пещерокопательства и пещерожительства. На Русском Севере есть подобные примеры из жизни известных иноков, подвизавшихся в позднем Средневековье, или мирян-старообрядцев, противостоявших в XVII–XIX веках гонениям и навязывавшимся чуждым им нормам государственных институтов. Наши комплексные изыскания на Яше-ручье показывают, что памятники церковной археологии Карелии заслуживают большего внимания со стороны специалистов различных дисциплин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы по истории Карелии XII–XVI веков. Петрозаводск: Гос. изд-во КФ ССР, 1941. С. 303–304.

² Елидинский Я. С. Новгородские владыки // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 11. С. 411.

³ Об этом свидетельствует сохранившаяся черно-белая любительская фотография, вероятно, конца 1970-х годов, на которой группа молодежи (туристы?) и пожилой мужчина (проводник?) позируют около входа в «пещеру».

⁴ Докучаев-Басков К. А. Челменский пустынник, преподобный чудотворец Кирилл, и его пустынь // Христиансское чтение. 1898. № 3–4. С. 469–510.

⁵ «Близ пустыни сей, в горе, в пещере почивают моши в часовне пр. Никифора, основателя обители сей и пр. Геннадия». См.: Амвросий. История Российской иерархии. М.: Синодальная типография, 1815. Т. 6. С. 999–1000.

⁶ Докучаев-Басков К. А. Преподобные каргопольско-олонецкие чудотворцы // Русский паломник. СПб., 1887. № 5. С. 64–66; № 6. С. 79–81.

- ⁷ Соловецкий патерик. СПб.: Тип. А. Транцеля, 1873. С. 74.
- ⁸ Максимов С. В. Бродячая Русь Христа ради. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1877. С. 415.
- ⁹ Докучаев-Басков К. А. Из путешествия по Олонию: Пещеры (скрытники) и минеральные источники // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1914. Т. 4, № 8. С. 131–139.
- ¹⁰ Роев В. И. Разные известия. Копосова пещера // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1913. Т. 2, № 78. С. 174–176.
- ¹¹ В. В. Шевелёв в 1999 году выявил на западной стене «пещеры» две надписи: текст молитвы в пять строк «За молитв святых отец наших Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй нас аминь и животворящего креста и святого ангела моего хранителя и всех ради святых» и отдельную надпись: «архангельское поздравление Пресвятой Богородице Дево». См. [20: 291].
- ¹² «Он то будто бы и разработал эту галерею и сделал ее до степени жилья человеческого. Говорят, что теперешний вход в пещеру был значительно больше и отделял галерею от внешнего мира дверью. Внутри галерея была тоже отстроена, т. е. в ней был набран пол и потолок. В настоящее же время следов этого устройства пещеры положительно не осталось». Цит. по: Роев В. И. Разные известия. Копосова пещера // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1913. Т. 2, № 78. С. 174–176.
- ¹³ Местонахождение «пещеры» указано Д. А. Заволокиным.
- ¹⁴ Работа проводилась д. б. н. Анжелой Валерьевной Сониной.
- ¹⁵ Площадь талломов лишайников вычислялась по общепринятым методикам с использованием оригинальной компьютерной программы «Ruller» (автор н. с. ИЛ КНЦ РАН П. Литинский – 1997 год, модификация программы выполнена сотрудниками РЦНИТ ПетрГУ в 2009 году).
- ¹⁶ Наиболее раннее свидетельство об этом можно найти в опубликованных путевых дневниках новоладожского купца капитана Якова Мордвинова, четыре раза совершившего паломничество в Соловецкий монастырь (1744, 1752, 1764 и 1784 годы).
- ¹⁷ Петр Иванович Челищев (1745–1811) – русский писатель. Побывал на Палеострове в 1791 году, во время паломнической поездки на север России, где посетил Архангельскую, Олонецкую и Новгородскую губернии. Он пишет: в Палеостровском монастыре «показывают еще пещеру каменную, в которой будто преподобный Корнилий спасался: в нее ход из деревянной часовни; тесная сия ущелина не имеет довольно места, чтоб лечь и вытянуться человеку, не имеет ни окна, ни печи, ни горна, ниже крышки для защиты от дождя, снега и ветров; и для того думать надобно, что это баснь, выдуманная лжееверием, а простодушным суеверием подкрепленная». См.: Челищев П. И. Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева, изданный под наблюдением Л. Н. Майкова. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1886. С. 19.
- ¹⁸ Случевский К. К. По Северо-Западу России. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1897. С. 386–387.
- ¹⁹ Поляков Г. В Яшезеро и Ладву // Олонецкие губернские ведомости. 1904. № 124, 126, 128.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов И. А. Христианские культовые пещерные памятники Среднего Подонья: Краткий обзор // Христианство в регионах мира. СПб.: Наука, 2008. Вып. 2. С. 214–228.
- Алексеев А. В. Предварительные результаты археологических исследований на месте Свято-Троицкой Юрьевской пустыни // Вестник Сыктывкарского университета. 2014. Вып. 3. С. 15–35.
- Бобровский Т. А. К вопросу о типологии и датировке древнерусских пещерных монастырей // Российская археология. 1993. № 4. С. 122–129.
- Кожевникова Ю. Н. Пять веков истории. Благовещенская Яшезерская пустынь. Петрозаводск: Verso, 2014. 339 с.
- Мартин Ю. Л. Лихенометрическая индикация времени обнажения каменистого субстрата // Экология. 1970. № 5. С. 16–24.
- Мелехин А. В. Результаты лихенометрического датирования каменных кладок в окрестностях г. Кандалакша (Россия, Мурманская область) // Принципы экологии. 2014. № 2 (10). С. 47–55.
- Новый Олонецкий патерик. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 584 с.
- Полева Ю. В. Конфессиональные различия пещерничества в междуречье Волги и Дона // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. № 1 (15). С. 53–59.
- Поморская энциклопедия: В 5 т. Т. 2. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2007. 603 с.
- Сонина А. В., Михайлина П. А., Савчук Н. В. Изучение прироста талломов лишайников в условиях прибрежных скал реки Суна на территории заповедника «Кивач» // Труды Государственного природного заповедника «Кивач». Петрозаводск, 2013. Вып. 6. С. 19–23.
- Сонина А. В., Шахнович М. М., Чекалёва К. А., Курбатов А. А. Опыт лихенометрического датирования исторических сооружений из камня Республики Карелия // Современная мицологии в России. М.: Нац. акад. мицологии, 2017. Т. 6. С. 350–352.
- Сорокин П. Е. Археологическое изучение Валаамского монастыря: к вопросу о возникновении и об исторической топографии // Валаамский монастырь: духовные традиции, история, культура. СПб.: Сатис, 2004. С. 89–107.
- Степкин В. В. Процесс сооружения культовых пещер на территории европейской части России // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4. С. 241–245.

14. Шахнович М. М. Археологическое обследование Благовещенской церкви Ионо-Яппезерского монастыря в 2012 году // Православие в вепсском крае. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. С. 50–75.
15. Шахнович М. М. Археологические работы на Монастырском Наволоке в г. Кандалакше в 2015 г. // Бюллетень ИИМК РАН. 2017. Вып. 6. С. 127–137.
16. Шахнович М. М. Археологические работы по поиску «братской могилы 116 мучеников» Трифонов-Печенгского монастыря // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: ИПК Парето-Принт, 2017. Вып. 10. С. 241–256.
17. Шахнович М. М., Кожевникова Ю. Н., Сонина А. В. Новые монументальные памятники истории Православия в Карелии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. В. Новгород, 2014. Вып. 28. С. 295–301.
18. Шахнович М. М., Кулькова М. А., Сонина А. В. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладожье: опыт комплексного исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: ИПК Паренто-Принт, 2019. Вып. 12. С. 496–509.
19. Шахнович М. М., Кулькова М. А., Сонина А. В. Хендолакшский лабиринт в Кандалакшском заливе Белого моря // Археология Севера. Череповец: Изд. Минина Е. В., 2015. Вып. 6. С. 149–156.
20. Шевелёв В. В. Пещера Крестовая: предварительная характеристика памятника // Ставрографический сборник. М.: Изд-во Московской патриархии, 2001. Кн. 1. С. 290–292.
21. Шевелёв В. В. Пещера Крестовая: памятник старообрядческой культуры на Каргополье // Христианство и Север. М.: Аркадия, 2002. С. 208–210.
22. Шевченко Ю. Ю. О времени возможного возникновения пещерного храма на Ай-Тодоре (Чилтер-Коба) в Крыму // Полевые исследования МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. Вып. 10. С. 94–117.
23. Шевченко Ю. Ю. Подземножительство как феномен русской христианской духовной культуры // Реальность этноса. Национальные школы в этнологии, этнографии и культурной антропологии: наука и образование. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2001. С. 39–44.
24. Sjöberg R. Lichenometric dating of boulder labyrinths on the Upper Norrland coast of Sweden // Caerdroia. 1997. Vol. 27. P. 10–17.
25. Sonina A. V., Fadeeva M. A., Shreders M. A. The growth of lichens on the coastal rocks in environmental conditions of South Karelia // International meeting “Lichens of Boreal Forests”. Syktyvkar, 2008. P. 134–144.

Поступила в редакцию 26.01.2021; принята к публикации 16.04.2021

Original article

Mark M. Shakhnovitch, Cand. Sc. (History), Research Associate, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0771-675X; marksuk62@mail.ru

Anzhella V. Sonina, Dr. Sc. (Biology), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9806-1252; angella_sonina@mail.ru

Yulia N. Kozhevnikova, Cand. Sc. (History), Research Associate, Vodlozersky National Park (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yu.kozhevnikova@gmail.com

“CAVE” ON THE YASHE-STREAM: THE STUDY OF ONE ASCETIC PRACTICE IN KARELIA

A b s t r a c t. In South Karelia, there is a small Yashezersky Annunciation Monastery, founded in the XVI century by Saint Jonah Yashezersky. In 2013, an archaeological expedition of the National Museum of the Republic of Karelia examined an interesting unknown monument – a “cave” in a rock crevice, located not far from the monastery. The analysis and interpretation of the object are hampered by the lack of finds. Currently, the lichenometry is one of the most widely used methods available for dating the surface age of various substrata in geological research, as well as for dating ancient stone structures. Based on the study of the growth of lichens on the stones, the “cave” construction dates back to the middle of the XVIII century or earlier. The history of the late medieval Orthodox monasteries of Karelia provides evidence for the tradition of monastic living in cell-caves as an act of faith, common for the Orthodox world. Such caves were also used for prayers by the persecuted supporters of the “old faith”. Therefore, the discovered “cave” could be created by ascetic monks or local peasants (the Old Believers). This is the first late medieval monument of this type in Karelia, studied by a comprehensive scientific expedition.

K e y w o r d s: Yashezersky Annunciation Monastery, Saint Jonah Yashezersky, life in caves, church archeology, lichenometric analysis, Veps territory

Acknowledgments. The authors express their sincere gratitude to Dmitriy Zavolokin and Sergey Vinokurov for their help.

For citation: Shakhnovitch, M. M., Sonina, A. V., Kozhevnikova, Yu. N. "Cave" on the Yashe-stream: the study of one ascetic practice in Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.612

REFERENCES

1. Agapov, I. A. Christian cult cave monuments of the Middle Don region: Brief overview. *Christianity in the regions of the world*. St. Petersburg, 2008. 2. P. 214–228. (In Russ.)
2. Alekseev, A. V. Preliminary results of archaeological research at the site of the Yur'egorskaya Holy Trinity Hermitage. *Bulletin of Syktyvkar University*. 2014;3:15–35. (In Russ.)
3. Bobrovsky, T. A. The typology and dating of the ancient Russian cave monasteries. *Russian Archeology*. 1993;4:122–129. (In Russ.)
4. Kozhevnikova, Yu. N. Five centuries of history. The Yashezerskaya Annunciation Hermitage. Petrozavodsk, 2014. P. 115–221. (In Russ.)
5. Martin, Yu. L. Lichenometric indication of the time of a stony substrate exposure. *Ecology*. 1970;5:16–24. (In Russ.)
6. Melekhin, A. V. Results of lichenometric dating of masonry in the outskirts of Kandalaksha city (Russia, Murmansk region). *Principles of the Ecology*. 2014;2(10):47–55. (In Russ.)
7. New Olonets patericon. St. Petersburg, 2013. 584 p. (In Russ.)
8. Poleva, Yu. V. Confessional differences in caving of the Volga-Don interfluvium. *Science Journal of Volgograd State University*. 2010;1(15):53–59. (In Russ.)
9. The Pomor encyclopedia. In 5 vols. Vol. 2. Arkhangelsk, 2007. 603 p. (In Russ.)
10. Sonina, A. V., Mikhailina, P. A., Savchuk, N. V. The study of the lichen thalli growth under the conditions of coastal rocks of the Suna River on the territory of the Kivach Reserve. *Proceedings of the Kivach State Nature Reserve*. Petrozavodsk, 2013. Issue 6. P. 19–23. (In Russ.)
11. Sonina, A. V., Shakhnovitch M. M., Chekaleva K. A., Kurbatov A. A. Experience of lichenometric dating of historical structures made of stone from the Republic of Karelia. *Modern mycology in Russia*. Moscow, 2017. Vol. 6. P. 350–352. (In Russ.)
12. Sorokin, P. E. Archaeological study of the Valaam Monastery: its origin and historical topography. *The Valaam Monastery: spiritual traditions, history, culture*. St. Petersburg, 2004. P. 89–107. (In Russ.)
13. Stepkin, V. V. Cult caves building on the territory of European Russia. *Samara Journal of Science*. 2018;7(4):241–245. (In Russ.)
14. Shakhnovitch, M. M. Archaeological study of the Annunciation Church of the Monastery of St. Jonah Yashezerskiy in 2012. *Orthodoxy in the Vepsian land*. Petrozavodsk, 2013. P. 50–75. (In Russ.)
15. Shakhnovitch, M. M. Archaeological work at Monastyrskiy Navolok in Kandalaksha in 2015. *Bulletin of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*. 2017;6:127–137. (In Russ.)
16. Shakhnovitch, M. M. Archaeological work on the search for the “common grave of 116 martyrs” of the Trifonov-Pechenga Monastery. *Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages*. Tver, 2017. Issue 10. P. 241–256. (In Russ.)
17. Shakhnovitch, M. M., Kozhevnikova, Yu. N., Sonina, A. V. New monumental monuments of the Orthodox history in Karelia. *Novgorod and Novgorod land. History and archeology*. Veliky Novgorod, 2014. Issue 28. P. 295–301. (In Russ.)
18. Shakhnovitch, M. M., Kulikova, M. A., Sonina, A. V. The boulder embankments in the Northern Ladoga area: the experience of a comprehensive study. *Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages*. Tver, 2019. Issue. 12. P. 496–509. (In Russ.)
19. Shakhnovitch, M. M., Kulikova, M. A., Sonina, A. V. Hendolaksha labyrinth in the Kandalaksha Bay of the White Sea. *Archeology of the North*. Cherepovets, 2015. Issue 6. P. 149–156. (In Russ.)
20. Shevelev, V. V. Krestovaya cave: preliminary characteristics of the monument. *Stavrographic collection of research papers*. Moscow, 2001. Book 1. P. 290–292. (In Russ.)
21. Shevelev, V. V. Krestovaya Cave: a monument of the Old Believers’ culture in the Kargopol region. *Christianity and the North*. Moscow, 2002. P. 208–210. (In Russ.)
22. Shevchenko, Yu. Yu. The time of possible emergence of the cave temple on cape Ai-Todor (Chilter-Koba) in the Crimea. *Field studies of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences in 2009*. St. Petersburg, 2010. Vol. 10. P. 94–117. (In Russ.)
23. Shevchenko, Yu. Yu. Underground living as a phenomenon of Russian Christian spiritual culture. *Reality of ethnos. National schools in ethnology, ethnography and cultural anthropology: science and education*. St. Petersburg, 2001. P. 39–44. (In Russ.)
24. Sjöberg, R. Lichenometric dating of boulder labyrinths on the Upper Norrland Coast of Sweden. *Caerdroia*. 1997;27:10–17.
25. Sonina, A. V., Fadeeva, M. A., Shreders, M. A. The growth of lichens on the coastal rocks in environmental conditions of South Karelia. International meeting “Lichens of Boreal Forests”. Syktyvkar, 2008. P. 134–144.

ИГОРЬ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ГЕРАСИМОВ

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории стран Ближнего Востока

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5592-3505; igorfarouh@yandex.ru

МОХАМЕД МУСТАФА АЛТИГАНИ БАБИКЕР

аспирант кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

mmustafa78@gmail.com

СУДАНСКИЙ КОНГРЕСС ВЫПУСКНИКОВ И ПРЕССА

А н н о т а ц и я. Рассматривается деятельность молодежной общественной организации «Конгресс выпускников», в которую входили прошедшие обучение в учебных заведениях различного уровня молодые суданцы. С ростом авторитета в молодежной среде и в кругах наиболее активных слоев общественности благодаря своим гуманитарным и социальным инициативам эта организация пришла в политику и смогла формировать и отстаивать свои ориентиры перед англо-египетской колониальной администрацией. Участники управляющего органа Конгресса являлись также публицистами и литераторами и принимали участие в деятельности прессы, получившей серьезный импульс к развитию в 1940-е годы. Со временем на базе различных идеино-политических течений внутри Конгресса сформировались первые политические партии, имевшие свои печатные органы. В статье представлены издания тех лет и обозначено персональное участие в их деятельности членов руководства Конгресса выпускников, что позволяет значительно глубже понимать политические пристрастия и цели молодых политиков, составивших после провозглашения независимости Судана в 1956 году политическую элиту страны и сформировавших суданскую публицистическую школу. Материалами при написании статьи послужили исследования и мемуары в основном суданских авторов, писавших на арабском языке. Часть из них впервые упоминается в отечественной востоковедной литературе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Судан, Конгресс выпускников, пресса, дискуссионные общества, политические партии

Д л я ц и т и р о в а н и я: Герасимов И. В., Бабикер Мохамед Мустафа Алтигани. Суданский Конгресс выпускников и прессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 17–25.
DOI: 10.15393/uchz.art.2021.613

ВВЕДЕНИЕ

Общественная организация «Конгресс выпускников» рассматривается практически во всех исследованиях, посвященных политической истории Судана 1930–1940-х годов [1], [2], [3], [4], [6], однако отдельные стороны деятельности ее участников не получили освещения. В частности, явно недостаточно отражены роль и место выпускников учебных заведений Судана в создании газетных и журнальных изданий, в деятельности прессы. Формирование политических организаций, возникших на базе Конгресса выпускников, также остается предметом обсуждения. В лучшем случае в работах западных и суданских коллег по истории Судана упоминались главные редакторы созданных периодических изданий и их собственники. Это относится

к частным газетам и журналам в первую очередь. Очень мало сведений содержится об авторах материалов – участниках деятельности Конгресса выпускников у суданских авторов, в том числе и в монографии одного из авторов этой статьи. Есть отдельные воспоминания коллег-публицистов, отражающие их творческий путь, однако политические взгляды, политические ориентиры и биографии оставались за рамками интересов исследователей. Тем не менее именно в этот период создавалась идеальная почва для постепенного перехода страны в фазу независимого развития с соответствующими ей политическими институтами. С учетом квартально-родового принципа формирования суданской столицы важна роль семей, входивших в эти квартальные объединения, и их влияние на присоединение выходцев из них

к литературно-дискуссионным обществам. Ясно лишь, что политические пристрастия формировались отчасти и на этом уровне.

В последнее время внимание к Судану, его политической жизни и журналистике растет. Это обусловлено важностью процессов, происходящих в стране, таких как раздел некогда единой страны на два независимых государства – Республику Судан и Южный Судан (2011), суданские волнения, которые привели к отставке президента Омара ал-Бапшира и замене его на Переходное правительство (2019). Намечаются тенденции к сближению и сотрудничеству между суданским государством и РФ в различных областях, включая политическую, военную, экономическую и научную.

КОНГРЕСС ВЫПУСКНИКОВ: ПОЯВЛЕНИЕ, УЧАСТНИКИ, ИДЕАЛЫ

Формирование суданской элиты, получившей образование на основе близких к европейским, по крайней мере светским, стандартам в начале XX века, происходило почти одновременно с появлением периодических изданий. Вполне закономерно, что первыми журналистами стали именно представители молодежи, имевшие определенный уровень знаний и склонности к литературному творчеству. Главными учебными центрами того времени можно считать колледж имени Гордона, Научный институт в Омдурмане, школу при почте и телеграфе. В 1924 году открылась медицинская школа в память об английском военачальнике и колониальном политическом деятеле Китченере: первая группа квалифицированных врачей была выпущена в 1928 году [3: 90]. В этих учебных заведениях большое значение придавалось гуманитарным дисциплинам, среди которых выделялся арабский язык. Необходимым также было знание арабской литературы. Поэтому неудивительно, что выпускники, которые владели навыками письма и испытывавшие потребность в самовыражении, либо полностью, либо частично совмещали свою журналистскую деятельность с основной работой в государственных органах, школах и частных фирмах.

С начала 1940-х годов образованные суданцы стали занимать посты редакторов и директоров периодических изданий. Именно в это время на плечи выпускников учебных заведений была полностью возложена задача формирования общественного мнения. Этому способствовало то, что идеальная атмосфера за несколько десятилетий после поражения махдистского восстания 1898 года и установления колониальной англо-египетской власти качественно изменилась. Стали обсуждаться темы, которые ранее

не имели общественного резонанса. К ним можно отнести вопросы здравоохранения, образования, транспорта. Газетные публикации включали в себя литературные произведения, поэзию, литературную критику. Качественный рост прессы в какой-то степени отражал социальную активность определенных кругов общества.

Особое место в общественно-политической жизни Судана стала играть организация, объединявшая в своих рядах образованную молодежь, – Клуб выпускников. Термин «выпускники» подразумевает в основном молодых суданцев, получивших образование в школах второй ступени, профессиональных школах, колледже имени Гордона, который позднее превратился в университет, в учебных заведениях полноценного высшего образования в других странах – Египте, Ливии, Англии, Франции. Довольно большое здание в колониальном стиле в одном из трех составляющих столицу Судана районов – Омдурмане служило его штаб-квартирой. Ядром Клуба стали молодые инициаторы объединения молодежи в рамках его общей структуры. Они учились в одних и тех же учебных заведениях, жили по соседству и имели много общих интересов. К ним стали тянуться и другие, менее образованные, но увлеченные идеями Клуба суданские юноши, которые получили скромное традиционное образование, главным образом в коранических школах – халуах. В стенах Клуба наряду с дискуссиями и спорами о текущих делах и будущем страны вниманию собравшихся иногда предлагались театральные постановки, показ кинофильмов из репертуара немого кино [7: 52]. Это, вероятно, добавляло еще больше популярности объединению юных суданцев. Ввиду недостаточного числа служащих-иностранцев и местных жителей, имевших хороший уровень подготовки по отдельным специальностям, молодежь Клуба выпускников также пыталась реализовать себя, работая в различных государственных и частных структурах.

Большое значение для формирования гражданского сознания в обществе, развивавшемся под контролем колонизаторов-британцев, стало выдвижение инициатив, которые должны были внести элементы патриотизма, консолидации общества и выработки единой позиции по ряду животрепещущих вопросов среди суданцев. Одним из самых значительных общественных проектов, имевших положительный резонанс среди населения Судана, было создание на базе Клуба выпускников и различных литературно-дискуссионных обществ более серьезной и структурированной организации – Конгресса выпускников учебных заведений.

В начале 1930-х годов в Омдурмане зародилось сразу два литературно-дискуссионных общества, а несколько позднее еще одно – аналогичное этим двум – в городе Вад Мадани. Деятельность этих обществ нашла отражение в печатных органах – журналах «ан-Нахда» (1931) и «ал-Фаджр» (1934), о которых много написано у суданских исследователей, в статьях и монографии одного из авторов эти строк [1]. Помимо журнальных свет увидели и газетные издания – «ас-Судан» (1934) и газета «ан-Нил» (1935). Считается, что предтечей и одновременно катализатором идеи Конгресса выпускников послужил ряд статей именно в газете «ас-Судан» в 1935 году, написанных Хидиром Хамадом. Идеи, изложенные в них, были подхвачены и развиты другим выпускником – Ахмадом Хайром. Некоторые авторы считают, что именно Ахмад Хайр и его лекция, прочитанная в Вад Мадани, а затем опубликованная в журнале «ал-Фаджр», послужили отправной точкой для реализации идеи создания Конгресса выпускников [12: 31]. Газетные статьи побудили группу выпускников выступить с предложением создать всенародный проект под названием «Малджа» (дословно «приют», «убежище»), который бы позволил дать образование талантливым юношам. «Малджа» мыслился как сбор добровольных пожертвований, и для его реализации каждый желающий мог внести любой вклад, пусть даже размером с самую мелкую денежную единицу – один кирш (один пиастр). После того как инициатива была подхвачена народом и деньги в виде пожертвований стали поступать в созданный для этого комитет, проект был переименован в «Малджа ал-кирш» («Убежище за один пиастр»). В рамках этого проекта предполагалось также предоставление помощи сиротам и детям из неимущих слоев, которые демонстрировали способности и желание учиться. Вскоре подобные комитеты для приема пожертвований появились во многих населенных пунктах, и проект по оказанию посильной помощи стал обсуждаться повсеместно. В 1936 году был создан учебный центр. Это сблизило выпускников и всесило уверенность в правильности курса на активизацию совместной деятельности в рамках большого проекта.

Практические шаги по организационному оформлению Конгресса выпускников в качестве общесуданской платформы молодых либералов начались именно в недрах литературно-дискуссионных обществ. Лидирующая роль в этом стала принадлежать обществу, базировавшемуся в Вад Мадани. Общество направило приглашение главному редактору журнала «ал-Фаджр»

Ахмаду Йусуфу Хашиму принять участие в еженедельном заседании, тема которого – «Наша политическая обязанность после соглашения 1936 года»¹. С докладом по ней выступал Ахмад Хайр, являвшийся в то время одним из самых ярких представителей филиала в Вад Мадани. В своей речи он призвал объединиться в рамках общегосударственной организации, которая, по его мнению, должна была стать

«источником для национальной агитации и наставления и руководства, а просвещенная мысль в ней была бы независимой и освободилась от оков традиций...» [8: 15].

После этого события в литературных кругах Омдурмана наблюдалась повышенная активность выпускников, писавших в журналах материалы с критикой существующего положения в стране. Осуждению подверглись религиозные братства, выступавшие с консервативных позиций и навязывавшие традиционные подходы к социальным связям и устаревшие в глазах прошвенной молодежи ценности. Обсуждалась и структура будущей организации. В названии, предложенном ее организаторами, усматривалась параллель с Индийским национальным конгрессом. Наконец, в феврале 1938 года после долгих обсуждений и споров было провозглашено создание новой организации. Был обнародован устав Конгресса, определены цели, сводившиеся к «служению общему благу, стране и выпускникам».

Было бы логичным предположить, что на месте последнего слова должно стоять слово «народ», но тогда это стало бы вызовом колониальным властям, которые в тот период следили за малейшими проявлениями противопоставления и в любом заявлении видели протестный подтекст. Употребление последнего слова свидетельствовало о понимании активистами зависимости от контроля британской администрации и соответственно гибкости, которая бы позволила избежать дополнительных противоречий и недовольства со стороны англичан, которые могли заподозрить стремление некоторых активистов выступать от имени всего народа, а не ограничиваться рамками общественной организации. Первая сессия Конгресса состоялась 12 февраля 1938 года (Приложение 1). На ней был принят устав и создано руководящее ядро – ассоциация, состоявшая из 60 членов. На следующий день ассоциация «шестидесяти» собралась, чтобы избрать из своих членов исполнительный комитет, состоявший из 15 человек, включая секретаря и председателя. Интересно, что смена председателя происходила на раннем этапе каждого месяца.

Его назначали из числа членов комитета «пятнадцати» [8: 16]. Лишь на третьей сессии Конгресса в 1940 году такой принцип назначения председателя был пересмотрен, и его стали избирать на более длительный срок. Первым председателем, избранным по новой усовершенствованной модели, стал Исмаил ал-Азхари.

Нельзя сказать, что вся деятельность Конгресса ограничивалась рамками суданской столицы. Постепенно филиалы были открыты и в других городах страны. Особенно яркие воспоминания об этом периоде были оставлены суданским публицистом Хасаном Наджилей:

«...Когда появился Конгресс выпускников, возникла необходимость взаимодействовать с работавшими в нем коллегами. Мы сформировали отраслевой комитет, используя название Конгресса. Мои товарищи оказали мне честь, избрав секретарем этого комитета и секретарем клуба. Комитеты клубов и Конгресс представляли собой социальное и национальное явление, к которому присоединялись те, кто работал на благо страны...» [11: 39].

Профессор, специалист по исламскому движению Хасан Макки Мухаммад Ахмад попытался следующим образом обозначить основные силы, участвовавшие в работе Конгресса. Он отмечал, что в него вошли:

«выпускники Колледжа Гордона, которые работали в государственном аппарате, других госструктурах и правительстве. Они были приобщены к западной общественной мысли и западной культуре;

племенные вожди, главы суфийских братств, законояды-факихи, которые использовали в своих интересах преимущества от сотрудничества с новым государством. Они нуждались в таких факторах, как безопасность, мир, удобства от предоставленных общественных услуг. Общественное благо виделось в том, чтобы передать властям кондоминиума полномочия по ведению дел в Судане;

выпускники миссионерских школ, особенно на Юге Судана и в Джибал (Нуба. – И. Г., Мохамед Мустафа Алтигани Бабикер), настроенные против арабской и мусульманской культуры;

лучшие выпускники военных школ – училищ, которые оказались в военных учреждениях и их подразделениях (военная полиция)» [10: 25].

Основное внимание в Конгрессе уже на первых порах уделялось сфере образования. В апреле 1939 года в правительство поступил меморандум с требованием провести реформу Научного института в Омдурмане. В противном случае выражалась готовность выпускников ходатайствовать о присоединении Института к египетскому университету ал-Азхар. Второй меморандум, поданный в правительство в июле 1939 года, затрагивал также образовательную сферу и сводился к требованию устранения неграмотности, улучшения условий обучения на Юге Судана.

В феврале 1940 года Конгресс пошел в своих требованиях еще дальше, все более углубляясь в политическую сферу. Было решено обратиться к партнеру Англии по кондоминиуму, которого и самого тяготило подчиненное положение, – Египту. Во время визита в Судан премьер-министра Египта Али Махира ему от имени Конгресса было вручено прошение о предоставлении помощи Египта в реформировании страны. По-видимому, после этого события отношение властей Египта к Конгрессу поменялось в лучшую сторону, так как они перестали видеть в нем марионетку в руках британской колониальной администрации. С этого времени появилась надежда на содействие египтян деятельности Конгресса.

Авторами ряда инициатив по улучшению сферы образования стали выпускники. Ахмад Хайр выдвинул идею празднования Дня образования, который бы отмечался всенародно и совпадал с ежегодным праздником, посвященным переселению Пророка из Мекки в Медину. В этот день каждый суданец мог выделить небольшую денежную сумму для строительства народных школ, халуа, других религиозных учреждений. Конгресс начал сбор пожертвований в начале 1941 года, и традиция привлечения добровольно передаваемых средств стала ежегодной. Появилась ироничная поговорка, что за десять лет сборов пожертвований Конгрессом для сферы образования было сделано больше, чем за предшествовавшие десятилетия правительством. Можно считать интересной и инициативу в экономической области. Так, Конгресс выдвинул предложение, направленное представителям крупной коммерции и средним предпринимателям, о создании собственной национальной кинокомпании. Коммерсанты живо отреагировали на это и провели несколько учредительных собраний для обсуждения деталей, что закончилось созданием «Национальной кинокомпании». Официально она была оформлена как самостоятельное учреждение только в 1949 году [7: 16].

Наиболее значимым проектом Конгресса выпускников можно считать меморандум, поданный властям в 1942 году и обращенный к двум государствам – инициаторам кондоминиума Египту и Великобритании о предоставлении Судану в его географических границах права самостоятельно решать свою часть после окончания Второй мировой войны. Выпускники также просили сформировать специальный орган, который бы следил за бюджетом, утверждал законы. Едва ли не самым решительным пунктом меморандума Конгресса была просьба о создании Высшего совета по образованию, на которое

должно было выделяться не менее 12 % от общего бюджета. Несмотря на то что в реализации выдвинутых в меморандуме положений было отказано, подконтрольное британцам правительство было вынуждено провести незначительные реформы. В 1943 году Кабинет министров принял решение о создании Консультативного совета для Севера Судана, чтобы привлекать к его деятельности суданцев. Этим оно хотело расколоть ряды выпускников. Конечно, такой политический ход был раскрыт членами Конгресса, и деятельность этого совета заблокировали.

ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И УЧАСТИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОНГРЕССА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕССЫ

Со второй половины 1940-х годов выпускники начали открытую борьбу с правительством, что привело к отказу участвовать в выборах в Законодательное собрание (1948 год). Несмотря на некоторые общие одобренные большинством членов Конгресса инициативы, внутри него постепенно оформились два генеральных политических направления. Приверженцы одного из них видели будущее страны в союзе с национальным египетским движением, направленным против британского присутствия. После полного ухода англичан из обеих стран планировалось создать «единство» с Египтом или союзное государство. Представители второго направления политиков полагали, что будущее страны – в сотрудничестве с Англией и принятии всех внедренных ею в суданское общество законодательных институтов. Противостояние этих линий в Конгрессе со временем усилилось. В итоге в середине 1940-х годов с учетом разногласий и противоречий из недр Конгресса вышло сразу несколько политических партий.

В соответствии со сведениями Ифафа Абу Хасабу, приведенными в статье Халида Хусайна Османа, появление политических партий происходило в следующем хронологическом порядке: юнионистская партия была первой, которую создали члены общества Абу Руф. За ней последовало формирование партии националистов (Хизб ал-каумин), которую сформировало общество «ал-Маурида – ал-Хашимаб». Впоследствии оно стало известно как общество «ал-Фаджр». Хотелось бы отметить, что «ал-Маурида и ал-Хашимаб» являются названиями кварталов в Омдурмане. Они существуют и в настоящее время. Большинство жителей кварталов близки к суфийскому ордену ансар, ориентированному на противостояние объединительному египетскому курсу, а фактически – на возможное поглощение Судана северным соседом. В 1944 году члены-

ми группы «ал-Ашикка» была образована партия либералов (Хизб ал-ахрар). В феврале 1945 года провозглашается создание партии «ал-Умма». Затем последовало организационное оформление партии либералов-юнионистов (Хизб ал-ахрар ал-иттихадин). Ее появление было следствием раскола партии либералов (Хизб ал-ахрар). Далее следует Республиканская партия (ал-Хизб ал-джумхурий). В 1946 году появилась партия «Единства долины Нила» (Хизб уахдат уади ан-Нил) и в том же году «Суданское движение за национальную свободу» (ал-Харака ас-суданийа ли-т-тахаррур ал-уатаний), ставшее впоследствии суданской коммунистической партией [12: 50]. Надо признать, что на короткое время, в марте 1946 года, политические противники объединились, чтобы составить делегацию, представлявшую Судан, для участия в британско-египетских переговорах в Египте. Возглавил суданскую делегацию Исмаил ал-Азхари.

Касаясь вопроса участия Комитета шестидесяти в деятельности массмедиа и в целом литературы, включая публицистику, можно заключить следующее. В соответствии с данными «Словаря-справочника имен и биографий членов Конгресса суданских выпускников» ал-Муатасима Ахмада ал-Хаджа, увидевшего свет в 2001 году, общее число зарегистрированных участников – 238 человек; в дополненном и снабженном фотографиями большинства участников издании того же автора от 2008 года их число составило 243 [9: 13].

В контексте заявленной в статье темы, имея краткие биографические сведения о наиболее активных литераторах и публицистах, попробуем рассмотреть их участие в суданских печатных изданиях и других медиа. Из 243 биографий членов Конгресса выпускников значительное число (почти пятая часть) было связано с публицистикой. Едва ли не самые активные члены литературных обществ в 1930-е годы уже десятилетие спустя оказались в сфере активной политики, чтобы, занимая определенную гражданскую позицию, отстаивать свои идеалы. Можно сделать вывод, что в условиях Судана приобщение к литературе влекло за собой одновременно приближение к политической жизни страны. Отличительной чертой активной суданской молодежи было то, что в начале деятельности Конгресса многие совмещали службу в различных государственных департаментах, в частном секторе и журналистику. Со временем отдельные представители смогли оставить свои прежние специальности и полностью посвятить себя написанию материалов, управлению печатными органами и участию в политике. Многие

выпускники стали главными редакторами изданий.

Из рассмотренных 66 биографий литераторов и журналистов – лидеров Конгресса 30 были уроженцами Омдурмана. Это означало, что их родители большей частью оказались в нем в период восстания Махди, когда, собственно, город и был создан. Можно с большой степенью уверенности видеть в них потомков участников махдистского восстания. Соответственно, идейно многие из них были близки к вождю теократического государства. Семь человек, связанных с журналистикой, были выходцами из Хартума и, скорее всего, представляли круги суданцев, родители которых не так давно переселились в административный центр страны, так как этот город заново отстраивался уже после установления кондоминиума – англо-египетской власти.

36 человек из наиболее активного состава Конгресса были столичными жителями. Автор биографического словаря сообщает, в каком квартале Омдурмана родились отдельные лидеры Конгресса. Из этой информации проясняется, к какому литературно-дискуссионному обществу Омдурмана принадлежали отдельные литераторы и журналисты.

Квартал Абу Руф: ал-Хади Абу Бакр, Хасан Абу Шамма, Хасан Зайада, Исмаил ал-Атабани.

Квартал ал-Маурида: Мухаммад Ашари ас-Садик, Абд ар-Рахман Шауки.

Квартал ал-Хашимаб: Мухаммад Ибрахим Хашим, Абд ал-Халим Мухаммад, Ахмад Йусуп Хашим.

В случае если данных по принадлежности к конкретному кварталу не приведено, с учетом членства в литературно-дискуссионном обществе можно предполагать, к выходцам из какого квартала тяготели другие участники Конгресса.

Общества Абу Руф: Абдаллах Миргани, Абд ар-Рахим Уапши, Хидир Хамад, Хасан Абу Шамма, Хасан Зайада, Исмаил ал-Атабани.

Общество ал-Хашимаб: Исмаил Абу-л-Касим Хашим.

Для журнала «ан-Нахда ас-суданий» (1931–1933 гг.) присыпали материалы: Мухаммад Ашари ас-Садик, Мухаммад Абдаллах ал-Омарби, Абд ал-Хамид Абу-л-Касим Хашим, Ахмад Мухаммад Абу Дикн.

Для журнала «ал-Фаджр» (1934–1937) писали материалы следующие члены руководства Конгресса: Йусуп ал-Мамун, Йахья ал-Фадли, Мухаммад Ашари ас-Садик, Мухаммад Ахмад Махджуб, Мухаммад Ибрахим Хашим, Абд ал-Халим Мухаммад, Абд ал-Хамид Абу-л-Касим Хашим, Хайдар Муса, Ахмад Йусуп Хашим.

В представленном материале названы полные имена журналистов, работавших под псевдонимами и публиковавшихся в суданских изданиях. Благодаря выверенному списку периодических изданий и точным сведениям относительно чле-

нов руководства Конгресса можно установить, кто и в каких изданиях работал и к каким формировавшимся в этот период политическим силам проявлял склонность (Приложение 2).

ВЫВОДЫ

Можно с уверенностью говорить, что не столько Конгресс выпускников, сколько его организационное ядро – Комитет «шестидесяти» являлся в годы существования Конгресса местом, где были сосредоточены наиболее активные и известные публицисты и политики Судана, ярко проявившие себя в это и последующие десятилетия. Статистические данные, приведенные в статье, служат подтверждением этой точки зрения. В зависимости от места проживания столичных участников Конгресса формировались и их политические и идейные ориентиры. Квартально-родовое деление одного из районов суданской столицы Омдурмана, сложившегося как самостоятельный город в период махдистского восстания, служит наглядным примером этого. Выпускники, проживавшие в таких кварталах, как Маурида и Хашимаб, имели родственные связи с муфтием Судана, рядом религиозных суфийских деятелей, что обеспечивало им авторитет в глазах современников и одновременно давало широкие возможности для выхода на издательские и публицистические круги. Это позволяло издавать первые журналы, собираясь на литературные и дискуссионные вечера, активнее участвовать в политической жизни Судана.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Сессии по выборам в Конгресс выпускников (1938–1952)

Первая сессия 1938 г.

Вторая сессия – 1939 г. (на ней Конгресс выдвинул петицию по реформированию Научного института в Омдурмане и петицию с требованием реформ образования в Судане)

Третья сессия – 1940 г.

Четвертая сессия – 1941 г.

Пятая сессия – 1941–1942 гг. (Конгресс выдвинул известную петицию с требованием права самоопределения)

Шестая сессия – 1942–1943 гг. (Конгресс выдвинул петицию, в которой отверг создание Консультационного совета для Севера Судана)

Седьмая сессия – 1943–1944 гг.

Восьмая сессия – 1944–1945 гг. (ал-Ашикка фактически начинают доминировать в Конгрессе. Конгресс выносит решение о создании суданского демократического правительства с ориентацией на союз с Египтом).

Девятая сессия – 1945–1946 гг. (направление делегации партий под эгидой Конгресса для изложения суданской позиции и контроля над переговорами, получившими название «переговоров Сидки-Бевин»¹)

Десятая сессия – 1946–1947 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Периодические издания Судана и участие выпускников в их деятельности:

Бюллетень «Наират Фаурауи ал-ахбариа» (Информационный бюллетень Фаурауи):

Мухаммад Амир Башир «Фаурауи» (издатель и редактор)

ГАЗЕТЫ:

Газета «Хадарат ас-Судан» (Культура Судана):

Абд ал-Фаттах ал-Магриби, Мухаммад ас-Сейид ас-Сауакини, Мухаммад Абдаллах ал-Омараби

Газета «Саут ас-Судан» (Голос Судана):

В газету направляли свои публикации: Ахмад ас-Сейид Хамад, майор Ахмад Акил, Исмаил ал-Атабани (некоторое время занимал пост главного редактора), Хайдар Муса, Абдаллах Миргани (был некоторое время главным редактором), Мухаммад Амин Хусайн, Мухаммад ал-Халифа Таха «ар-Рифи», Мухаммад Амир Башир «Фаурауи» (был главным редактором газеты), Мухаммад ас-Сейид ас-Сауакини, Мухаммад Усман Шауки, Ахмад ас-Сейид ал-Фил

Газета «ар-Рай ал-амм» (Общественное мнение):

Исмаил ал-Атабани (основатель газеты), Джамал Мухаммад Ахмад (председатель адм. совета корпорации газеты), Али Хамид, Мухаммад ал-Халифа Таха «ар-Рифи»

Газета «ас-Сихафа» (Пресса):

Али Хамид (некоторое время был главным редактором газеты), Мухаммад ал-Халифа Таха «ар-Рифи», Джамал Мухаммад Ахмад (был главным редактором)

Газета «ан-Нил» (Нил):

Мухаммад Усман Шауки, Салих Араби, Хайдар Муса

Газета «ал-Иттихад» (Союз):

Али Хамид (главный редактор), Мухаммад ал-Халифа Таха «ар-Рифи», Махмуд ал-Фадли (был главным редактором)

Газета «ал-Муатамар» (Конгресс):

Ахмад ас-Сауи ас-Сануси, Ахмад Мухаммад Йасин (был некоторое время главным редактором), Бадуи Мустафа аш-Шейх (был главным редактором), Хисан Мухаммад Ахмад, Абд ал-Халим Мухаммад, Абдаллах Миргани, Али Хамид, Али Талибаллах (был некоторое время главным редактором)

Газета «ат-Тилиграф» (Телеграф):

Салих Араби, Хисан Мухаммад Ахмад (был секретарем редакции)

Газета «ал-Алам» (Знамя):

Салих Мухаммад Исмаил (был главным редактором газеты)

Газета «ал-Умма» (Нация):

Мухаммад Усман Шауки, Салих Араби, Мухаммад Усман Шауки

Газета «ал-Хади» (Спокойный):

Салих Араби (главный редактор), Махмуд Мустафа ат-Тахир

Газета «ас-Саиха» (Глас)

Махмуд Мустафа ат-Тахир

Газета «ал-Ашикка» (Родные братья):

Мухаммад Абд ал-Джуад, Али Хамид, Мухаммад Усман Шауки, Мухаммад Абдаллах ал-Омараби

Газета «аи-Шабаб» (Молодежь):

Усман Ахмад Умар «Абу Аффан», Мухаммад ал-Халифа Таха «ар-Рифи»

Газета «ал-Ахрап» (Лiberaly):

Хасан Салама

Газета «ан-Нас» (Люди):

Хисан Мухаммад Ахмад

Газета «аи-Шурук» (Восход):

Хисан Мухаммад Ахмад

Газета «ас-Судани» (Суданец):

Хисан Мухаммад Ахмад

Газета «ал-Хадаф» (Цель):

Ахмад Мухтар

Газета «ал-Айам» (Дни):

Махмуд ал-Фадли (директор типографии издательства «ал-Айам»)

Газета «ар-Райд» (Первопроходец):

Мухаммад ал-Халифа Таха «ар-Рифи»

Газета «ал-Лива» (Знамя):

Мухаммад ал-Халифа Таха «ар-Рифи»

Газета «ас-Судан» (Судан):

Амин Бабикер «Ибн аш-Шааб», Хидир Хамад, Абд ал-Рахман Ахмад (был издателем этой газеты)

ЖУРНАЛЫ:

Журнал «ан-Нахда ас-суданийа» (Суданское про-буждение):

Ахмад Мухаммад Абу Дикн, Абд ал-Хамид Абу-л-Касим Хашим, Мухаммад Ашари ас-Садик, Мухаммад Абдаллах ал-Омараби

Журнал «ал-Фаджр» (Рассвет):

Ахмад Йусуп Хашим (главный редактор (1936–1937)), Хайдар Муса, Абд ал-Хамид Абу-л-Касим Хашим, Абд ал-Халим Мухаммад, Мухаммад Ибрахим Хашим, Мухаммад Ахмад, Мухаммад Ашари ас-Садик Махджуб, Йахъя ал-Фадли, Йусуп ал-Мамун

Журнал «ас-Судан ал-джадид» (Новый Судан) со временем превратился в ежедневную газету:

Махмуд Мустафа ат-Тахир, Мухаммад ал-Халифа Таха «ар-Рифи» (зам. главного редактора), Хисан Мухаммад Ахмад, Ахмад Йусуп Хашим (основатель журнала)

Журнал «ал-Мухандис» (Инженер):

Абд ал-Хамид Абу-л-Касим Хашим (был издателем журнала)

Журнал «ал-Кулийа» (Колледж):

Мухаммад Осман Миргани

Религиозный журнал «ал-Ислах» (Реформа):

Камил Мухаммад Хасан «ал-Ахмади»

Журнал «ас-Сибийан» (Молодежь):

Джамал Мухаммад Ахмад, Хасан Хамид ал-Бадуи

Журнал «ал-Хартум» (Хартум):

Джамал Мухаммад Ахмад

Журнал «ал-Адеб» (Литератор):

Ахмад Мухтар

Журналы Египта, освещавшие положение в Судане:

Журнал «Омдурман» (Омдурман) (издавался в Египте, но был ориентирован на освещение суданской проблематики):

Салих Араби, Мухаммад Амин Хусайн был членом редакции журнала «Омдурман», главным редактором которого был Абдо Даҳаб, а затем и сам Мухам-

мад Амин Хусейн возглавлял редакцию этого издания до своего изгнания из Египта (1945 г.)

Египетские издания, для которых писали суданские журналисты:

«ал-Джумхурийа» (*Республика*) – Мухаммад ал-Халифа Таха «ар-Рифи»

«ал-Балаг» (*Весть*) – Ахмад Фаузи

«ал-Ахрам» (*Пирамиды*) – Ахмад Фаузи

«ал-Кашкул» (*Сума*) – Салих Араби

«ас-Сур» – Салих Араби

«Уади ан-Нил» (*Долина Нила*) (ежедневная газета Александрия) – Салих Араби

«ал-Мисри» (*Египтянин*) – Салих Араби

«аш-Шуала» (*Пламя*) – Салих Араби

Журналы Египта, для которых писали суданцы:

«Роз ал-Йусуф» – Салих Араби

«Ахир саа» (*В последний час*) – Салих Араби

«Хуррият аш-шууб» (*Свобода народов*) – Салих Араби

Газеты Саудовской Аравии, в которых работали суданцы:

«Газета «Укказ» – Мухаммад Усман Шауки

«Газета «ал-Мадина» (*Медина*) – Мухаммад Усман Шауки

Некоторые члены Конгресса выпускников печатались под псевдонимами. Известны следующие из них:

Мухаммад ал-Халифа Таха «ар-Рифи»

Мухаммад Амир Башир «Фаураун»

Камил Мухаммад Хасан «ал-Ахмади»

Усман Ахмад Умар «Абу Аффан»

Амин Бабикер «Ибн аш-Шааб»

Деятельность на радио:

Мухаммад ал-Халифа Таха «ар-Рифи» был корреспондентом радиостанции «Рукн ас-Судан» (*Уголок Судана*), базировавшейся в Каире

Махмуд ал-Факки

Садик Фарид «Радио Омдурман» – диктор

Убайд Абд ан-Нур «Радио Омдурман» – диктор

Салих Абд ал-Кадир «Радио Омдурман» – диктор

Типографии:

Махмуд ал-Фадли после передачи суданской стороны типографской фирмы «Макоркодил» стал ее директором. Она получила новое название – «ал-Матбаа ал-хукумийя» (*Государственная типография*)

Ахмад ас-Сейид ал-Фил был председателем административного совета типографии «ас-Салам», ее главным акционером был крупный суданский политический и религиозный деятель Али ал-Миргани

Суданцы – члены Комитета «шестидесяти», публиковавшие свои материалы в изданиях публицистического и литературного характера:

Ахмад Абу Хадж, Ахмад Хейр, Ахмад Мухаммад Салих, Исмаил Абу-л-Касим Хашим, Хасан Зайада, Хасан Шафи, Хасан ат-Тахир Заррук, Хасан Таха Мухаммад Али «Шаир ал-джамахир», Хасан Абу Шамма, Хасан Наджила, ас-Сейид Абдаллах ал-Магриби, Салах ад-Дин ал-Атабани, Абд ал-Халим Али Таха, Али Нур, Мухаммад Осман Йасин, Махмуд Ани, Махмуд ал-Факки, Али Нур Ибрахим, Ал-Хади Абу Бакр, Абд ар-Рахман Шауки

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соглашение 1936 года между Египтом и Англией не учитывало интересов Судана, и из него не следовало предоставление Судану независимости и суверенитета.

² Так названы в честь министра Египта М. Сидки и министра иностранных дел Англии Бевина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Герасимов И. В. История публицистики Судана: Монография. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2011. 228 с.
- Поляков К. И. История Судана: XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 510 с.
- Смирнов С. Р. История Судана (1821–1956). М.: Наука, 1968. 295 с.
- Collins R. O. A History of Modern Sudan. New York, 2008. 360 р.
- Cruikshank A. The golden age of tropical medicine. *Modernization in the Sudan. Essays in Honor of Richard Hill.* (M. W. Daly, Ed). New York, 1985. P. 85–100.
- Niblock N. Class and power in Sudan: The dynamics of Sudanese politics, 1898–1985. Macmillan, London, 1987. 370 р.
- Ал-Мак Насир ат-Тайиб. Наш'ат уа татауур ал-филм ат-тасджили фи ас-Судан. Ал-Хартум, 2016. 125 с. (Появление и развитие неигрового кино в Судане).
- Ал-Хадж ал-Муатасим Ахмад. Муаджам шахсийат му'атамар ал-хирриджин. Ал-Хартум, 2001. 136 с. (Словарь-справочник имен и биографий членов Конгресса суданских выпускников).
- Ал-Хадж ал-Муатасим Ахмад. Муаджам шахсийат му'атамар ал-хирриджин. Хартум, 2009. 390 с. (Словарь-справочник имен и биографий членов Конгресса суданских выпускников).
- Ахмад Хасан Макки Мухаммад. Ламхат масират ал-харака ал-исламийя. Дирада тахлилия фи татауур ал-харака ал-исламийя ас-суданийа уа мумарасатуха ли-с-султа. Хартум, 2017. 146 с. (Особенности исламского движения. Аналитическое исследование о развитии исламского движения и вхождении во власть).
- Наджила Хасан. Зикрийати фи-л-бадийа. Матбаа Акадимийт ал-улум ат-тиббийя. Б. м., 2002. 182 с. (Мои воспоминания о пустыне).
- Осман Халид Хусайн. Муатамар ал-хирриджин уа нашат ал-ахзаб ас-сийасийа. Китабат суданийа. Каир, 1994. 5 авг. С. 31–54. (Конгресс выпускников и создание партий).

Original article

Igor V. Gerasimov, Dr. Sc. (History), Professor,
Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-5592-3505; igorfarouh@yandex.ru

Mohamed Mustafa Altigani Babiker, Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (St. Petersburg, Russian Federation)
mmustafa78@gmail.com

THE SUDANESE GRADUATES' GENERAL CONGRESS AND THE PRESS

A b s t r a c t. The article deals with the activities of the youth public organization known as the Graduates' General Congress, whose members were the graduates of different educational institutions in Sudan. With the growth of its authority among the young generation and the most active society strata, thanks to its humanitarian and social initiatives, this organization entered politics and was able to form and defend its benchmark ideas in front of the Anglo-Egyptian colonial administration. Members of the Organizing Committee of the Congress also were political writers and took part in the activities of the press, which got a serious impetus to development in the 1940s. Gradually, on the basis of various ideological and political trends within the Congress, the first political parties that had their own press were formed. The article presents newspapers and magazines of those years and indicates the personal participation of the members of the Organizing Committee of the Congress in their publication activities. It gives a much deeper understanding of the political preferences and aims of young politicians who formed the political elite of the country and the Sudanese national journalistic school after Sudan declared its independence in 1956. The authors used research papers and memoirs written mainly by the Arabic-language Sudanese authors as their study materials. Most of the sources are mentioned in the historiography of oriental studies for the first time.

K e y w o r d s: Sudan, Graduates' General Congress, press, debating societies, political parties

F o r c i t a t i o n: Gerasimov, I. V., Babiker, Mohamed Mustafa Altigani. The Sudanese Graduates' General Congress and the press. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):17–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.613

REFERENCES

1. Gerasimov, I. V. The history of journalism in Sudan. St. Petersburg, 2011. 228 p. (In Russ.)
2. Poliakov, K. I. The history of Sudan: XX century. Moscow, 2005. 510 p. (In Russ.)
3. Smirnov, S. R. The history of Sudan (1821–1956). Moscow, 1968. 295 p. (In Russ.)
4. Collins, R. O. A history of modern Sudan. New York, 2008. 360 p.
5. Cruikshank, A. The golden age of tropical medicine. *Modernization in the Sudan. Essays in Honor of Richard Hill*. (M. W. Daly, Ed.). New York, 1985. P. 85–100.
6. Niblock, N. Class and power in Sudan: The dynamics of Sudanese politics, 1898–1985. Macmillan, London, 1987. 370 p.
7. Al-Mak, Nasir al-Taib. Emergence and development of non-fiction films in Sudan. Khartoum, 2016. 125 p.
8. Al-Haj, al-Muatasim Ahmad. Dictionary of names and biographies of the members of the Sudanese Graduates' General Congress. Khartoum, 2001. 136 p.
9. Al-Haj, al-Muatasim Ahmad. Dictionary of names and biographies of the members of the Sudanese Graduates' General Congress. Khartoum, 2009. 390 p.
10. Ahmad, Hasan Makki Muhamed. Features of the Islamic movement. Analytical study on the development of the Islamic movement and its entry into power. Khartoum, 2017. 146 p.
11. Najila, Hasan. My memories of the desert. 2002. 182 p.
12. Usman, Halid Husain. The Graduates' General Congress and the formation of political parties. *Kitabat Sudaniyya*. Cairo, 1994. 5 August. P. 31–54.

Received: 27 November, 2020; accepted: 22 March, 2021

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ПЕТРОВ

аспирант

Институт восточных рукописей Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9349-8770; konst652@mail.ru

ДУН ЦИЧАН: СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЙСКОГО ХУДОЖНИКА

Аннотация. Рассматривается процесс становления китайского художника, каллиграфа и теоретика живописи эпохи Мин Дун Цичана (1555–1636). В последние десятилетия творческое наследие этого разностороннего деятеля истории и культуры активно изучают как в Китае, так и на Западе. Автором были проанализированы предпосылки и условия личностного развития Дун Цичана – главного представителя Сунцзянской художественной школы, выделены основные факторы и аспекты этого процесса. Становлению Дун Цичана как живописца способствовали благоприятные условия региона Цзяннань, где он рос, личная амбициозность, на которую также повлияли реалии эпохи, и общий интеллектуальный подъем конца периода Мин. Регулярное общение с представителями китайской интеллектуальной элиты, активное изучение живописных работ предшествующих эпох и постоянные путешествия по Китаю внесли наибольший вклад в формирование взглядов и стиля художника.

Ключевые слова: Дун Цичан, Сунцзянская школа, вэнъжэнь хуа, китайская живопись, эпоха Мин, культура Китая, история Китая

Для цитирования: Петров К. К. Дун Цичан: становление китайского художника // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 26–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.614

ВВЕДЕНИЕ

Дун Цичан 董其昌 (1555–1636) – китайский художник, каллиграф, теоретик живописи и сановник, оставивший после себя значительное число художественных произведений, оказавший серьезное влияние на развитие как живописной традиции, так и эстетической мысли Китая. Последняя треть XVI – первая треть XVII века, на которые пришлись годы активной деятельности Дун Цичана, – это конец эпохи Мин, период правления под девизом Вань-ли 万历 (1572–1620), время интенсивной политической борьбы между придворными группировками, децентрализации государственного управления, появления социально-экономических новаций, усугубления общественных проблем и в то же время усиления северного соседа империи Мин – маньчжурского государства. В этот период на юге Китая в нижнем течении Янцзы, очень развитом и в экономическом, и в культурном отношении регионе, развивалась живописная школа, названная впоследствии Сунцзянской (*Сунцзян пай* 松江派). Наиболее ярким представителем и идейным лидером этой школы считается Дун Цичан.

Наследие этого разностороннего исторического деятеля в последние десятилетия привлекает все большее внимание китайских исследовате-

лей, не оставаясь без внимания и на Западе. Дун Цичану традиционно уделяется немало внимания в работах, посвященных как эстетической мысли [6], так и истории искусства [7]. Хотя в отечественной историографии творчество художника также не обходили стороной, все же его наследие остается в нашей стране относительно малоизученным. Специальная русскоязычная литература, посвященная Дун Цичану, ограничивается двумя небольшими статьями М. Е. Кравцовой [4], дающей биографическую справку, и В. Г. Белозеровой [1], анализирующей достижения художника на поприщах политики и каллиграфии. Отдельные факты биографии и проблемы, поднятые в трудах художника, упоминаются в работах по эстетике китайской живописи [2: 130]. В 60-е годы XX века в рамках общего популярного издания по истории живописи С. М. Кочетовой был выполнен перевод одного из трактатов Дун Цичана [5]. Однако перевод не был критическим, и, судя по всему, было перепутано название трактата. В другие издания переводов китайских теоретиков живописи на русский язык трактаты Дун Цичана не включались [2], [3].

Между тем влияние теоретических взглядов мастера на последующую художественную традицию было столь велико, что критика и переосмысление его взглядов даже в китайской

научной литературе начались только в середине XX века [6: 160]. В этой связи изучение творческого наследия Дун Цичана представляется важной задачей, в рамках которой стоит начать, на наш взгляд, с рассмотрения процесса становления его как живописца. Особенности этого процесса, с одной стороны, характерны для китайских художников-вэнъжэней¹ вообще, с другой – в значительной степени уникальны и отражают специфические условия личностного развития Дун Цичана.

* * *

Дун Цичан (второе имя – Сюаньцзай 玄宰) родился в 1555 году в области Сунцзян 松江, являющейся сегодня частью Шанхая, в семье учителя. Он, как и полагается талантливому мальчику из образованной семьи, учился, штудировал конфуцианскую классику и постепенно сдавал государственные экзамены. В 1567 году в возрасте двенадцати лет Дун Цичан сдал уездный экзамен на степень *сючай* и затем в качестве государственного стипендиата обучался в уездной школе. На экзаменах на вторую степень *цзойжэня* в 1579 и 1585 годах Дун Цичан дважды проваливался, но в итоге преодолел и эту ступень, а в 1589 году получил высшую ученую степень *цзиньши* [1: 174]. В целом подобным образом начинается большая часть биографий сколь-нибудь значимых для китайской культуры деятелей. Однако жизненный путь Дун Цичана отличают несколько важных деталей.

Во-первых, условия региона, в котором жила семья Дун, благоволили становлению будущего художника. В области Сунцзян вторая половина эпохи Мин была отмечена типичной для всего нижнего течения Янцзы коммерциализацией, связанной с выращиванием новых технических культур, и интенсивной урбанизацией. Экономический подъем способствовал здесь активизации интеллектуальных сил. При этом Сунцзян уже с эпохи Шести династий (III–VI века) был важным культурным центром. Здесь жили братья Лу: литераторы Лу Цзи陆机 (261–303) и Лу Юнь陆云 (262–303), творили великий юаньский художник Чжао Мэнфу 赵孟頫 (1254–1322), ученый и каллиграф Ян Вэйчжэнь 杨维桢 (1296–1370), каллиграфы Шэнь Ду 沈度 (1357–1434) и Шэнь Цань 沈粲 (1479–1553) и др. Кроме того, в середине эпохи Мин здесь существовала авторитетная Умэнская школа живописи (*умэн хуапай* 吴门画派 или *у пай* 吴派). Однако ко второй половине XVI века она находилась в упадке, и в Цзяннани² образовался своего рода вакuum свежих художественных идей. Сам Дун

Цичан по этому поводу писал: «В У, начиная с Лу Шупина³, путь живописи в упадке» [10: 14–15].

Во-вторых, в клане Дун, из которого происходил будущий художник, давно не было крупных ученых и государственных деятелей, и на Дун Цичане лежала ответственность восстановить славное имя рода, при том что протекции и больших средств на образование у семьи не было. Кроме того, любопытно обстоятельство сдачи им первого экзамена в 1567 году. Несмотря на то что сочинение Дун Цичана было высоко оценено, его лишили высшего балла за плохую каллиграфию, что поставило перед ним еще одну важную цель – доказать свою способность красиво писать. Наконец, через клановые связи Дун Цичан с ранних лет имел доступ в дома коллекционеров живописи из области Сунцзян и проявил интерес к искусству [1: 174]. Но для того, чтобы самому начать серьезно заниматься собиранием и изучением живописи, нужно было иметь много свободного времени и, что важнее, денег. Биография Дун Цичана – это история успешного сочетания государственной службы и независимого творчества. Столь успешной чиновничей карьеры, сопутствовавшей большому успеху в области теории и практики живописи и каллиграфии, в истории китайского искусства не было практически ни у кого, при том, что становление художника пришлось на период углубляющегося политического кризиса.

Потеряв первое место на экзаменах 1567 года за неряшливый почерк, Дун Цичан преисполнился решимости смыть этот позор и взялся за изучение каллиграфии Янь Чжэньцина 颜真卿 (709–785) со знаменитой стелы из пагоды Добаота (多宝塔 Пагода множества драгоценностей). Затем он изучал каллиграфию Троецарствия и Шести династий: образцы Чжун Яо 钟繇 (151–230) и Ван Сичжи 王羲之 (303–361). Поскольку регион был богат на творческих людей, Дун Цичан попросился в ученики к крупным каллиграфам Лу Шушэну 陆树声 (1509–1605) и Мо Жучжуну 莫如忠 (1508–1588). В доме последнего он познакомился с сыном хозяина Мо Шилуном 莫是龙 (1537–1587), который оказал на Дун Цичана большое идеическое влияние⁴. Тогда же молодой человек стал общаться с местными художниками Дин Юньпэном 丁云鹏 (1547–?) и Гу Чжэнъи 顧正谊 (?–1597), которого сегодня также относят к Сунцзянской школе. Кроме того, при первой возможности Дун Цичан отправлялся в крупные города, где посещал коллекционеров живописи и каллиграфии. В 23 года он начал учиться живописи, копируя работы мастера эпохи Юань Хуан Гунвана 黃公望 (1269–1354). В это

время будущий художник был еще беден, не мог позволить себе покупать дорогую бумагу и зачастую писал на старой одежде и постельном белье, практически перекрашивая их в черный цвет. Чтобы иметь возможность посмотреть коллекции старой живописи, Дун Цичану даже приходилось закладывать одежду и имущество [8: 47]. Впрочем, приложенные усилия в дальнейшем окупились сполна.

В 1589 году 35-летний Дун Цичан сдал экзамены на степень *цзиньши* и стал государственным стипендиатом при академии Ханьлинь. Изменилось социальное положение художника: получив степень и финансовую поддержку, он смог начать собирать свою собственную коллекцию живописи. Кроме того, он познакомился со столичными ценителями искусства: Чжу Гочжэнем 朱国桢 (1557–1632), Цзяо Хуном (焦竑 1540–1620) и др. Дун Цичан обсуждал со своими сослуживцами проблемы живописи и каллиграфии, делился практическим опытом. Особенно большое влияние на него оказал непосредственный начальник Хань Шинэн 韩世能 (1528–1598), знаток искусства и коллекционер, который покровительствовал молодому таланту и по собранию которого Дун Цичан изучал каллиграфию эпох Цзинь, Тан, Сун, Юань. Во время обучения в академии Ханьлинь Дун Цичан впервые стал известен столичной общественности благодаря своей эрудированности. Любопытный факт об этом периоде жизни художника отражен в *Мин ши* 明史 («Истории [империи] Мин»):

«[Когда] помощник министра ритуала Тянь Ицзюнь, бывший академиком [академии Ханьлинь], скончался на посту, Цичан взял увольнение, прошел несколько тысяч ли, [чтобы] позаботиться о возвращении на родину останков [Тянь Ицзюня]. Был повышен до должности редактора [2-го разряда]» [9].

В тексте *Мин ши* утверждается, что Дун Цичан стал известен и за свои высокие моральные качества. Судя по всему, несмотря на высокую должность, Тянь Ицзюнь был небогат либо скончался неожиданно, на похороны ничего не оставил, и Дун Цичан лично вызвался сопровождать его гроб на родину в Фуцзянь. Поездка пошла художнику на пользу, он смог посетить монастыри и достопримечательности провинций Цзянсу, Чжэцзян и Фуцзянь, полюбоваться видами Янцзы и гор Уишань. На обратном пути, проезжая через родные места, он потратил много сил на поиски работ «Четырех мастеров эпохи Юань» (元四家), запечатлевших виды Цзяннали. Таким образом, высокоморальный поступок, сообразующийся с ритуалом, преследовал, возможно, вполне корыстный интерес. Однако

не поместить столь яркий эпизод в *Мин ши* было нельзя, поскольку биография Дун Цичана в династийной истории – это источник, раскрывающий перед нами в первую очередь не сами факты деятельности художника, а, скорее, оценку его деятельности цинской историографией. В начале эпохи Цин в связи с развитием жанра *вэнъэсэнь хуа* и персональной любовью императора Канси к живописи Дун Цичана творчество Дуна оказалось огромное влияние на китайскую художественную традицию. Работы Дун Цичана стали объектом коллекционирования в придворных кругах и важной составляющей императорской коллекции. В итоге довольно большое число работ хорошо сохранилось, сложилась коллекция Сунцзянской школы вообще, которая подробно исследована, например, в рамках музея Императорского дворца Гугун [10].

После трех лет обучения Дун Цичан в 1592 году был назначен редактором 2-го разряда (*бяньсью* 编修) и получил 7-й чиновничий ранг. Получив должность, Дун Цичан превратил до этого спорадические поездки по стране в традицию. За время службы в Академии Дун Цичан три раза ездил путешествовать. Летом 1592 года он был командирован в Учан, где должен был участвовать в пожаловании одному из принцев Чжу Хуакую 朱华奎 феодального титула. По дороге Дун Цичан посетил водопады в горах Люйляншань, знаменитую Красную скалу⁵ и известный своими бамбуковыми лесами уезд Хуанчжоу в провинции Хубэй. Осенью 1596 года со схожей миссией он был направлен в Чанша к принцу Чжу Сюйкую 朱栩盔, съездил на озеро Дунтинху, взобрался на гору Лушань, где посетил монастырь Дунлиньсы. Осенью 1597 года Дун Цичан был направлен председательствовать на экзаменах в провинции Цзянси. Путешествия сыграли огромную роль в становлении Дун Цичана как художника, дали пищу для размышлений и образы для работы. Неслучайно в своем трактате «Суть живописи» (*Хуачжи* 画旨), говоря о принципиальной возможности постичь основополагающие законы творчества, художник пишет:

«Прочитаешь десять тысяч цзюаней, пройдешь десять тысяч ли, в душе отбросишь пыль и грязь [брежного мира] и естественным образом возведешь внутри [себя] холмы и ущелья, установишь границы [Изначального духа] и легко [сможешь] передать в пейзаже дух [всего, что] пишешь» [11: 71].

Но Дун Цичан не ограничивался любованием природой, а постоянно искал произведения великих мастеров прошлого, где бы ни находился: в дороге или в столице. Особенно его привлекала живопись *вэнъэсэней*: Ван Вэя 王维

(701–761), Дун Юаня 董源 (?–962), в ней он видел подлинную литературность, дух интеллектуалов. Дун Цичану импонировала идея отсутствия необходимости педантично придерживаться принципов схожести формы, он видел большую силу в максимально импрессионистической манере письма направления *сеи* 写意 (написание идеи). Под влиянием популярных тогда идей «учения о сердце» Ван Янмина 王阳明 (1472–1529) и раскрепощения сознания Ли Чжэ 李贽 (XVI век) минские чиновники часто собирались небольшими компаниями в столичных городах и обсуждали вопросы философии конфуцианства и буддизма. Дун Цичан тоже участвовал в этих собраниях, дискутируя на темы «детского сердца» (*тунсинь* 童心), «души» (*синлин* 性灵) и «озарения» (*дуньу* 顿悟). Кроме того, художник лично посетил «безумного монаха» Ли Чжэ и подружился с ним [8: 48].

В 1594 году Дун Цичан получил должность толкователя канонических текстов, став одним из наставников наследного принца Чжу Чанло 朱常洛 (1582–1620). При дворе в это время шла интенсивная политическая борьба различных группировок, а у императора Вань-ли были сложные отношения со своими сыновьями. В этих непростых условиях художнику удалось продержаться на должности четыре года. Влияние Дун Цичана на принца было, по всей видимости, довольно велико, что отражает даже его официальная биография: «...по [разным] случаям давал искренние советы, и наследник во всем следовал этому» [9]. Исследователи также отмечают, что многим при дворе не нравилось приближенное к наследнику положение Дун Цичана, и зимой 1598 года он был отстранен от работы наставника и переведен в Хугуан, правда, с повышением. Ощущив на себе пагубные последствия придворной борьбы, сочетавший в себе моральные установки буддиста и конфуцианца, Дун Цичан оказался перед дилеммой. С одной стороны, он осознал потребность уйти от мирской суеты и искать себя на поприще искусства, с другой, как почтительный отпрыск чиновниччьего клана, он не хотел бросать государственную службу, тем более что уже достиг немалых высот. Снятием этого противоречия стал отпуск по болезни, который Дун Цичан взял в том же году и который стал практически перманентным [8: 48].

Следующие шесть лет Дун Цичан провел в родном Сунцзяне. Отсутствие неотложных дел и политических дрязг позволило ему в плотную заняться живописью. Кроме того, пробившись в столичные чиновничьи круги, он пользовался теперь большим уважением земляков. Дун

Цичан сблизился со своим приятелем, художником Чэн Цзижу 陈继儒 (1558–1639), с которым они часто катались на лодке по реке Чуньшэнъцзян 春申江 (совр. р. Хуанпу 黄浦江 в Шанхае). Время от времени он писал пейзажи, смотрел выдающиеся работы мастеров прошлого и оставлял на них свои колофоны. В последующие годы художник посетил окрестности всех крупнейших городов нижней Янцзы: Сучжоу, Янчжоу, Ханчжоу, Нанкина, Уси и др. Помимо возможности любоваться прекрасными видами озер Тайху и Сиху, длительный отпуск позволил Дун Цичану встречаться с коллекционерами и торговцами антиквариатом. Он активно занимался собирательством живописных и каллиграфических работ и в 1603 году издал сборник «Образцы каллиграфии из зала играющего лебедя» (*Сихунтан фате* 戏鴻堂法帖). Кроме того, Дун Цичан давал экспертную оценку работам в коллекциях своих знакомых, выявляя подделки. В своем имении он писал эссе по проблемам эстетики и истории искусства и создавал живописные произведения. К этому периоду относится окончательное становление Дун Цичана как самостоятельного, оригинального художника. В целом этот процесс исследователи, да и сам Дун Цичан в своих трудах завершают 1605 годом – условной датой пятидесятилетия мастера.

«Я учился живописи с новолуния четвертого месяца [года] дин-чоу (1577)... и занимался этим от случая к случаю... В детстве я изучал горы и воды Цзыцзю (Хуан Гунвана), в среднем [возрасте] оставил [живопись Хуан Гунвана] и [обратился] к сунской живописи... после пятидесяти [лет] достиг больших успехов» [10: 20].

Помимо живописи Дун Цичан занимался строительством, в частности возвел «Келью художника» (*Хуа чаньши 画禅室*), давшую впоследствии название сборнику трактатов Дун Цичана «Записи из кельи художника» (*Хуа чаньши суйби 画禅室随笔*). Впрочем, постройки усадьбы Дун Цичана ждала незавидная судьба. В 1616 году имение было сожжено разъяренной толпой местных жителей, выкрикивавшей: «Если хотим, чтобы хворост и рис были крепки, сначала убьем Дун Цичана!» [8: 49]. Поводом для волнений послужило то, что Дун Цичан, большой любитель противоположного пола, обеспечил местную девушку, затем учинил погром в ее доме, подстрекал арестовать студента, предавшего огласке этот факт, был, возможно, причастен к его убийству и издевательствам над вдовой покойного. Этот едва ли не самый известный факт «мирской» биографии художника подробно описан, к примеру, в статье В. Г. Белозеровой [1: 175–176]. Нам же интересно, что на выручку Дун

Цичану вновь приходит *Мин ии*, деликатно сообщая, что у Дун Цичана возник конфликт с местной аристократией, которая и спровоцировала погром [9]. Тот факт, что это событие практически никак не повлияло ни на дальнейшую карьеру Дун Цичана, ни на его отношения с друзьями и было оправдано в официальной историографии, служит для исследователя своеобразной реперной точкой, не позволяющей идеализировать образ художника и заставляющей рассматривать его жизнь и творчество исключительно во взаимосвязи с весьма далекими от принципов конфуцианской морали и буддийской отрешенности условиями жизни феодального общества конца эпохи Мин.

В 1620 году император Вань-ли умер, и Дун Цичан, как бывший наставник нового государя, был приглашен в столицу. Через месяц очередной правитель Китая, правда, скончался, но художник остался на несколько лет при дворе, работал с документацией покойного императора Вань-ли и активно популяризовал свое творчество, одаривая своими работами сначала представителей чиновничьей группировки *Дунлинь* 东林, а затем их политических оппонентов. Через несколько лет Дун Цичан снова ушел в отпуск по болезни, затем вернулся ко двору на еще более короткий срок и с 1634 года до своей кончины не служил,

получив перед окончательным уходом на покой самые высокие титулы и вписав славное имя семьи на скрижали истории. Признание заслуг Дун Цичана как государственного деятеля доказывает тот факт, что он единственный из всех представителей Сунцзянской школы живописи удостоился личной биографии в *Мин ии*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становлению Дун Цичана как живописца способствовало три основных фактора: исключительно благоприятная для развития художественных задатков среда, в которой воспитывался молодой человек; его личные амбиции, также ставшие следствием непростых условий жизни; и, наконец, общая интеллектуальная активность второй половины эпохи Мин. В этом процессе следует выделить три аспекта, три главных источника знаний и умений, которые в целом характерны для *вэньжэней*. Это, во-первых, живое общение с уже состоявшимися художниками, коллегами и сверстниками, во-вторых, коллекционирование, изучение и копирование работ старых мастеров и, в-третьих, постоянные поездки по стране. Последний из этих аспектов – путешествие, как непосредственное общение с неиссякаемым источником вдохновения, имел, по всей видимости, наибольшее значение для Дун Цичана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Вэньжэнь* 文人 («интеллектуал», «литератор») – термин, использовавшийся для обозначения чиновников, занятых помимо государственной службы свободным интеллектуальным трудом, или обладателей ученых степеней, на службе не состоявших. Лег в основу предложенного Дун Цичаном понятия *вэньжэнь хуа* 文人画 (живопись интеллектуалов), закрепившегося за представителями так называемой Южной школы живописи, занимавшимися творчеством для удовольствия, а не профессионально.

² Цзяннань 江南 («к югу от Янцзы») – устоявшееся название богатого региона нижнего течения Янцзы.

³ Лу Шупин 陆叔平 (1496–1576), более известный как Лу Чжи 陆治, – один из крупнейших мастеров живописи Умэнской школы.

⁴ Дун Цичан заимствовал и развил некоторые идеи, высказанные Мо Шилуном. Кроме того, исследователи расходятся во мнении касательно авторства трактата *Xua shuo* 画说 (Рассуждения о живописи), традиционно приписываемого Мо Шилуну, но, возможно, написанного Дун Цичаном.

⁵ Чиби 赤壁 (Красная скала) – предполагаемое место крупнейшего сражения между войсками Цао Цао 曹操 (155–220) и объединенной коалицией южан зимой 208/209 года в одноименном уезде на юго-востоке современной провинции Хубэй.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозерова В. Г. Значение чиновничьей карьеры в жизни и творчестве Дун Цичана (1555–1636) // Восток (Oriens). 2019. № 3. С. 170–182. DOI: 10.31857/S086919080005317-5
- Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М.: Искусство, 1975. 440 с.
- Китайское искусство: Принципы. Школы. Мастера / Сост., пер. с кит. и англ., вступ. ст., очерки и коммент. В. В. Малявина. М.: АСТ, 2004. 432 с.
- Кравцова М. Е. Дун Цичан // Духовная культура Китая: Энциклопедия / Гл. ред. акад. М. Л. Титаренко. М., 2010. Т. 6. С. 572–574.
- Око живописи / Пер. с кит. С. М. Кочетовой // Мастера искусства об искусстве. Т. I / Под ред. А. А. Губера. М.: Искусство, 1965. С. 103–110.
- Bush S. The Chinese literati on painting. Su Shih (1037–1101) to Tung Ch'i-ch'ang (1555–1636). Hong Kong University Press, 2012. 227 p.
- Wen, C. Fong. Art as history: Calligraphy and painting as one. Princeton University, 2014. 479 p.

8. 任道斌。董其昌及其艺术 // 新美术, 1990年, 第1期。47–57页。(Жэнь Даобинь. Дун Цичан и его искусство // Новое искусство. 1990. № 1. С. 47–57.)
9. 明史。卷二百八十六。列传第一百七十六。文苑四。(История [империи] Мин. Цзюань 286. Биографии 176. Литераторы 4.)
10. 松江绘画。故宫博物院藏文物珍品全集 / 蕭燕翼主编。香港: 商务印书馆, 2007年。254页。(Живопись Сунцзянской школы. Полное собрание памятников культуры в коллекции музея Императорского дворца / Гл. ред. Сяо Яньи. Гонконг: The Commercial Press, 2007. 254 с.)
11. 数论丛刊 / 于安瀾编。人民美术出版社, 1960年。上册, 432页。(Собрание сочинений о живописи / Ред. Юй Аньлань. Б. м.: Народное искусство, 1960. Т. 1. 432 с.)

Поступила в редакцию 28.12.2020; принята к публикации 22.03.2021

Original article

Konstantin K. Petrov, Postgraduate Student,
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of
Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9349-8770; konst652@mail.ru

DONG QICHANG: FORMATION OF A CHINESE ARTIST

A b s t r a c t. The article examines the identity formation of Dong Qichang, a prominent Chinese artist, calligrapher and art theorist of the late Ming dynasty. In recent decades, the heritage of this versatile historical and cultural figure has been actively researched both in China and abroad. The author analyzed the prerequisites and circumstances of the personal development of Dong Qichang, who was the main representative of the Songjiang school of painting, and identified the key factors and aspects of this process. Dong Qichang's rise as a painter was facilitated by the favorable conditions of the Jiangnan region where he grew up, his personal ambitions, which were also influenced by the environment, and the general intellectual upsurge of the late Ming period. Regular communication with other representatives of the Chinese intellectual elite, active study of paintings from previous eras, and constant travels around China made the greatest contribution to the formation of the artist's views and style.

Key words: Dong Qichang, Songjiang school, wenren hua, Chinese painting, Ming dynasty, Chinese culture, history of China

For citation: Petrov, K. K. Dong Qichang: formation of a Chinese artist. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):26–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.614

REFERENCES

1. Belozerova, V. G. Significance of career as an official in the life and creative work of Dong Qichang (1555–1636). *Vostok (Oriens)*. 2019;3:170–182. DOI: 10.31857/S086919080005317-5 (In Russ.)
2. Zavadskaya, E. V. Aesthetic problems of painting in traditional China. Moscow, 1975. 440 p. (In Russ.)
3. Malyavin, V. V. Chinese art. Principles. Schools. Masters. Moscow, 2004. 432 p. (In Russ.)
4. Kravtsova, M. E. Dong Qichang. *Intellectual culture of China. Encyclopedia*. Vol. 6. Moscow, 2010. P. 572–574. (In Russ.)
5. Eye of painting. (S. M. Kochetova, Transl.). *Masters of art about art*. (A. A. Guber, Ed.). Vol. 1. Moscow, 1965. P. 103–110. (In Russ.)
6. Bush, S. The Chinese literati on painting. Su Shih (1037–1101) to Tung Ch'i-ch'ang (1555–1636). Hong Kong, 2012. 227 p.
7. Wen, C. Fong. Art as history: Calligraphy and painting as one. Princeton University, 2014. 479 p.
8. 任道斌。董其昌及其艺术 // 新美术, 1990年, 第1期。47–57页。
9. 明史。卷二百八十六。列传第一百七十六。文苑四。
10. 松江繪畫。故宮博物院藏文物珍品全集 / 蕭燕翼主編。香港: 商務印書館, 2007年。254頁。
11. 畫論叢刊 / 于安瀾編。人民美術出版社, 1960年。上冊。432頁。

Received: 28 December, 2020; accepted: 22 March, 2021

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ev.kamenev@yandex.ru

МАТЕРИАЛИЗМ ДЕКАБРИСТОВ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Аннотация. Исследуется способ концептуализации декабризма в монографии М. В. Нечкиной «Движение декабристов». В качестве примера взят сюжет о научной, атеистической и просветительской работе декабристов. Выявлены знаки вторичной семиотической системы, реконструирован семиотический код, в котором этот текст функционировал как знаковая система (то есть возникало явление семиозиса), определена семантика этих знаков. Показано, что концептуализация декабризма осуществлялась в монографии на уровне вторичной знаковой системы. Содержание монографии через знаки материалистического кода – научность, атеизм и просвещение – соотносилось с прецедентными для советской культуры текстами. Благодаря этим корреляциям исторический нарратив приобретал дополнительную смысловую глубину – помимо научного в нем присутствует еще культурно обусловленный уровень. Текст свидетельствует не только о научных, атеистических взглядах и просветительской работе декабристов, что достаточно очевидно, если мы рассматриваем его на уровне денотативной знаковой системы. В нем благодаря элементам материалистического кода присутствуют коннотации несомненной революционности декабристов. Все это позволяет говорить о том, что текст М. В. Нечкиной отличается несомненной полисемантичностью. Поэтому его анализ не может быть полным без учета соответствующего культурно-семиотического кода.

Ключевые слова: советская историческая наука, историография декабризма, М. В. Нечкина, семиотика, культурный код, коннотации

Для цитирования: Каменев Е. В. Материализм декабристов в контексте советской культуры середины XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 32–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.615

ВВЕДЕНИЕ

В монографии М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (1955) обращает на себя внимание сквозная для всего текста тема, которую можно назвать темой научного атеизма декабристов. Историк уделяет внимание вопросам религиозной веры, науки и просвещения в идеологии и деятельности тайных обществ. Эта тема, казалось бы, не связана напрямую с лейтмотивом всего исследования – идеей несомненной революционности декабристов – и поэтому выглядит факультативной, но только на первый взгляд. Помимо прямого денотативного значения, доступного каждому, владеющему русским языком, текст, посвященный научному атеизму декабристов, содержит вторичный смысловой пласт, «прочесть» который можно только владея языком той культуры, в рамках которой этот текст был создан¹.

Речь идет о советской культуре середины XX века.

Историография советской исторической науки эпохи сталинизма традиционно концентрировалась вокруг проблемы «власть и историк» [1], [6], [7], [15], [16]. В последние годы внимание направлено на исследование жизненного мира советских ученых эпохи сталинизма и их понятийного аппарата [17]. В настоящем исследовании мы ставим своей целью чтение монографии «Движение декабристов» на языке советской культуры середины XX века. Для этого необходимо воссоздание этого языка хотя бы в тех его компонентах, которые потребуются для понимания интересующих нас фрагментов текста исследования.

Монография «Движение декабристов» как текст, созданный в пространстве советской

культуры, является по своей сути многослойным семиотическим неоднородным произведением². Такие произведения, как показал Ю. М. Лотман, вступают в «диалог» со своим культурным контекстом [11]. Советский культурный контекст интересующего нас периода мы, вслед за Р. Бартом, рассматриваем как вторичную семиотическую систему, причем план выражения знаков этой системы не соответствует знакам первичной системы – естественного языка, на котором написан текст монографии³. Наши задачи, следовательно, заключаются в том, чтобы, во-первых, выявить знаки вторичной системы, во-вторых, реконструировать семиотический код, в котором текст о научном атеизме декабристов функционировал как знаковая система (то есть возникало явление семиозиса), в-третьих, определить семантику этих знаков.

Мы разделяем взгляды Х. Уайта, согласно которым презентация феноменов прошлого является литературной по своей сути [18: 7] и в историописании язык играет активную роль в производстве смыслов [19: 206], [20: 132]. Однако считаем, что прямое копирование литературоведческого подхода малопродуктивно для изучения историографии. С литературоведческой точки зрения интерес представляется сам механизм смыслообразования, порождающий потенциально бесконечное количество смыслов (Р. Барт стремился показать текст как воплощенную множественность). Нам же важнее выявить конкретные коннотации, которые возникали в пределах только одной культуры⁴.

ЗНАКИ ВТОРИЧНОЙ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Первым знаком коннотативной системы в монографии М. В. Нечкиной является *научность*. Декабристы не были профессиональными учеными, но вся их жизнь была тесно связана с наукой, к которой они испытывали неподдельный интерес. Молодые люди еще до создания своих первых организаций посещали лекции известных российских ученых и усиленно занимались самообразованием. В качестве отдельной самостоятельной стороны деятельности Семеновской артели выделяется «посещение офицерами научных лекций»⁵. В солидных по объему дневниках Николая Тургенева исследовательницу привлекают места, свидетельствующие не только о политических и социальных взглядах декабриста, но и о его интересе к науке: «Н. Тургенев записал в своем дневнике 8 сентября 1807 г.: “Нынче был я в Университете, в годовом собрании общества испытателей природы”» (I: 97).

Первая декабристская организация, Союз спасения, развивалась не только в политической, но и в «научной атмосфере» (I: 150). Члены Союза страстно читали «новую теоретическую литературу», ставили перед собой задачи «распространения научных сведений» и перевода книг по «умозрительным» и естественным наукам (I: 199). Планировалось даже издание журнала, в котором должны были публиковаться «статьи на чисто научные темы» (I: 248).

Мировоззрение членов тайных обществ было сугубо рациональным. Декабристы отвергали все, что противоречит доводам разума. Исторические взгляды декабристов, по мнению М. В. Нечкиной, являются даже более научными, чем исследования самого Н. М. Карамзина:

«Карамзин полагал царя демиургом истории и проповедовал, что царь “движением перста дает ход громадам”. Декабрист противопоставлял этому понятие “естественного хода вещей”, какого-то закономерного развития исторического процесса» (I: 252).

В этом фрагменте обращает на себя внимание использование историком слова «закономерность» для характеристики декабристской теории исторического развития, которое напрямую отсылает к идее научности.

Даже находясь на поселении в Сибири, вдали от интеллектуальных центров страны, лишенные доступа к библиотекам, декабристы продолжали заниматься наукой. М. В. Нечкина, характеризуя жизнь декабристов на каторге, пишет, например, об исследовании Никиты Муравьева, которое было посвящено созданию

«широкой сети взаимно сообщающихся судоходных каналов, которые должны были кардинальным образом улучшить всю систему путей сообщения России» (II: 447).

Следующим знаком вторичной семиотической системы в монографии является *атеизм*. Декабристы изображены на страницах исследования советского историка как убежденные, последовательные атеисты: уже с юного возраста они усваивали антирелигиозные взгляды. У них «рано возникают сомнения в существовании бога и в догматах официальной религии». Основатели общества Соединенных славян Петр и Андрей Борисовы росли в «свободной от религиозного дурмана семье» (II: 147). Атеизм был характерной чертой мировоззрения декабристов и в студенческие годы. В жизни студентов Московского университета царilo «религиозное безверие», которое было «философской позицией» будущих декабристов (I: 98).

Тезис об атеизме декабристов постоянно звучит и в тех частях монографии, которые посвя-

щены идеологии и деятельности тайных обществ. Историк пишет, что в идеологии Смоленского офицерского кружка Александра Каховского и Алексея Ермолова было ярко выражено «резко антицерковное, пожалуй, даже атеистическое мировоззрение» (I: 89), на юге, в Тульчине, «господствовало безбожие» (II: 123). Члены Союза благоденствия вторглись даже «в «Библейское общество», «взволновав там стоячее болото и добившись некоторой растерянности» (I: 268).

Атеистическое мировоззрение декабристов нашло свое отражение в декабристских текстах. В этом смысле показательна интерпретация исследовательницей фантастического произведения «Сон» А. Д. Улыбышева. Внимание советского историка привлекают те фрагменты источника, которые свидетельствуют об антицерковном мировоззрении Улыбышева:

«Выходя из Пантеона, автор попадает на Невский проспект, – и тут картина изменилась. Ранее вдали рисовался силуэт монастыря, а теперь вместо него возвышалась триумфальная арка, “как бы воздвигнутая на развалинах фанатизма”» (I: 243).

Анализ «Сна» приводит историка к выводу, что у его автора «хватило смелости на религиозный протест» (I: 247).

Наконец, характеристика отдельных декабристов также включает в себя упоминание об их безверии. По мнению М. В. Нечкиной, Пестель «не удовлетворялся религиозными объяснениями», а Барятинский «был атеистом, приял к нему на основании продуманных философских предпосылок» (II: 123).

Третьим знаком коннотативной системы является *просвещение*. Декабристы, согласно тексту монографии, активно вели педагогическую работу. В Союзе благоденствия существовало отдельное специальное направление деятельности (так называемая отрасль) под названием «образование». Члены этой отрасли «должны были “тищательно” заниматься распространением знаний». В поле зрения декабристов попали как «народные учебные заведения», так и частное воспитание (I: 198). Декабристы планировали издавать «журналы, посвященные вопросам воспитания, образования и распространения знаний», писать книги «о воспитании юношества» (I: 199).

Основным же направлением в педагогической деятельности членов тайных обществ было открытие ланкастерских школ. Декабристы создали «Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения». Член Союза благоденствия В. Пассек организовал собственную ланкастерскую школу. Ланкастерские училища были открыты и на юге – в Кишиневе (I: 263, 265, 266). Даже в сибирской ссылке декабристы продол-

жали активно заниматься просветительской работой:

«Выходя на поселение по отбытии каторги, они устраивали школы, распространяли среди населения сведения по сельскому хозяйству и ремеслу» (II: 447–448).

Прямой денотативный смысл всех этих знаков очевиден: декабристы интересовались наукой, были атеистами и занимались просветительской работой. Однако в рамках советской культуры середины XX века выявленные нами знаки имели свои коннотации. Коннотации актуализируются и приобретают фиксированное значение благодаря ассоциациям, возникающим в пределах той культуры, в которой создан текст. Возникают они на основе интертекстуальных связей произведения через актуализацию явных и скрытых отсылок к прецедентным текстам данной эпохи. Поскольку культура представляет собой совокупность семиотических кодов [10], [12], наша задача – реконструировать тот код, в пределах которого текст функционировал как знаковая система.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД

В советской культуре понятия *наука* и *революция* были семантически связаны друг с другом. В качестве эталона революционности в советское время выступала партия большевиков. Большевики, как показано во всех ключевых текстах эпохи, боролись не только против царской власти. Их удар был направлен против всего жизненного уклада Российской империи, который включал в себя, помимо прочего, религию. Вместо веры в бога большевики поставили во главу угла науку. Актуальность науки для революционера, ломающего старый и строящего новый мир, была обусловлена особым взглядом на научное знание в советской культуре. Развитие науки вписывалось в марксистскую парадигму революционного движения:

«Естественно-научное мировоззрение <...> является в то же время моментом классовой борьбы. Основоположники марксизма дали в этом отношении очень много для понимания связи борьбы за те или иные естественно-научные гипотезы с общей борьбой различных классов тогдашнего общества, за их классовые интересы»⁶.

Вот почему подлинный революционер просто обязан со всем вниманием относиться к развитию науки. Образцом в этом смысле был В. И. Ленин, мировоззрение которого выстраивалось исключительно на научном фундаменте. Так, например, согласно С. Ф. Ольденбургу:

«...в край угла построения собственного мировоззрения и всего строительства новой жизни Ленин ставит науку <...> Ленин сознавал вполне определен-

но, что без сознательного отношения к окружающему нас миру, отношения, которое может дать только одна наука, немыслимо никакое движение вперед»⁷.

Связь понятий *революция* и *наука* усиливалась еще и тем, что оба этих понятия были объединены в советской культуре идеей борьбы со старым и движением вперед. В этом смысле и революционер, и ученый, по сути, делают одно и то же.

«Наука знает в своем развитии немало мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему»⁸, – утверждал И. В. Сталин.

Кроме того, наука понималась как фундамент строительства нового послереволюционного мира:

«Мы знаем, – говорил Ленин, – что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе»⁹.

Интерпретация ленинских идей была однозначной:

«...ясно, что практическая наука, да и вся наука вообще, с самыми абстрактными ее методами, подходами, дисциплинами и идеями необходимо привлекается как величайшей важности элемент строительства»¹⁰.

Неудивительно поэтому, что наиболее видные революционеры, ставшие затем руководителями Советского государства, считались одновременно и серьезными учеными. Например, В. И. Ленин был поставлен в один ряд с Г. Галилеем и Ч. Дарвином потому, что он, вооружившись научной теорией, дал обоснование политическому развитию России:

«Такие мужи науки, как Галилей, Дарвин и многие другие, общеизвестны. Я хотел бы остановиться на одном из таких корифеев науки, который является вместе с тем величайшим человеком современности. Я имею в виду Ленина, нашего учителя, нашего воспитателя. Вспомните 1917 год. На основании научного анализа общественного развития России, на основании научного анализа международного положения Ленин пришел тогда к выводу, что единственным выходом из положения является победа социализма в России»¹¹.

В этом смысле можно вспомнить и ту ведущую роль в науке, которую советская идеология отводила И. В. Сталину как активному участнику целого ряда научных дискуссий.

В семантическом поле понятия *революция* в советской культуре находилось и понятие *атеизм*. Одной из основных оппозиций советской эпохи было противопоставление науки и религии, а атеизм рассматривался как характерная черта революционного мировоззрения:

«Владимир Ильич, – писал А. В. Луначарский, – считал, что наука, подлинная, настоящая, революционная наука, противоположна религии. И потому, уважая науку, он ненавидел религию как ее антипода»¹².

Противопоставление науки и религии имело ярко выраженный политический аспект. Царская власть, согласно советским идеологам, использовала религию как инструмент порабощения трудящихся масс¹³. Именно поэтому подлинные революционеры должны наряду с политической борьбой противодействовать еще и «религиозному фанатизму»:

«Ленин <...> в соответствии с программой коммунистической партии считает необходимым содействовать фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков, только заботливо избегая, как говорит та же программа, “всякого оскорблении чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма”»¹⁴.

В задачи революционера входило также просвещение народных масс. Царская власть, согласно советской идеологии, стремилась удерживать народ в полном повиновении. Для этого использовалась не только религия. Отсутствие элементарного образования помогало решать эту политическую задачу. Исходя из этого революционер должен был вывести народные массы из состояния интеллектуального сна путем активной просветительской работы. Идея просветительской работы имела в советской культуре революционные коннотации. Согласно Ленину, «многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки», могут быть освобождены по линии просвещения, атеистической пропаганды, а также на основании знакомства их с фактами «из самых различных областей жизни»¹⁵.

Но не только борьба со старым строится на основании просветительской работы. Строительство нового мира было связано в советской культуре с понятием *просвещение*. В качестве примера выступала политика партии, благодаря которой

«страна, из безграмотной в подлинном смысле этого слова, превращается в страну передовой культуры. Ликвидируется безграмотность, огромные слои рабочей и крестьянской молодежи овладевают не только основами науки, но и проникают в самую ее глубь, создавая кадры специалистов во всех областях техники»¹⁶.

Против же просвещения масс выступают только контрреволюционные силы:

«Нам яснее становится, что так называемая “современная демократия” (перед которой так неразумно разбивают свой лоб меньшевики, эсеры и отчасти анархи-

сты и т. п.) представляет из себя не что иное, как свободу проповедовать то, что буржуазии выгодно проповедовать, а выгодно ей проповедовать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т. п.»¹⁷.

Анализ культурно-семиотического кода позволяет говорить о коннотативном пласте в монографии «Движение декабристов». Интересующие нас фрагменты текста в пространстве советской культуры середины XX века свидетельствовали, таким образом, не только о материалистических взглядах декабристов. В исследовании М. В. Нечкиной благодаря знакам *научность, атеизм и просвещение* актуализируются коннотации несомненной революционности декабристов.

ВЫВОДЫ

Концептуализация декабризма, таким образом, осуществлялась в монографии на уровне вторичной знаковой системы. Работа историка через знаки материалистического кода соотносилась с прецедентными для советской культуры текстами. Благодаря этим корреляциям исторический нарратив приобретал дополнительную смысловую глубину – помимо научного в нем присутствует еще культурно обусловленный уровень. Все это позволяет говорить о том, что текст М. В. Нечкиной отличается несомненной полисемантичностью. Поэтому его анализ не может быть полным без учета соответствующего культурно-семиотического кода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Современная семиотика выделяет в языке два уровня: денотативный и коннотативный [8]. Денотативные (прямые) значения фиксируются в словарях. Поэтому для их понимания достаточно владения тем языком, на котором написан текст. В нашем случае это русский язык. Вторичный смысловой уровень представлен коннотативными значениями. Эти значения обусловлены культурой, они, в отличие от денотативных, не фиксируются ни в словарях, ни в грамматике языка [3: 425]. Более того, они «прямо не называются, а лишь подразумеваются» [8: 18]. Для их понимания необходимо знание языка культуры. Примером анализа текста на коннотативном уровне является работа Ролана Барта «S/Z», в которой исследуется произведение Бальзака «Сарrazин» [4].

² В таких текстах «одни и те же знаки служат на разных структурно-смысовых уровнях выражению различного содержания» [13: 286].

³ Подробнее о несоответствии плана выражения первичной и вторичной семиотических систем см.: [2], [9].

⁴ Об ограничениях, накладываемых исторической наукой на постмодернистский подход, писал И. Н. Данилевский [5]. Мы согласны с его точкой зрения и придерживаемся эпистемологической позиции «миддлграунда» (подробнее об этом см. в статье Л. П. Репиной [14]).

⁵ Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. I. С. 122. Далее цитируется в круглых скобках с указанием номера тома и страниц.

⁶ Максимов А. Ленин и кризис естествознания эпохи империализма // Под знаменем марксизма. 1931. № 1–2. С. 13.

⁷ Ольденбург С. Ф. Ленин и наука // Ленин. Человек – мыслитель – революционер. М.: Директ-медиа, 2014. С. 433–434.

⁸ Сталин И. В. Речь на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 года // Сталинец. 1938. 22 мая. С. 1.

⁹ Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1981. Т. 41. С. 307.

¹⁰ Луначарский А. В. Ленин в его отношении к науке и искусству // Человек нового мира: Сб. ст., речей, докладов, воспоминаний А. В. Луначарского о Владимире Ильиче Ленине. М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1980. С. 153.

¹¹ Речь товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы // Правда. 1938. 19 мая. С. 1.

¹² Луначарский А. В. Указ. соч. С. 160.

¹³ В работе Максимова религия названа «идеологическим оружием феодализма» (Максимов А. Указ. соч. С. 37).

¹⁴ Ольденбург С. Ф. Указ. соч. С. 434.

¹⁵ Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 45. С. 26.

¹⁶ Тымянский Г. С. Ленин и наука // Природа. 1934. № 1. С. 7.

¹⁷ Ленин В. И. О значении воинствующего материализма... С. 28.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 13–51.
2. Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 297–318.

3. Барт Р. Текстовой анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 424–461.
4. Барт Р. S/Z / Пер. с фр. Г. К. Косикова и В. П. Мурат; Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
5. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 382 с.
6. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е годы). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005. 800 с.
7. Константинов С. В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП(б) 30-х гг. // Историческая наука России в ХХ веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 217–243.
8. Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z / Пер. с фр. Г. К. Косикова и В. П. Мурат; Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 7–22.
9. Косиков Г. К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 3–45.
10. Лотман Ю. М. Культура и информация // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 143–153.
11. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 84–90.
12. Лотман Ю. М. Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 287–295.
13. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 274–294.
14. Репина Л. П. «Доступный нашим чувствам знак», или Историки в поисках эпистемологических аргументов // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 2. С. 3–14.
15. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х гг.–середина 60-х гг. // Историческая наука России в ХХ веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 244–268.
16. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
17. Органов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с.
18. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.
19. Breisach E. On the future of history: The postmodernist challenge and its aftermath. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2003. 243 p.
20. Iggers G. Historiography in the twentieth century: From scientific objectivity to the postmodern challenge. Hanover, N. H. and London: Wesleyan University Press, 1997. 208 p.

Поступила в редакцию 10.03.2021; принята к публикации 29.04.2021

Original article

Evgenii V. Kamenev, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ev.kamenev@yandex.ru

MATERIALISM OF THE DECEMBERISTS IN THE CONTEXT OF SOVIET CULTURE IN THE MID-TWENTIETH CENTURY

A b s t r a c t. The article explores the way of conceptualizing Decembrism in the monograph *The Decembrists' Movement* by M. V. Nechkina. The author places primary emphasis on the historical narration of the scientific, atheistic and educational ideas and activities of the Decembrists. He reveals the signs of the secondary semiotic system, reconstructs the semiotic code (where the text functions as a sign system, giving rise to the phenomenon of semiosis), and defines the semantics of these signs. The author demonstrates that the conceptualization of Decembrism was carried out in the monograph at the level of the secondary sign system. Through the signs of the materialistic code – scientificity, atheism and enlightenment – the historical narrative of the monograph correlated with the exemplar texts of the Soviet culture. Due to these correlations the historical narrative acquired additional semantic depth – in addition to explicit research results, it also contains a latent, culturally determined level. The narrative of the Soviet historian speaks not only of the scientific, educational and atheistic views of the Decembrists, which is quite obvious if we consider the text at the level of a denotative sign system. Due to the elements of the materialist code, the text contains the connotations of the undoubtedly revolutionary spirit of the Decembrists. So, Nechkina's text is undeniably polysemantic. Therefore, the analysis of her works cannot be complete without taking into account the corresponding cultural and semiotic code.

Keywords: Soviet historical science, historiography of Decembrism, M. V. Nekhina, semiotics, cultural code, connotations

For citation: Kamenev, E. V. Materialism of the Decembrists in the context of Soviet culture in the mid-twentieth century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):32–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.615

REFERENCES

1. Alekseeva, G. D. The October Revolution and historical science. *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 13–51. (In Russ.)
2. Barthes, R. The rhetoric of the image. *Barthes R. Selected works. Semiotics. Poetics*. (G. K. Kosikov, Ed.). Moscow, 1989. P. 297–318. (In Russ.)
3. Barthes, R. Textual analysis of a tale by Edgar Poe. *Barthes R. Selected Works. Semiotics. Poetics*. (G. K. Kosikov, Ed.). Moscow, 1989. P. 424–461. (In Russ.)
4. Barthes, R. S/Z. Moscow, 2001. 232 p. (In Russ.)
5. Danilevskiy, I. N. The Tale of Bygone Years: the hermeneutical bases of chronicles. Moscow, 2004. 370 p. (In Russ.)
6. Dubrovskiy, A. M. The historian and power: historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930–1950). Bryansk, 2005. 800 p. (In Russ.)
7. Konstantinov, S. V. Pre-revolutionary history of Russia in the ideology of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in the 1930s. *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 217–243. (In Russ.)
8. Kosikov, G. Ideology. Connotation. Text. Barthes R. S/Z. (G. K. Kosikov, Ed.). Moscow, 2001. P. 7–22.
9. Kosikov, G. Roland Barthes – semiotician and theorist of literature. *Barthes R. Selected Works. Semiotics. Poetics*. (G. K. Kosikov, Ed.). Moscow, 1989. P. 3–45. (In Russ.)
10. Lotman, Yu. M. Culture and information. *Lotman Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, 2002. P. 143–153. (In Russ.)
11. Lotman, Yu. M. Semiotics of culture and the concept of text. *Lotman Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, 2002. P. 84–90. (In Russ.)
12. Lotman, Yu. M. Stage and painting as code mechanisms for human cultural behavior in the early XIX century. *Lotman Yu. M. Selected articles in three volumes*. Vol. I: Articles on semiotics and typology of culture. Tallin, 1992. P. 287–295. (In Russ.)
13. Lotman, Yu. M. Theses on the problem of art in the series of modeling systems. *Lotman Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, 2002. P. 274–294. (In Russ.)
14. Repina, L. P. “A sign accessible to our senses”, or historians in search of epistemological arguments. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019;2:3–14. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2019.201
15. Sidorova, L. A. The Thaw in historical science (from the mid-1950s to the mid-1960s). *Historical science of Russia in the XX century*. Moscow, 1997. P. 244–268. (In Russ.)
16. Tikhonov, V. V. The ideological campaigns of “late Stalinism” and Soviet historical science (from the mid-1940s to 1953). Moscow, St. Petersburg, 2016. 424 p. (In Russ.)
17. Yurganov, A. L. Russian national state. The existential world of the Stalin period historians. Moscow, 2011. 765 p. (In Russ.)
18. White, H. Metahistory: The historical imagination in nineteenth-century Europe. Ekaterinburg, 2002. 528 p. (In Russ.)
19. Breisach, E. On the future of history: The postmodernist challenge and its aftermath. Chicago, London, 2003. 243 p.
20. Iggers, G. Historiography in the twentieth century: From scientific objectivity to the postmodern challenge. Hanover, New Hampshire, London, 1997. 208 p.

Received: 10 March, 2021; accepted: 29 April, 2021

ПЕТР ПАВЛОВИЧ КОТОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»
(Сыктывкар, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7641-2437; kotovpetr55@mail.ru

РАСШИРЕНИЕ УДЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Аннотация. Удельная собственность просуществовала в России 120 лет, и в 1797–1863 годах в нее включались удельные крестьяне. В исследованиях остается слабо изученной тема расширения удельных владений как в целом по стране, так и в отдельных регионах именно по периоду бытования категории удельных крестьян. Анализ выявленных архивных документов показывает, что за первые тридцать лет существования уделное ведомство купило в Вологодской губернии три дворянских поместья. В марте 1804 года оно совершило наиболее крупную сделку в губернии, купив вотчину княгини В. А. Шаховской. Тем самым ведомство заметно увеличило численность удельных крестьян в Сольвычегодском уезде и создало владения в Великоустюгском уезде. За счет приобретения в том же году поместья Ф. Соколовой удел на треть умножил число своих крестьян в Вологодском уезде. После приобретения имения князя Щербатова в 1824 году почти на пятую часть выросла численность удельных поселян в Кадниковском уезде и были сформированы две новые удельные волости в Грязовецком уезде. Купленные имения не только увеличили удельную собственность в Вологодской губернии, но и внесли некоторые изменения в жизнедеятельность удельной деревни. Материалы статьи актуализируют необходимость выявления и исследования всех случаев приобретения угодий и крестьян, в том числе и по отдельным регионам России.

Ключевые слова: Вологодская губерния, удельные владения, удельные селения, удельные крестьяне, покупка имений, наличные души, окладные души

Для цитирования: Котов П. П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху феодализма основным производящим слоем населения России выступало крестьянство, которое подразделялось на категории и отдельные группы. Одной из основных категорий сельских тружеников являлись крестьяне, принадлежавшие царской семье и управляемые через дворцовое ведомство [3], [4], [13]. По указу Петра I от 5 апреля 1797 года дворцовая собственность отделялась от прочей и преобразовывалась в удельную; взамен дворцовых поселян формировалась новая категория сельских жителей – удельные крестьяне. При этом императорская семья оставалась верховным собственником удельных владений и крестьян. Между ее членами распределялись все доходы, получаемые от новой собственности. Тем не менее непосредственное управление владениями и крестьянами

возлагалось на Департамент (министрство) уделов. При этом уделное ведомство получило право, подтверждаемое и в последующих законах¹, приобретать у других собственников в пользу удела недвижимость и крестьян, прежде всего у помещиков.

Ряд проблем истории удельной деревни и удельной собственности нашел отражение в научных трудах. Однако вопрос о расширении удельных владений остается почти не изученным, в том числе и в региональных работах, включая по Европейскому Северу России² [5], [6], [7]. В лучшем случае обращалось внимание на так называемый симбирский обмен [2: 124–128], [12]. По нему в середине 1830-х годов относительно незначительные владения удела и малочисленные удельные крестьяне в 18 губерниях страны были обменяны на государственные

ных крестьян и казенные владения в Симбирской губернии. В ходе обмена удел получил на 17,7 тыс. меньше сельских работников, но в четыре раза больше земли, чем передал казне: получил 2,711 млн десятин (далее – дес.), передал 0,745 млн дес.³

В предлагаемой статье на основе вновь вводимых архивных источников предпринята попытка анализа расширения уделных владений на примере Вологодской губернии. В Архангельской губернии такая практика не бытова в силу отсутствия в ней помещичьих имений и значительной земельной собственности у купцов.

* * *

Изначально уделное имущество и крестьяне Вологодской губернии были подотчетны Архангельской удельной экспедиции, одной из девяти уделных экспедиций, созданных в регионах России в 1797–1798 годах. По «Положению о Департаменте уделов» от 1808 года на Севере были сформированы самостоятельные Архангельская и Вологодская уделные конторы (имения). В 1858 году они были соединены в Вельскую удельную контору (имение). В рамках упомянутых экспедиций и контор (имений) на правах низовой крестьянской выборности и самоуправления были сформированы уделные приказы и отделения (см. карту). По законам 1797–1798 годов в границах приказов следовало объединить территории, на которых проживало 3 тыс. ревизских душ. В случае если душ насчитывалось меньше, оформлялось уделное отделение. После 1808 года в рамках приказов стали объединять значительно большее число крестьян – 4, 5 и более тыс. душ. При этом в Вологодской губернии произошли существенные изменения границ уделных приказов и отделений⁴ [9: 103], [10: 18–19].

«Выборные» из крестьян – приказные головы, казенные и приказные старости и писари осуществляли сбор разнообразных денежных поштатов и отправление натуральных повинностей. Им вменялся и ряд других функций. Отдельные элементы этих функций, но главное – распределение земельных угодий между крестьянами, укоренились в издавна сформированных общинах. Подавляющая часть уделных крестьян Вологодской губернии объединялась в рамках сложных общин, которые состояли из нескольких, иногда десятка, уделных поселений. Такие сложные общины именовались по-разному: волость, приход, боярщина, десятина, сотня, деревня. Постепенно эти разнообразные названия изживались и заменялись понятием «волость». Приведенное отступление необходимо для бо-

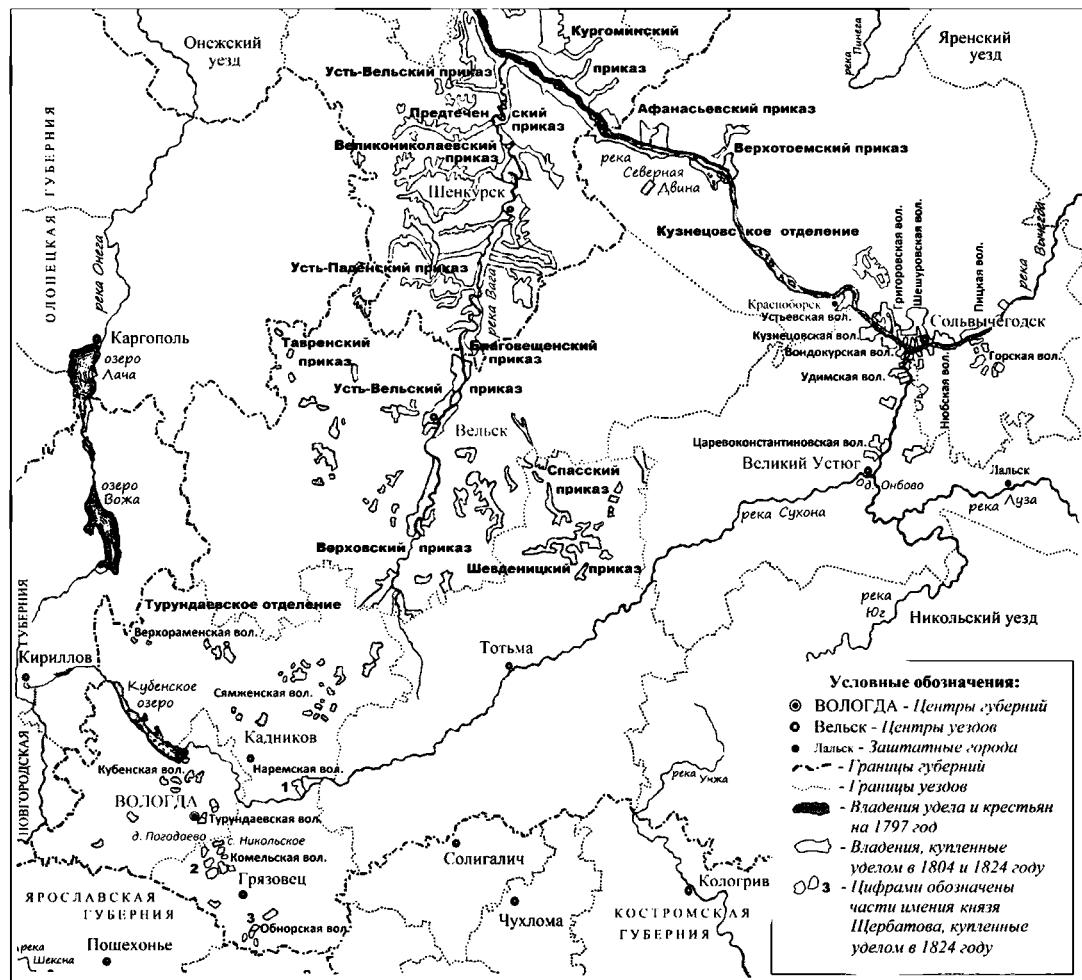
лее четкого представления о структуре местного уделного управления и для верного понимания представленных материалов.

22 июня (4 июля) 1803 года в Департамент уделов поступило прошение от княгини Варвары Шаховской (1748–1823) с предложением о продаже «родовой вотчины с крестьянами» в Сольвычегодском и Великоустюгском уездах Вологодской губернии⁵. Это поместье в числе других она обрела по наследству от отца Александра Григорьевича Строганова (1698–1754), богатейшего человека своего времени, выслужившего чин действительного тайного советника и получившего титул барона из рук Петра I. В 1763 году Варвара Александровна вышла замуж за сподвижника А. В. Суворова генерал-лейтенанта, князя Бориса Григорьевича Шаховского (1837–1813), брак был неудачным и фактически распался после рождения дочери Елизаветы в 1773 году. Отныне каждый из супругов во многом самостоятельно стал распоряжаться своей собственностью.

Нуждаясь в средствах, необходимых (после смерти дочери в 1796 году) на воспитание внучки Варвары (1796–1870) и на благотворительность, княгиня Шаховская решила продать одно из отдаленных имений. Владения, определенные на продажу, располагались по обоим берегам в низовьях рек Сухоны и Вычегды и в верхнем течении реки Северная Двина (см. карту). После предварительного согласия в июле 1803 года в Департамент уделов была представлена «Подлинная грамота с приложением красной вислой печати на пергаментном листу 7128 году февраля 27 дня (7 марта 1620 года. – К. П.) именитым людям Строгановым на устюжские и усольские вотчины». К ней прилагались «выписи», «планы на земли» и другие документы от 1565, 1588, 1617 и 1687 годов⁶.

В ходе рассмотрения чиновниками материалов выяснилось, что к покупке предлагалось свыше 26 тыс. дес. разработанных угодий, леса и «неудобий». Здесь в 44 деревнях Сольвычегодского уезда «проживало наличных» 451 мужчина и 525 женщин, в 42 селениях Великоустюгского уезда – 521 мужчина и 582 женщины, еще один крепостной находился «в отлучке», двое – в качестве дворовых у барыни в Санкт-Петербурге⁷.

Одновременно в Сольвычегодском уезде в границах владений княгини Шаховской были выявлены деревни Окуловка и Нероновская, основанные «от века» половниками. В первой из них реально проживало 19 мужчин и столько же женщин, в другой – пять мужчин и семь женщин⁸. Наряду с этим оказалось, что по предыдущей ревизии в имении мини-

Владения удела в Вологодской губернии в первой четверти XIX века

Appanage property in the Vologda province in the first quarter of the XIX century

Примечание. Волости (вол.) и деревни Кузнецового удельного отделения (бывшего имения княгини В. А. Шаховской) в границах после 1808 года (в скобках указано число душ мужского пола по V ревизии). Сольвычегодский уезд – 6 волостей, 46 деревень (441): Горская вол. – 15 деревень (112): Абросовская (12), Андреевская (7), Березовец (6), Борброва Горка (11), Бурцово (9), Веселуха (5), Горка (17, 17), Денисовская (5, 3), Константиновская (Игольницко, Игольница 7, 9), Остров (8, 5), Пенкино (6), Поповская (4), Табары (7). Турухтиха (5), Усова Горка (3); Григоровская вол. – 3 деревни (60): Григорово (21), Алешино (5), Крутеп (34); Ниубская вол. – 8 деревень (66): Вороницыно (3), Горка (3), Городище (7), Зарубино (6), Змееватка (3), Козловка (1), Козминская (10), Поздышево (33); Пицкая вол. – 8 деревень (68): Борбово (12), Катаиха (6), Княжица (5), Копалиха (5), Кривцово (8), Новина (3), Новодворская (23), Рычково (6); Устьевская вол. – 5 деревень (49): Гнездовская (5), Кичигино (14), Мальцевская (7), Пихтовица (14), Шеинская (9); Шешуринская вол. – 7 деревень (86): деревни Козловка (10), Мокеиха (11), Нероновская (5), Окулово (15), Секиринская (13), Судицино (6), Шешурово (26). Великостюгский уезд – 4 волости, 32 селения (476): Вондокурская вол. – 9 селений (127): село Вондокурское (28); деревни Болтинская (6), Бугино (10), Голышкино (8), Межник (10), Нератово (42), Нестерово (9), Овечкино (10), Федоровская (4); Кузнецовая вол. – 7 деревень (111): Бердиново (10), Выставка (7), Кузнецово (58), Мысок (4), Степанидово (10), Уртомож (5), Филиппово (7); Удимская вол. – 11 деревень (106): Варнавино (17), Горка (1), Деревенък (7), деревня при мельнице Удим (5), Забелинская (6), Козминская (12), Кумиха (18), Курцово (4), Ленивица (3), Олюшино (25), Соколья Горка (8); Цареконстантиновская вол. – 5 селений (132): село Нокшинское (66); деревни Заямжа (17), Онбово (19), Пазуха (9), Федоровская (21). Всего – 10 волостей, 78 селений (917).

Составлено по: РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 10, 37; Оп. 10. Д. 773, 587; Оп. 71. Д. 2399–2403.

мум три души мужского пола (далее – д. м. п.) не были включены «в оклад», то есть не уплачивали денежные подати и не выполняли повинности. После оформления сделки в марте 1804 года на уплату княгине В. А. Шаховской 145 тыс. руб. в течение десяти лет «равными долями»⁹ удел решил считать по V ревизии 917 окладных д. м. п. и учитывать 1100 неокладных женских душ (см. таблицу).

В число указанных окладных душ засчитали 15 половников деревни Окулово и пять половников деревни Нероновская. Они, несмотря на протесты, были «исключены из ведомства казенной палаты» и причислены к уделу (вошли в Шешуринскую волость)¹⁰. Заметим, что указанные половники достались удельному ведомству бесплатно, ибо они не учитывались при определении стоимости владений княгини Шаховской. Другие

половники (не менее 26 душ), работавшие на территории поместья, но проживающие в деревнях за ее пределами, уделу заполучить не удалось, хотя такие попытки предпринимались.

В границах приобретенного имения было создано Кузнецковское отделение Архангельской удельной экспедиции, которое включало 10 волостей: шесть волостей в Сольвычегодском уезде и четыре волости в Великоустюгском уезде. Волости существенно различались. В них бытовало от трех деревень в Григоровской волости до 15 – в Горской волости и насчитывалось от 49 ревизских д. м. п. в Устьевской волости до 132 д. м. п. в Царевоконстантиновской волости (см. карту).

До приобретения новых владений удельные крестьяне Сольвычегодского уезда проживали в Афанасьевском и на части Борецкого приказа, в границах после 1808 года – в Верхотоемском и Афанасьевском приказе (см. карту). По V ревизии в них насчитывалось 240 селений и 4853 д. м. п. После стяжения поместья княгини Шаховской численность удельных селений в Сольвычегодском уезде возросла на 19,2 %, численность крестьян – на 9,1 %, доля ревизских д. м. п. последних среди сельских жителей уезда увеличилась с 17,3 до 18,8 %. С другой стороны, удельные крестьяне впервые появились в Великоустюгском уезде, где они, правда, оставались небольшой группой сельчан, и их доля по V ревизии составляла лишь 1,6 % от крестьянства уезда [7: 313]¹¹.

Еще на стадии завершения сделки с В. А. Шаховской «февраля дня 1804 года» в министерство уделов обратился с прошением

«верноподданейший Вологодской округи деревень Погары, Барановки, Доронина и Желуткина поверенный крестьян Александр Москвинов... вернуть их в перво-бытное состояние (в удел. – П. К.)... из имения коллежской советницы Соколовой»¹².

Считаю, что прошение инициировала сама владелица поместья, так как за несколько дней до его подачи и от нее поступила в удел просьба с формулировкой: «вернуть крестьян в перво-бытное состояние... и дать выгодную цену»¹³. Выяснилось, что в начале 1797 года Павел I «пожаловал надворному советнику Павлу Соколову из дворцовых земель... сто душ» в четырех деревнях, расположенных вблизи Вологды. В 1801 году поменщик умер, не успев даже размежевать земли с теперь уже удельными владениями. При этом в деревнях Желудкино и Погарь по-прежнему обитало три ревизских души удельных крестьян. Вдова Феодосия Соколова, оставшись с четырьмя «малолетними детьми», не смогла наладить хозяйство, нуждалась в средствах и поэтому решила продать деревни¹⁴.

После осмотра собственности и изучения документов удельные чиновники определили, что «имение чисто от внешних споров», в его деревнях проживало «наличных» 102 мужчины (94 ревизских) и 111 женщин и оно пригодно для покупки за 19 650 руб.¹⁵ Некоторое вре-

Число селений, душ, дворов и работников в помещичьих имениях, купленных в Вологодской губернии в 1804 и 1824 годах

The number of villages, souls, farmyards, and workers in landlords' estates purchased in the Vologda province in 1804 and 1824

Именния, год покупки, количество селений	Душ по ревизии			абс. ²	Дворов			Семей	Работников ³
	м.	ж.	всего ¹		дущ на двор	м.	ж.		
Имение Шаховской (1804 год, V ревизия)									
Сольвычегодский уезд – 46 селений	441	550	983 (21,5)	130 (2,8)	3,4	4,2	7,6	137	251
Великоустюгский уезд – 32 селения	476	550	1034 (32,1)	136 (4,3)	3,5	4,0	7,5	144	278
Всего – 78 селений	917	1100	2017 (26,5)	266 (3,4)	3,4	4,1	7,6	281	529
Имение Соколовой (1804 год, V ревизия) – 4 селения	96	111	207 (51,8)	40 (10,0)	2,4	2,8	5,2	44	100
Имение Щербатова (1824 год, VII ревизия)									
Кадниковский уезд – 5 селений	127	119	246 (49,2)	43 (8,6)	3,0	2,8	5,7	46	61
Грязовецкий уезд – 18 селений	407	423	830 (46,1)	138 (7,7)	2,9	3,1	6,0	144	205
Всего – 23 селения	534	542	1076 (46,8)	181 (7,9)	3,0	3,0	6,0	190	266

Примечание: ¹ – в скобках – душ на одно селение; ² – в скобках – дворов на одно селение (дворность селений); ³ – по имению Шаховской и Щербатова – ревизских душ мужского пола, по имению Соколовой – душ обоего пола. Составлено по: РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 10. Л. 146 об.–147; 37. Л. 19–187 об.; Оп. 10. Д. 587. Л. 27 об. – 32 об.; Д. 773. Л. 41–106.

мя приобретенное достояние фиксировалось как «кудельные деревни бывшего имения помещика Соколова», пока с начала 1809 года селения не были включены в состав Турундаевской волости (см. карту). Для них, с учетом одного умершего и трех уже проживавших удельных крестьянина, удел определил по V ревизии 96 окладных мужчин и 92 неокладных женщины, которые обитали в 40 домах (см. таблицу). В результате численность удельных крестьян в Вологодском уезде увеличилась до 401 ревизской души, то есть почти на третью – на 31,5 %. Правда, совокупная доля удельных поселенцев среди сельских жителей уезда оставалась малозаметной – немногим более 1,2 % по V ревизии [7: 313]¹⁶.

Спустя два десятка лет, 21 апреля (1 мая) 1824 года, Александр I приказал Департаменту уделов «исполнить» приобретение поместья егермейстера, князя Щербатова в Кадниковском и Грязовецком уездах Вологодской губернии (см. карту). Продававшая имение княгиня Щербатова просила 267 тыс. руб., но после торгов с удельными чиновниками «согласилась получить за оное 200 тыс. рублей с тем, чтобы деньги сии были ей выданы все сполна при совершении купчей крепости»¹⁷.

Поместье Щербатова включало 23 деревни, 3728 дес. земли «в единственном пользовании» и 4760 дес. угодий «в общем владении с разными помещиками». В нем на 1824 год проживало наличных 524 мужчины и 555 женщин¹⁸. По VII ревизии здесь было положено в оклад 534 мужских души и учтено 542 женских души (см. таблицу).

Первая часть купленной вотчины Щербатова располагалась на юге Кадниковского уезда. На этой территории была образована Наремская волость (127 душ), к ней было приписано пять деревень (в скобках указано число д. м. п. по VII ревизии): Дикое (15), Верхняя сторона (63), Нижняя Сторона (13), Починок Березов (28) и Починок Татауров (8). Вторая часть вотчины, на севере Грязовецкого уезда, включала 15 деревень (363 души): Антропово (7), Блещево (6), Демкино (5), Дьяконово (20), Закобякино (58), Ивановская (22), Клыгино (32), Костино (14), Крутец (34), Марково (7), Марково (50), Поповская (51), Стеблово (12), Черногубово (41), Яковлево (4). Эти деревни были включены в Комельскую волость. Третья часть поместья Шаховского составила Обнорскую волость, которая в южной части Грязовецкого уезда охватывала 3 деревни (44 души): Вараксино (12), Маринцино (11), Трусово (21). Все перечисленные волости входили в Турундаевское отделение, образованное в 1808 году (см. карту).

По данным VIII ревизии крестьяне бывшего имения князя Щербатова в Кадниковском уез-

де насчитывали 128 окладных душ, или 19,9 % удельных крестьян, в Грязовецком уезде – соответственно 414 душ, или 93,5 % поселян удельного ведомства¹⁹. В целом по Турундаевскому отделению эти души составляли 34,6 %, или свыше трети окладных удельных крестьян, учтенных по VIII ревизии.

Помещичьи крестьяне после покупки их уделом, оставлялись на прежнем, более высоком крепостном оброке, который в начале XIX века не отличался очень сильно от удельного оброка. Так, в 1804 году крепостные княгини Шаховской в Сольвычегодском уезде выплачивали оброк в среднем по 5,0 руб. с ревизской д. м. п., в Великоустюгском уезде – в среднем по 4,53 руб., тогда как удельные крестьяне Вологодской губернии – по 4,08 руб. с душой. При этом 112 душ крепостных, или 25,9 %, в Сольвычегодском уезде и 259 душ, или 54,4 %, в Великоустюгском уезде имели оброк меньше по сравнению с удельными поселенцами губернии. После увеличения удельного оброка в 1810 году бывшие крепостные княгини Шаховской и помещицы Соколовой стали платить его наравне с удельными крестьянами Вологодской губернии.

Другое наблюдалось спустя двадцать лет, когда крепостные вотчины князя Щербатова были оставлены на прежнем двадцатирублевом душевом окладе, тогда как удельным крестьянам Вологодской губернии с 1824 года душевой оброк хоть и повысили, но только до восьми рублей. Объяснимо, что бывшие крепостные князя Щербатова стали жаловаться и просить о снижении окладов до уровня удельных крестьян²⁰. При этом с 1827 года Департамент уделов значительно ограничил отход своих крестьян на заработки и возможности для занятий промыслами. В удельной деревне Вологодской губернии именно эти виды неземледельческих занятий являлись основным источником получения денежных средств, необходимых для уплаты податей [8]. Вероятно, это обстоятельство учли в удельном ведомстве и задним числом с начала 1827 года бывшим крестьянам имения князя Щербатова удельный оклад уменьшили до 15 руб.²¹ Попытки крестьян понизить уровень и этого оклада продолжались. Эти попытки актуализировались в середине 1830-х годов, когда удел в рамках «политики попечительства» стал увеличивать иные денежные сборы, вводить новые ограничения и усиливать контроль за хозяйственной деятельностью крестьян [1], [9]. Однако бывшие крепостные князя Щербатова так и платили повышенный оброк вплоть до введения в начале 1840-х годов в удельной деревне Вологодской губернии так называемого поземельного сбора.

Отметим, что княгине В. А. Шаховской за каждую ревизскую д. м. п. удел с 1805 по 1814 год выплачивал ежегодно по 15,81 руб., помещице Ф. Соколовой – по 20,47 руб., тогда как владельцы вотчины князя Щербатова получали сразу всю сумму. Именно поэтому, как упоминалось, плата за их вотчину и была снижена на 67 тыс. руб.

Однако указанные суммы определялись в бумажных деньгах, курс которых относительно серебра в первые полтора десятилетия XIX века неуклонно понижался и относительно стабилизировался лишь с 1816 года. В 1805 году один руб. ассигнациями (далее – acc.) на Санкт-Петербургской бирже равнялся 73 коп. серебром (далее – сер.), в 1815 году – 20 коп. сер., в 1824 году – 26,5 коп. сер. [11: 37]. Поэтому за каждого крепостного княгиня Шаховская в 1805 году получила первую выплату в размере 11,54 руб. сер. за ревизскую душу, последнюю выплату в 1814 году – 3,16 руб. сер., помещица Соколова – соответственно 14,94 руб. сер. и 4,09 руб. сер. Всего в 1805–1814 годах княгиня В. А. Шаховская получила за каждую ревизскую душу своих крепостных номинально 158,12 руб. acc., с учетом средневзвешенного курса рубля – 63,96 руб. сер., помещица Ф. Соколова соответственно – 204, 69 руб. acc. и 82,80 руб. сер. Последняя при сделке с уделом получила с души проданных крепостных большую сумму в связи с тем, что деревни ее имения располагались вблизи губернского центра, где земля ценилась дороже и крестьяне имели лучшие возможности для заработка и сбыта товаров. Больше упомянутых владельцев имений выгадали хозяева вотчины князя Щербатова, которые в 1825 году сразу получили за каждую ревизскую душу крепостных номинально по 374,53 руб. acc., по реальному курсу – 98,87 руб. сер. Если бы подобное было осуществлено для сделок в 1804 году, княгиня Шаховская получила бы с каждой ревизской душой своих крепостных, с учетом курса ассигнаций, по 115,43 руб. сер., помещица Ф. Соколова – по 149,42 руб. сер., они, напротив, выгадали бы относительно сделки удела с владельцами вотчины князя Щербатова.

Материалы таблицы свидетельствуют, что в начале XIX века в имении княгини Шаховской на территории Сольвычегодского уезда в среднем на одно селение приходилось 2,8 двора. Более существенная дворноть селений наблюдалась в Великоустюгском уезде, где в среднем на одну деревню доводилось 4,3 двора. Дворноть селений была еще более высокой в южных уездах Вологодской губернии. Например, в имении Ф. Соколовой она достигала в среднем по 10,0 двора

на одну деревню, в вотчине князя Щербатова в Кадниковском уезде – 8,6 двора, в Грязовецком уезде – 7,7 двора на одно селение. Более высокая дворноть селений в южных уездах относительно северных районов наблюдалась в государственной деревне и в целом по сельским поселениям Вологодской губернии [7: 110–113], [10: 21].

Понятно, что дворноть купленных помещичьих селений объясняла показатели их людности. Так, в начале XIX века в имении княгини Шаховской на территории Сольвычегодского уезда в среднем в одной деревне проживали 21,5 души обоего пола. Соответственно более высокая дворноть деревень определила и более многолюдные селения в Великоустюгском уезде, где фиксировали по 32,1 души в среднем на одну деревню, в имении Ф. Соколовой – в среднем по 51,8 души на одну деревню. Последние показатели вполне соотносились с показателями по удельной деревне Вологодского уезда (59,3 души на одно селение), но отличались от удельной деревни Сольвычегодского уезда, где в среднем на селение приходилось 41,4 души. Более значительными выглядели указанные показатели, правда, по VII ревизии в вотчине князя Щербатова на одно селение в Грязовецком уезде приходилось 46,1 души обоего пола, в Кадниковском уезде – 49,1 души (см. таблицу). Эти данные были сопоставимы с данными в целом по упомянутым уездам и удельной деревне Вологодской губернии [7: 110–113], [10: 21].

Примечательно, что достаточно малолюдными выглядели дворы в поместье помещицы Соколовой, где в среднем на двор приходилось всего 4,7 души обоего пола, тогда как в вотчине Шаховской – около 7,6 души и в имении князя Щербатова (по VII ревизии) – по 6,0 души обоего пола (см. таблицу). Сравнимой выглядела людность дворов по удельной деревне Вологодской губернии, в которой в конце XVIII века в среднем на двор приходилось 6,4 души обоего пола [10: 21]. Считаем необходимым указать, что доля работников среди помещичьих крепостных примерно соответствовала доле работников в удельной деревне Вологодской губернии и составляла около или немногим более половины от численности крестьян (см. таблицу) [10: 20].

Данные таблицы показывают, что в помещичьих имениях число семей превосходило количество дворов, то есть в некоторых дворах вынуждены были проживать по две самостоятельных семьи. В Сольвычегодском уезде фиксировалось семья таких семей, или 5,1 %, в Великоустюгском – 8 семей, или 5,7 %, в поместье Ф. Соколовой – 4 семьи, или 9,1 %. Заметим, что такое явление было характерно и для удельной деревни Севера, в которой показатели совместного про-

живания нескольких семей в одном дворе стали нарастать после введения упомянутой «политики попечительства» удела [1], [9], [10: 21].

Отметим, что архивные источники о покупке уделом помецических имений в Вологодской губернии содержат важные материалы о пашенных, сенокосных и лесных угодьях, об обеспеченности крепостных птицей, рабочим и продуктивным скотом и некоторые другие данные. Однако указанные сведения требуют специального анализа, как минимум в рамках отдельной статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение первой четверти XIX века удельное ведомство совершило в Вологодской губернии три сделки по приобретению помещичьей недвижимости и крепостных. В результате в 1804 году удел увеличил собственность и численность удельных крестьян в Сольвычегод-

ском уезде, почти на треть умножил число своих поселян в Вологодском уезде и создал владения еще в одном, Великоустюгском, уезде. После покупки в 1824 году очередного поместья в Вологодской губернии Департаменту уделов удалось обеспечить прирост пятой части своих крестьян в Кадниковском уезде и создать две новых удельных волости в Грязовецком уезде. При продаже более высокую прибыль в расчете на одного крепостного получили владельцы вотчины князя Щербатова, хотя наиболее экономически выгодным было расположение деревень имения помещицы Ф. Соколовой, которые находились вблизи губернского центра. Закономерно, что наименьшую выгоду в расчете на продаваемого крепостного получила княгиня В. А. Шаховская, владения которой были разбросаны в отдаленной восточной части Вологодской губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое (ПСЗРИ-1). Т. XXIV. № 17906. С. 525–569.
- ² Боголюбов В. А. Удельные крестьяне // Великая реформа: В 6 т. Т. 2. М., 1911. С. 294–364; История уделов за столетие их существования. 1797–1897 гг.: В 3 т. Т. 1. СПб., 1901. 723 с.; Т. 2. 581 с.
- ³ История уделов... Т. 1. С. 215–222.
- ⁴ ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18423. С. 126; Т. XXX. № 23020. С. 226–258; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Т. XXXIII. Ч. 2. № 33861. С. 451–452.
- ⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 7. Д. 10. Л. 1–1 об.
- ⁶ Там же. Д. 10. Л. 22–25 об.
- ⁷ Там же. Л. 38.
- ⁸ Там же. Л. 146 об.–147.
- ⁹ Там же. Л. 182–183 об.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 43–48; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 43–48; Оп. 7. Д. 10. Л. 1–148; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹² Там же. Оп. 7. Д. 37. Л. 1 об.
- ¹³ Там же. Л. 2–2 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Л. 14 об., 73; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 13. Л. 43–48; Оп. 7. Д. 37. Л. 1–73; Оп. 10. Д. 587. Л. 25 об.–28 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Оп. 10. Д. 773. Л. 1, 8, 41–106.
- ¹⁹ Сравнения проводятся по данным VIII ревизии в связи с тем, что исследователи считают сведения VII ревизии по уездам и губерниям недостоверными. Конечно, это не относится к учету душ по отдельным селениям или помещичьим имениям.
- ²⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 773. Л. 221.
- ²¹ Там же. Л. 227.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гриценко Н. П. Политика феодального «попечительства» удельного ведомства над крестьянами // Ученые записки Чечено-Ингушского педагогического института. 1958. № 10. С. 249–287.
2. Гриценко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (Очерки). Грозный, 1959. 585 с.
3. Дунаева Н. В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец 18 – первая половина 19 в.). СПб., 2006. 284 с.
4. Индова Е. И. Дворцовое хозяйство России. Первая половина XVIII в. М., 1964. 352 с.
5. История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1. 432 с.
6. Ковалевченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. 400 с.
7. Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976. 416 с.
8. Котов П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2012. Вып. 3. С. 149–155.
9. Котов П. П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5: История и филология. 2012. Вып. 3. С. 103–107.

10. Котов П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 1 (130). С. 18–22.
11. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л., 1985. 301 с.
12. Никулина Н. Ю. Ликвидация удельной земельной собственности в России // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1986. С. 38–45.
13. Половинкин Н. С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX веков). Тюмень, 1992. 142 с.

Поступила в редакцию 14.12.2020; принята к публикации 22.03.2021

Original article

Petr P. Kotov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7641-2437; kotovpetr55@mail.ru

EXPANSION OF APPANAGES IN THE VOLOGDA PROVINCE IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

A b s t r a c t. Appanage property existed in Russia for 120 years; during the period from 1797 to 1863 it included state peasants. The issue of the expansion of appanage property both in the country as a whole and in its separate regions is poorly studied, particularly concerning the period of existence of the category of state peasants. The analysis of the identified archival documents shows that in the first thirty years of its existence the Appanage Department bought three noble families' estates in the Vologda province. In March of 1804, it concluded the largest deal in the province by purchasing the patrimonial estate of Princess V. A. Shakhovskaya. Thus, the Department significantly increased the number of state peasants in the Solvychegodsk uyezd and created possessions in the Veliky Ustyug uyezd. Due to the purchase of F. Sokolova's estate in the same year, the Department tripled the number of its peasants in the Vologda uyezd. After purchasing Prince Shcherbatov's estate in 1824, the number of appanage settlers in the Kadnikovsky uyezd increased almost fivefold, and two new appanage volosts (administrative districts) were formed in the Gryazovets uyezd. The purchased estates not only increased the appanage property in the Vologda province, but also introduced some changes in the life of the appanage village. The materials presented in the paper actualize the need to identify and study all cases of purchasing land and peasants, including such cases in various regions of Russia.

Key words: Vologda province, appanage possessions, appanage villages, state peasants, purchase of estates, available souls, taxpayers

For citation: Kotov, P. P. Expansion of appanages in the Vologda province in the first quarter of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616

REFERENCES

1. Gritsenko, N. P. The policy of feudal “patronage” of the Appanage Department over the peasants. *Proceedings of the Chechen-Ingush Pedagogical Institute*. 1958;10:249–287. (In Russ.)
2. Gritsenko, N. P. The Tsar's family's peasants of the Middle Volga region. Essays. Grozny, 1959. 585 p. (In Russ.)
3. Dunaeva, N. V. The Tsar's family's peasants as the subjects of the Russian Empire law (between the late XVIII and the first half of the XIX centuries). St. Petersburg, 2006. 284 p. (In Russ.)
4. Indova, E. I. The royal court economy in Russia. The first half of the XVIII century. Moscow, 1964. 352 p. (In Russ.)
5. History of northern peasantry. Vol. 1. Arkhangelsk, 1984. 432 p. (In Russ.)
6. Kovalchenko, I. D. Russian serfdom in the first half of the XIX century. Moscow, 1967. 400 p. (In Russ.)
7. Kolesnikov, P. A. Northern villages between the XV and first half of the XIX centuries. Vologda, 1976. 416 p. (In Russ.)
8. Kotov, P. P. Peculiarity of seasonal work of Tsar's family peasants in the European North of Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History*. 2012;3:149–155. (In Russ.)
9. Kotov, P. P. The supervising of Tsar's apanage and its results: the example of the Russian European North. *Bulletin of Udmurt University. Series 5: History and Philology*. 2012;3:103–107. (In Russ.)
10. Kotov, P. P. Tsar's family peasants in European North of Russia: distribution and demographic processes. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2013;1(130):18–22. (In Russ.)
11. Mironov, B. N. Grain prices in Russia over two centuries (XVIII–XIX centuries). Leningrad, 1985. 301 p. (In Russ.)
12. Nikulina, N. Yu. Liquidation of appanage land property in Russia. *Northwest in the agricultural history of Russia*. Kaliningrad, 1986. P. 38–45. (In Russ.)
13. Polovinkin, N. S. Palace (state) peasants of the Middle Volga region and the Trans-Urals (between the second half of the XVI and first half of the XIX centuries). Tyumen, 1992. 142 p. (In Russ.)

Received: 14 December, 2020; accepted: 22 March, 2021

ЯКОВ НИКОЛАЕВИЧ РАБИНОВИЧ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-6204-125X; RabinovichYN@yandex.ru

ОКОЛЬНИЧИЙ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧОГЛОКОВ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Аннотация. Впервые представлена подробная биография воеводы Тары, Саратова и Олонца Василия Александровича Чоглокова, одного из представителей правящей элиты России, «служилых людей». Ранее в историографии был известен только олонецкий период его биографии. На основе анализа широкого круга опубликованных документальных источников автор исследует основные этапы жизненного пути этого служилого человека по отечеству из Торопца. Выяснено, что в Смутное время он стал четвертчиком Костромской чети и московским жильцом при дворе Михаила Романова. Затем стряпчим, стольником, дворянином московским. Вершиной карьеры В. А. Чоглокова стало включение его в состав Боярской думы в чине окольничего. Автор, исходя из содержания источников, считает, что такая карьера была следствием не только благоприятных стартовых условий, родственных связей, но и выдающихся личных качеств этого человека. На примере биографии В. А. Чоглокова получили освещение малоизвестные страницы истории страны, связанные с организацией государственной власти, системами гражданского управления и военного командования в приграничных уездах.

Ключевые слова: Чоглоковы, генеалогия, Тара, Саратов, Олонец, воеводское управление, русско-шведская война 1656–1658 годов, отношения России со странами Востока

Благодарности. Выражаю особую благодарность М. Ю. Романову за ценные советы и предоставление ряда документов, использованных в настоящей работе.

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Окольничий Василий Александрович Чоглоков: страницы биографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 47–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.617

ВВЕДЕНИЕ

Василий Александрович Чоглоков известен в истории Карелии тем, что в середине XVII века трижды был назначен воеводой обширного приграничного Олонецкого уезда. Об этом периоде его биографии довольно подробные сведения привел современный исследователь А. Ю. Жуков [2]. Краткую информацию об окольничем В. А. Чоглокове можно найти во многих энциклопедических изданиях. Однако период его службы до первого назначения в Олонец еще не получил отражения в трудах исследователей. И если о службе В. А. Чоглокова в сибирском городе Тара еще можно найти сведения в справочнике А. П. Барсукова¹, то о саратовском периоде его службы до последнего времени исследователям ничего не было известно. Имя воеводы В. А. Чоглокова отсутствует в списке воевод Саратова и Царицына, составленном в 1913 году

А. А. Гераклитовым². С другой стороны, А. А. Гераклитов позднее в своей книге об истории Саратовского края, опубликованной в 1923 году, вскользь указал, что в Саратове летом 1646 года находился не Аверкий Федорович Болтин, как отмечал ранее этот ученый в своем списке воевод Саратова, а воевода Василий Чоглоков (без отчетства). Но на эту информацию, данную в сноске, никто не обратил внимания, да и сам исследователь особо не отмечал свою предыдущую неточность в отношении срока воеводства А. Ф. Болтина. А. А. Гераклитов пытался выяснить, когда в Саратове был основан женский Воздвиженский монастырь. Он привел сведения о существовании монастыря в 1646 году. При этом был упомянут воевода Василий Чоглоков. Приведем полностью текст, помещенный в сноске:

«В Книгах Печатного приказа я нашел запись о запечатании 22 июня 1646 г. грамоты на Саратов к столь-

нику и воеводе Василю Чоглокову по челобитью с Саратова Воздвиженского девичья монастыря старицы Соломониды с сестрами – велено попу Воздвиженского монастыря государево жалованье денежное и хлебное ругу давать. (Беспошл. кн. 20. Л. 365)»³.

Таким образом, в Москве в июне 1646 года знали, что в Саратове находился в то время в качестве воеводы не Аверкий Болтин, а стольник Василий Чоглоков, поэтому именно ему отправили грамоту о выдаче жалования попу Воздвиженского монастыря.

Попробуем выяснить, когда могла произойти смена воевод, когда стольник Василий Чоглоков приехал в Саратов. Обычно воевод в Саратове назначали на срок не менее двух лет, как и многих других воевод отдаленных от столицы городов. Следовательно, Аверкий Болтин, посланный в Саратов в феврале 1644 года⁴, вполне мог находиться там до 1646 года [6: 104, 108]. Можно считать, что весной 1646 года в Саратове уже произошла смена воевод, и новому воеводе Василию Чоглокову 22 июня 1646 года была направлена из Москвы царская грамота с указанием удовлетворить просьбу монахинь саратовского Воздвиженского женского монастыря.

* * *

Кто же это такой – стольник Василий Чоглоков? Данные боярской книги 1639 года позволяют с твердой уверенностью считать, что воеводой Саратова был Василий Александрович Чоглоков. Ценность такого рода источников определяется тем, что в них приводятся сведения о поместном и денежном окладах, придачах к окладам, а также указано, за какие заслуги даны эти придачи. Учитывая, что боярские книги составлялись редко, через 10–20 лет, то до составления новой книги все изменения по службе данного человека записывались в прежнюю книгу. Приведем текст полностью:

«Василей да Петр Олександровы дети Чоглокова. Помесные оклады им по 450 чети человеку, денег по 18 рублей. А в 138-м году Василю учинен помесной оклад, и с прежним 600 чети, денег 30 рублей. Василю же за саратовскую службу 156-го году по памяти ис Казанского дворца за прописью диака Томила Перфильева придано помесного 300 чети, денег 70 рублей».

Последнее предложение о награде за Саратовскую службу приписано позднее⁵.

Из данной записи следует, что в 1620-е годы у В. А. Чоглокова, как и у его младшего брата Петра, был поместный оклад 450 чети и денежный оклад 18 рублей, а в 1629/30 году он получил прибавку к окладу 150 чети и 12 рублей. За такую конкретно службу была получена эта прибавка, неизвестно. Новый оклад с учетом придачи со-

ставил 30 рублей и 600 чети. Позже за конкретную Саратовскую службу 1647/48 года он получил новую придачу (300 чети и 70 рублей). Теперь его оклад стал составлять уже 900 чети и 100 рублей. Важную информацию несет память из Казанского дворца (Саратов, как все поволжские города, подчинялся этому приказу). Здесь упоминается дьяк Томила Перфильев, за чьей прописью составлена данная память. Этот дьяк служил в приказе Казанского дворца с 7 сентября 1648 года до 30 апреля 1652 года [1: 406]. Следовательно, награждение произошло уже после сентября 1648 года, но до декабря 1649 года, когда В. А. Чоглоков надолго уехал из Москвы.

Что нам известно о Василии Александровиче Чоглокове? Легендарным предком Чоглоковых, как и Морозовых, Тушиных, Филимоновых, Шестовых, Шеиных, был некий Михаил Прушанин, выехавший в Новгород к Александру Невскому из «Прус». Князь П. В. Долгоруков в своей «Родословной книге» отмечал, что предок Чоглоковых «Василий Семенович Морозов по прозвищу Туша был потомком Михаила Прушанина в пятом колене»⁶. В «Бархатной книге», говорится проще: «Род Морозовых. Иван Морозов да Василей Туша. От Ивана пошли Морозовы. А от Василья от Туши Жестовы, Чеглоковы, Филимоновы»⁷. В Типографской летописи родонаучальник рода Морозовых Иван Морозов указан по отчеству – Иван Семенович⁸. Следовательно, исходя из текста «Бархатной книги», родонаучальником рода Чоглоковых был Василий Семенович Туша. Современные исследователи скептически относятся к распространенному мнению, что предком Тушиных-Чоглоковых, как и знаменитых бояр Морозовых и Шеиных, был Михаил Прушанин. В любом случае, по своему происхождению, как отмечает современный исследователь В. Н. Козляков, Чоглоковы принадлежали к родам, близким к боярской аристократии [3]. Это во многом объясняет, почему герой данного очерка сменял на воеводских должностях князей (хотя и не из главных ветвей княжеских родов), а эти князья сменяли его. Чоглоковы имели право на местнические споры, и они местничали даже с князьями [7: 154].

У внука Василия Семеновича Туши, Ивана Филимоновича Тушина, было два сына, старший из которых, Иван Иванович Тушин (Филимонов), имел прозвище Чеглок (так называли небольшого сокола, но есть и другие объяснения этого прозвища). У младшего сына Ивана Филимоновича Тушина, Григория Ивановича Филимонова, потомство пресеклось уже в начале XVI века. Иван Иванович Чеглок стал родонаучальни-

ком торопецких помещиков Чеглоковых. В XVI веке писали чаще всего Чеглоковы, а в XVII по-разному – Чеглоковы и Чоглоковы. Известны три ветви Чеглоковых, идущие от трех сыновей Ивана Чеглока – Ивана, Афанасия и Федора⁹. В XVI веке многочисленные потомки этих трех сыновей Ивана Чеглока служили головами, второстепенными воеводами. Шесть внуков Афанасия Ивановича Чеглокова были записаны в Тысячную книгу как торопецкие помещики 2-й статьи¹⁰. Именно к этой ветви относится Корнила Никитич Чеглоков, правнук Афанасия Чеглокова, герой Смутного времени, соратник князя М. В. Скопина-Шуйского, хорошо известный в Новгородской земле, а также защитники Москвы в 1618 году от войск польского королевича Владислава Михаила и Иван Степановичи Чеглоковы. К этой же ветви относится и Василий Федорович Чеглоков, воевода в Сольвычегодске в 1648 году.

Г. А. Победимова установила генеалогическое древо новгородских Чеглоковых, потомков младшего сына Ивана Чеглока – Федора Ивановича Чеглокова (их поместья в XVI веке в основном находились в Деревской пятине) [4]. Из многочисленных потомков Ф. И. Чеглокова стоит отметить Серого (Степана) Семеновича Чеглокова, воеводу в Царевококшайске (1616) и в Кольском остроге (1617–1619), а также Афанасия Козьмича Чеглокова, воеводу в Старой Русе (1650)¹¹.

В. Н. Козляков опубликовал «отдельную книгу» в 1568 году переведенным в Бежецкую пятину костромским детям боярским, в том числе новым помещикам Замятне Исаеву сыну Чоглокова, на деревни в Деревской и Бежецкой пятинах, а Михаилу Семенову сыну Чоглокова – в Бежецкой пятине. Так что новгородские Чоглоковы были не только деревскими, но и бежецкими помещиками [3]. Добившиеся значительных успехов в карьере, Чоглоковы, как и представители других родов, тянули «наверх» своих детей и многочисленных родственников, что ярко проявилось в судьбе героя данного очерка и его братьев, поднявшихся благодаря своему отцу, дворянину московскому. Среди Чоглоковых известны также ржевские помещики. В боярских списках конца XVI – начала XVII века известен выборный дворянин из Ржевы Степан Иванович Чоглоков¹².

Нас будет больше интересовать потомство старшего сына Ивана Чеглока – Ивана Ивановича Чеглокова. В Тысячную книгу были записаны как торопецкие помещики 2-й статьи два внука Ивана Ивановича Чеглокова. Один из них – Не-

взор (Игнатий), сын Злобы (Тимофея) Чеглокова, был дедом будущего воеводы Тары, Саратова и Олонца¹³.

В разрядах Невзор (Игнатий) Чеглоков упоминается осенью 1554 года в походе «в казанские места на луговых людей» вторым воеводой «в посылке» с Фомой Третьяковым. В 1558 году он был головой в Ливонском походе сначала в Большом полку вместе с другими Чеглоковыми, а после взятия Нарвы он участвует в походе к Нейгаузену и Юрьеву – головой в полку правой руки. В 1564 году после взятия литовского города Озерище туда были назначены воевода кн. Ю. И. Токмаков и головы, в том числе Невзор Чеглоков. Весной 1565 года он был на Невеле. Больше сведений о нем в разрядах не обнаружено¹⁴.

Сын Невзора Чеглокова Александр Невзоров (Игнатьев сын) Чеглоков впервые упоминается в разрядах в 1559 году вместе с отцом, когда планировался поход против крымских татар (не состоялся). В 1566 году он был головой в Туле с воеводой кн. Григорием Мещерским, а в начале 1570-х годов – вторым воеводой в Псковском пригороде Красном вместе с Гаврилой Колычевым¹⁵. Возможно, некоторые из этих сведений относятся к его родному дяде – Александру (Алексею) сыну Злобы Чеглокова, но в именном указателе этого Государева разряда (разрядной книги 1475–1598 годов) записан только один человек – Александр Невзоров сын Чеглоков.

В Смутное время Александр Игнатьевич (Невзоров сын) Чеглоков был одним из руководителей обороны города Торопца, известен как воевода Торопца в 1610 году. Упоминается он в Торопце и в первые месяцы царствования Михаила Романова¹⁶, а затем целых шесть лет был бессменным воеводой в Чебоксарах (1615–1620)¹⁷. Он являлся четвертчиком Устюжской чети, указан в Расходной книге Устюжской чети в 1618/19 году еще как торопецкий помещик (а не московский дворянин) с довольно значительным окладом 57 руб.¹⁸ Аналогичная запись содержится в Расходной книге Устюжской чети в 1619/20 году (он назван «торопчанином»)¹⁹. К тому времени ему было около 80 лет. А. И. Чеглоков прожил долгую жизнь. После Смуты он стал дворянином московским, в 1622 году был объезжим головой для огней в Москве в Китай-городе²⁰. Именно к этому времени (июнь 1622 года) относится местнический спор объезжих голов в Кремле (кн. Ф. С. Коркодинов), в Китай-городе (А. И. Чеглоков) и в «Белом Цареве городе: на большой половине... от Устремленской улицы по Покровку» (Г. И. Бобрищев-Пушкин).

В Дворцовых разрядах говорится, что А. И. Чеглоков и Г. И. Бобрищев-Пушкин «были челом» на кн. Ф. С. Коркодинова. В результате боярского приговора им всем велено быть без мест²¹. Судя по данному местническому спору, А. И. Чеглоков считался выше Г. И. Бобрищева-Пушкина (записан впереди него), который местничал только с кн. Ф. С. Коркодиновым. Вскоре А. И. Чеглоков получил новое назначение. В 1622–1623 годах он руководил писцовским описанием Старой Русы и уезда вместе с дьяком Добриней Семеновым²². В 1620-е годы А. И. Чеглоков в боярских списках постоянно упоминается в числе приближенных старицы Марфы, матери царя Михаила Романова. Например, в 1626–1628 годах против его имени в боярских списках стоит помета «в Вознесенском монастыре у государыни», а в 1629–1631 годах – «у великие государыни иноки Марфы». 10 апреля 1631 года на Пасху он еще был у царя в передней («видел государские очи»), записан среди дворян²³. Последняя запись о нем относится к 1632 году, где указано: «140-го постригся и умре»²⁴. К моменту смерти в 1631/32 году А. И. Чеглокову было уже около 90 лет, если считать, что сведения об участии в походах конца 1550–1570-х годов относятся к Александру Невзорову Чеглокову, а не к его дяде – Александру (Алексею) Злобину Чеглокову.

Александр Невзоров (Игнатьев сын) Чеглоков от брака с неизвестной имел семь сыновей. Будущий воевода Олонца В. А. Чеглоков был четвертым сыном, родился, видимо, в конце 1590-х годов, когда отцу было уже за 50. После Василия у Александра Чеглокова были еще сыновья – Феоктист, Петр и Селиверст. Старшие братья В. А. Чеглокова, Никита и Яков, упоминаются в источниках в Смутное время. Никита Александрович участвовал в Торопецком осадном сиденье 1613 года, получил за своего «дядю» Корнелия Никитича Чеглокова (фактически – четвероюродный дядя) поместье в 130 четей в Торопецком уезде²⁵. В конце Смуты он уже дворянин московский, участвовал в 1618 году в обороне Москвы от войск королевича Владислава, получил вотчины в Торопецком уезде, имел также вотчины в Кинешемском уезде²⁶. В боярских списках он упоминается среди московских дворян в 1626–1632 годах²⁷, с 1628 года служил воеводой на Валуйках в течение трех лет²⁸. Во время Смоленской войны в 1633–1634 годах Никита Чеглоков служил вторым воеводой в Брянске с кн. И. А. Хилковым²⁹. Карьера Якова Александровича была значительно скромнее. Он в 1615 году стал четвертчиком Костромской чети с окладом 8 рублей, а в 1621 году полу-

чил небольшую придачу к окладу за торопецкую службу 1617/18 года размером в 1 рубль³⁰. В 1626 году он упоминается как выборный дворянин из Торопца с окладом 650 чети, и только 22 декабря 1631 года из выбора был переведен в дворяне московские³¹. Это произошло как раз в тот момент, когда умер его отец. Как дворянин московский Я. А. Чеглоков упоминается еще в боярской книге 1635/36 года³². Третий сын А. И. Чеглокова, Иван Александрович, в Смутное время в источниках пока не обнаружен. В 1626 году он указан еще как выборный дворянин из Торопца с окладом в 700 чети. В боярском списке 1629/30 года он записан одним из последних в списке московских дворян, видимо, получил назначение в 1629 году. В следующем боярском списке 1632/33 года против его фамилии в списке дворян стоит помета – «нет»³³. Отсутствие Никиты и Ивана Чеглоковых в боярской книге 1635/36 года свидетельствует о том, что они либо умерли, либо отставлены от службы по московскому списку. Младшие братья В. А. Чеглокова (Феоктист, Петр и Селиверст) в Смутное время были еще молоды. Опубликованный недавно Е. Н. Горбатовым источник позволяет довольно точно выяснить дату их рождения. После смерти патриарха Филарета многие патриаршие стольники были переведены в другие чины. В Смотренном списке стольников патриарха, которые были у разбора 30 ноября 1633 года, указан возраст этих стольников. Феоктисту в конце 1633 года было 30 лет, а Селиверсту – всего 20. Следовательно, к моменту штурма Москвы осенью 1618 года Феоктисту было 15 лет, а Селиверсту – всего 5, он родился в первый год царствования Михаила Романова³⁴. Петр и Селиверст Чеглоковы стали патриаршиими стольниками 7 июня 1626 года, а «прежде ни в каком чину не были»³⁵. Но уже в 1627 году Петр Чеглоков указан не в патриарших, а в царских стольниках и с этого времени постоянно записан вместе со старшим братом Василием. Потом он был переведен в дворяне московские. В Боярской книге 1657/58 года он числится как дворянин московский³⁶. Селиверст Чеглоков до самой кончины патриарха Филарета был патриаршим стольником. После разбора стольников патриарха Филарета он стал дворянином московским, «государь указал написать по московскому списку»³⁷. Следовательно, уже с 1634 года он дворянин московский и оставался в этом чине еще в 1667/68 году, а в 1676/77 году, уже после смерти царя Алексея Михайловича, он записан походным дворянином царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной³⁸. Таким образом, он служил

при дворе дольше всех из братьев – более 50 лет. Феоктист Чоглоков, хотя был старше Петра и Селиверста, стал патриаршим стольником позже всех – 21 декабря 1629 года³⁹. В 1634 году он, как и Селиверст, стал дворянином московским. При этом долгое время он имел мизерный оклад: к началу 1650-х годов его оклад составлял всего 400 чети, 14 рублей. Только во время русско-польской войны он получил за отличия в походах 1654–1655 годов и за Конотопскую битву 1659 года придачу к окладу, который к 1660 году стал составлять 650 чети и 36 рублей⁴⁰. Видим, что младшие братья (Феоктист, Петр и Селиверст) в 1620-е годы вслед за Никитой, Иваном и Василием тоже оказались в Москве и отмечены в боярских списках. Видимо, Александр Игнатьевич «замолвил слово» за своих сыновей перед патриархом Филаретом и старицей Марфой.

Карьера В. А. Чоглокова (далее фамилию будем писать через букву о) наиболее примечательна. В конце Смутного времени он был уже жильцом, четвертчиком Костромской чети с окладом в 12 рублей. Этот же оклад (12 рублей) был за ним вновь утвержден 18 февраля 1621 года, когда он был назначен стряпчим. Через день, 20 февраля 1621 года, он получил придачу к окладу 3 рубля (новый оклад – 15 рублей). Старший брат Яков в это время оставался торопецким помещиком с окладом всего 9 рублей⁴¹. В «подлинных» боярских списках 1626–1633 годов Чоглоков вначале указан стряпчим с платьем (в 1626 году), но уже в 1627/28 году он вместе с братом Петром записан как стольник и отправлен на службу на Валуйки. В следующие два года (1629–1631) они постоянно упоминаются вместе с братом Петром как стольники⁴². Об участии Чоглокова в Смоленской войне 1632–1634 годов сведений пока не обнаружено. Вновь мы встречаем его уже после окончания войны. 21 марта 1635 года в Москве состоялись проводы польских послов. В этот день был стол у государя в Грановитой палате. Перед государем «есть ставили стольники», в том числе Чоглоков⁴³. 25 мая 1637 года стольник Чоглоков вместе с братом Петром дневал и ночевал на царском дворе с окольничим Степаном Престовым. Царь в это время уезжал на несколько дней в село Покровское⁴⁴.

Источники позволяют выяснить, где находился двор Чоглокова в Москве. В апреле 1638 года были назначены ответственные лица, которым поручено переписать все московские дворы. Задача состояла в том, чтобы выяснить, кто живет в этих дворах и сколько вооруженных людей они смогут выставить в случае вражеского нападения (ожидался поход крымского хана

на Москву): «Что в тех дворах людей и кто с каким оружием в приход воинских людей будет». Участок в «Белом Каменном Городе с Дмитровки с другие с Петровские стороны по Петровке и по Неглинному» переписывали 8 апреля Яков Юрьевич Мусин-Пушкин и подьячий Любим Кашинский. Двор Чоглокова находился у «Сергия чудотворца старых серебряников»⁴⁵. Вскоре Чоглокову пришлось надолго покинуть столицу. 25 декабря 1638 года послана память в Казанский приказ об отправке воевод в Сибирь (указано 15 городов, включая Тобольск). На Тару отправлен Чоглоков (чин не указан)⁴⁶. В Дворцовых разрядах говорится, что царский указ об отправке воевод в Сибирь датируется февралем 1639 года⁴⁷. В любом случае, весной 1639 года новый воевода Чоглоков прибыл к месту службы. На Таре воеводы Чоглоков и его помощник Яков Тухачевский сменили прежних воевод кн. Федора Петровича Борятинского и Григория Аггеевича Кафтырева. Через 9 лет, в 1648 году, кн. Ф. П. Борятинский сменит в Саратове Чоглокова.

Сохранились некоторые сведения о службе Чоглокова в Таре⁴⁸ и о составе гарнизона Тары в 1638 году накануне его приезда в этот сибирский город⁴⁹. В 1642 году он по-прежнему оставался воеводой в Таре, а в 1643 году в разрядах указаны новые воеводы Тары – князь Петр Иванов сын Щетинин и Федор Федоров сын Головачев⁵⁰. Смена воевод произошла летом 1643 года, и осенью В. А. Чоглоков был уже в Москве. В сборнике документов по русско-монгольским отношениям в именном указателе ошибочно записано, что «Чеглоков (Чоглоков) Василий Александрович, стольник, Тарский, затем Тюменский воевода»⁵¹. В Тюмени Чоглоков никогда не был воеводой, в 1639–1643 годах воеводой здесь был кн. Г. П. Борятинский. Позже, в 1650 году, воеводой в Тюмени был младший брат Чоглокова, Селиверст Александрович, который сменил осенью 1648 года Ивана Юрьевича Тургенева⁵².

О службе Чоглокова за период 1644–1645 годов сведений почти не сохранилось. Известно, что в 1644 году после возвращения из Сибири он был отпущен в Соловецкий монастырь, видимо, по личной просьбе с целью паломничества. Об этом косвенно свидетельствует фраза в Боярском списке 7152 (1643/44) года: «Василий Олександров сын Чоглоков. (В Сибири). Отпущен на Соловки». В этом списке он указан среди стольников, хотя в течение этого года 25 стольников были переведены в дворяне московские. К моменту составления этого боярского списка осенью 1643 года он еще не вернулся из Сибири, поэтому стоит помета – «в Сибири». Одна-

ко в течение 7152 года, то есть еще до августа 1644 года, он уже уехал в Соловецкий монастырь⁵³. Через два года после возвращения из Сибири, в 1646 году, Чоглоков получил назначение воеводой в Саратов, сменив А. Ф. Болтина [6: 104, 108]. О службе воеводы Василия Чоглокова в Саратове сохранился один любопытный документ, впервые опубликованный в 1850 году во Временнике Московского ОИДР⁵⁴. Суть документа в следующем. Один из князей Волконских в 1688 году написал челобитную, в которой указал, что его отец за боевые заслуги, связанные с подавлением восстания башкир в 1662–1664 годах, не был награжден, в отличие от главного воеводы кн. Ф. Ф. Волконского. Отец к тому времени уже умер от ран, и сын надеялся получить за него вознаграждение. Думный дьяк потребовал предоставить справку из Приказа Казанского дворца, кому из воевод в прошлые годы из этого приказа было дано жалование, награды за службы, придачи к окладам и сколько именно дано. Справка была предоставлена, она сохранилась. В те годы такую справку еще можно было сделать, а через 12 лет все документы Приказа Казанского дворца будут уничтожены страшным московским пожаром. В этой справке приводится ряд примеров различных награждений за службу. Один из таких примеров – награждение Чоглокова:

«Василью Чоглокову за Саратовскую службу 155 года за Татарский бой, за взятые за 23 человека, да за убитых за 30 человек, – учинено придача к 600 четям – 300 чети, денег к 30 рублем – 70 рублей, да в приказ дано кубок в пол 3 гривенки, атлас золотной в 40 рублей, да 40 соболей в 70 рублей»⁵⁵.

Судя по данному тексту, в 1646/47 году где-то в окрестностях Саратова произошел бой с татарами. Это могли быть ногайские татары, которые в те годы подчинились калмыкам и совместно осуществляли свои набеги, а также крымские татары, ногаи Казыева улуса и другие, совершившие разбойничьи рейды на Правобережье в районе Медведицы. Бой с татарами завершился победой саратовских служилых людей, судя по тому, что враг понес большие потери (30 убитых и 23 пленных). Воевода Чоглоков руководил боем. Получив донесение, в Москве приняли решение о награждении воеводы, которое состоялось не ранее сентября 1648 года, уже после завершения его саратовской службы и приезда в Москву в 1648 году. Поместный оклад Чоглокова к началу службы в Саратове составлял 600 четей, а денежный оклад – 30 рублей. Это было не так много для стольника. Теперь, после награждения, поместный оклад стал составлять 900 четей, а денежный, с учетом прида-

чи, – 100 рублей. Кроме того, Чоглоков получил в качестве награды кубок в 2,5 гривенки, шубу ценой 40 рублей и соболей на 70 рублей. Награды действительно царские.

Уже цитированный ранее источник о награждении Чоглокова (боярская книга 1639 года) дает другую дату «саратовской службы» – 156 (1647/48) год⁵⁶. Речь в обоих документах идет об одном и том же событии. Можно сделать предположение, что этот бой произошел в конце августа – начале сентября 1647 года, поэтому в документах указаны два года.

Одной из важнейших задач воеводы Саратова было обеспечение безопасности Волжского пути в своей зоне ответственности (от Саратова до Самары и от Саратова до Царицына). В первую очередь это касалось сопровождения различных посольских караванов. Саратовские стрельцы выделялись в качестве охраны посольских судов. Даже кратковременные остановки послов в Саратове доставляли воеводе немало хлопот. Примеров зимовки караванов в этом «украинном городе», подобно той, что случилась зимой 1600/01 года⁵⁷, или длительной задержки, как осенью 1639 года⁵⁸, пока не обнаружено. Известно, что во время воеводства Чоглокова в Саратове останавливались русские послы в Персию (князь С. И. Козловский), Бухару (А. Грибов), Индию (Н. Сыроежкин). Эти три посольства в составе одного каравана в августе – сентябре 1646 года сопровождали до Царицына саратовские стрельцы. Осенью 1646 года воевода Саратова обеспечивал охрану до Самары персидских купцов, которые выступали в роли посланников шаха Аббаса II. В 1647 году в Персию через Саратов направлялось посольство Г. Булгакова, в Грузию – посольство А. Ф. Боборыкина (с ними возвращались домой и грузинские послы). Их пришлось сопровождать до Царицына саратовским стрельцам. Гостями Саратова в 1647 году были польский посол в Персию «Юрий Ирич» и индийский купец Сутур, направлявшийся в Москву. В том же 1647 году в Саратов прибыли яицкие казаки, которым было разрешено торговать без пошлин и совершать разные покупки. В 1647 году домой в Москву возвращалось посольство А. Грибова, которое добралось только до Персии, в Индию так и не попало. Весной 1648 года на смену Василию Чоглокову в Саратов прибыл новый воевода князь Федор Петрович Борятинский. Повторилась ситуация в Таре, только наоборот. Теперь Чоглоков передавал дела кн. Ф. П. Борятинскому. Возвращение Чоглокова в Москву произошло, видимо, уже после московского восстания 1648 года. Вскоре последовало награжде-

ние бывшего саратовского воеводы «за Саратовскую службу 155 года за Татарский бой».

В различных справочниках и энциклопедиях подробная служба Чоглокова описана с конца 1649 года, когда он был отправлен служить в Олонец, будучи уже окольничим. Судя по записи в Дворцовых разрядах, чин окольничего он получил, будучи не стольником, а московским дворянином. В те годы это было нормальным явлением – неоднократно служилых людей переводили из числа стольников в московские дворяне, а потом из стольников или из дворян могли пожаловать в окольничие.

Младший брат Чоглокова Петр еще 1 марта 1641 года был пожалован «из стольников во дворяне» вместе с 14 представителями знатных родов (Бутурлин, Щербатый, Волынский, Оболенский и др.). В тот же день новые дворяне (бывшие стольники) были у государева стола. Так что перевод из стольников в дворяне не считался понижением⁵⁹. 25 декабря 1649 года на Рождество Христово царь Алексей Михайлович пожаловал «из дворян в окольниче Василя Александровича Чоглокова», а сказывал окольничество думный дьяк Семен Зaborовский. В тот же день окольничий Чоглоков был на торжественном обеде у царя⁶⁰. Вскоре после этих событий Чоглоков был отправлен на север, в Олонец. Наказ ему был составлен 31 декабря 1649 года⁶¹. Видимо, отъезд его из Москвы состоялся в январе 1650 года. Он сменил воеводу кн. Ф. Ф. Волконского, который являлся основателем Олонецкой крепости (1649 год) и нового Олонецкого уезда, подчиненного непосредственно Москве (ранее Олонецкий погост вместе с другими окрестными погостами входил в состав Обонежской пятини и подчинялся воеводам Новгорода). К тому времени В. А. Чоглоков был уже опытным администратором (воеводство в Таре и Саратове) и показал себя надежным грамотным военачальником, отразившим набег на Саратов степняков.

Первые грамоты из Москвы новому воеводе Чоглокову идут с 17 февраля 1650 года. Он уже упоминается в документах в качестве окольничего и воеводы в Олонце вместе с помощником Степаном Парфеньевичем Елагиным⁶². Воевода решал вопросы солдатского учения пахотных солдат полка Александра Гамильтона (кому и сколько дней в неделю заниматься воинскими делами). В инструкции ему особое внимание обращалось на возможное прибытие иноземцев с целью завязать торговые отношения. В этом случае воевода должен был немедленно уведомить государя и без царского указа торговых людей непускать. В январе 1651 года Чоглоко-

ву была отправлена царская грамота о сборе полонянничных денег⁶³. В апреле 1651 года он посыпал из Олонца специальных людей в олонецкие погосты к старостам и целовальникам, чтобы решить вопрос о поселении там бывших крестьян-беглецов и сборе денег⁶⁴. 4 февраля 1654 года он отправил в Москву грамоту, после чего получил новую грамоту-инструкцию⁶⁵. За период с 17 февраля 1650 года по 5 апреля 1656 года ему были присланы 489 царских грамот: с 17 февраля 1650 по август 1650 года – 50 грамот; с сентября 1650 по август 1651 года – 91; с сентября 1651 по август 1652 года – 68; с сентября 1652 по август 1653 года – 77; с сентября 1653 по август 1654 года – 111; с сентября 1654 по август 1655 года – 60; с сентября 1655 по 5 апреля 1656 года – 32 грамоты⁶⁶. Подробности службы В. А. Чоглокова в Олонце рассмотрены в монографии А. Ю. Жукова [2].

В апреле 1656 года Чоглокова сменил стольник Петр Пушкин. Видимо, уже в мае 1656 года Василий Александрович вернулся в Москву. Возможен вариант, что он не заезжал в столицу, а сразу уехал к царю Алексею Михайловичу, который в то время (15 мая) направился из Москвы в Смоленск «для своего государева и земского дела» (в шведский поход). В 20-х числах июля царский двор находился между Друей и Динабургом по пути к Риге. 24 июля «на стан Старая Городища приехал к Государю с его государевой службы с Олонца окольничей Василем Александрович Чоглоков и был у Государя у руки». В тот же день Чоглоков получил новое назначение – его направляют на посольский съезд «с полскими комиссарами» в Вильно в товарищи к великим послам⁶⁷. С августа 1656 года Чоглоков в качестве наместника Алатырского участвовал в съезде под Вильно с польскими представителями. Возглавлял эти переговоры боярин кн. Н. И. Одоевский, вторым послом был окольничий кн. И. И. Лобанов-Ростовский. Эти послы были отправлены царем еще 13 июля из Полоцка в Вильно. Чоглоков был третьим послом, он присоединился к ним позже⁶⁸. На переговорах обсуждались различные вопросы, в том числе – об избрании царя Алексея Михайловича на польский престол [5: 453–456]. На переговорах среди многих вопросов поднимался с виду незначительный вопрос о возврате потерянного сотенными головами в бою с гетманом Сапегой под Брестом в 1655 году государева креста. Осенью 1656 года послы докладывали, что у них из-под Вильно происходит массовое бегство детей боярских и драгун⁶⁹.

В декабре 1656 года Чоглоков из Вильно возвращается в Вязьму, где с ноября 1656 до января 1657 года находился царский двор. 21 декабря 1656 года на память митрополита Петра царь пожаловал в бояре князя Ивана Семеновича Прозоровского. При этом «у сказки стоял» окольничий Чоглоков, а боярство сказывал думный дьяк Ларион Лопухин. Когда в начале января 1657 года царь из Вязьмы отправился в Москву, Чоглоков ехал впереди царского поезда, подготавливая места промежуточных стоянок, «перед государем были для становок окольничей Василий Александрович Чоглоков да дьяк Иван Фомин»⁷⁰.

По прибытии царя со свитой в Москву 14 января 1657 года сразу же последовало очередное назначение Чоглокова – судьей Судного Московского приказа вместе с помощником Яковом Васильевичем Кафтыревым. Но эта служба продолжалась менее двух месяцев. Уже 4 марта 1657 года судьей Московского судного приказа был назначен Мелентий Квашнин, «а Василью Чоглокову сказано на Олонец»⁷¹. Это было связано с тем, что начавшаяся русско-шведская война стала принимать весьма неблагоприятный оборот, шведы предприняли ряд наступлений, пытаясь вернуть утраченные в ходе кампании 1656 года земли. В начале апреля 1657 года Чоглоков уже прибыл в Олонец. В этом году он участвовал в русско-шведской войне на Олонецком направлении. За период с 13 апреля по 1 сентября 1657 года ему было отправлено 49 указных грамот и один список, а с сентября 1657 по август 1658 года – 65 грамот и 2 списка. С сентября 1658 по 13 апреля 1659 года он получил 33 грамоты⁷². Следует отметить, что именно 1657 год был особенно напряженным в русско-шведской войне, когда шведы пытались взять реванш и начали наступление по всем направлениям. Они предприняли осаду Олонца, разоряли окрестные погосты. Воеводе стольнику П. М. Пушкину пришлось прекратить осаду Кексгольма и идти на выручку Олонцу. В те годы в Олонецком уезде уже было сформировано три полка «нового строя» (Александра Гамильтона, Вальтера Кормихеля и Томаса Краферта). Солдаты и драгуны этих полков участвовали в осаде Кексгольма, обороне Олонца, службе в Лавуйском остроге и дальних походах с псковским воеводой кн. И. А. Хованским. К началу 1658 года боевые действия прекратились, в том же году было заключено выгодное для России Валиесарское перемирие.

В 1658 году из-за многочисленных обвинений воевод и приказных лиц в лихоимстве в Олонец был направлен Сергей Андронникович Малово, который должен был расследовать все дела

по человеческим. Одним из обвинений Чоглокову было то, что он отпускал с воинской службы дворян и детей боярских раньше времени, не дожидаясь царского указа⁷³. В апреле 1659 года его сменил князь Терентий Васильевич Мышецкий, и Чоглоков вновь возвращается в Москву. В 1660–1662 годах он часто упоминается в документах Разрядного приказа, из которых видно, что в то время он находился в Москве. Особый интерес вызывают действия московской администрации во главе с боярином кн. И. С. Прозоровским и окольничим Чоглоковым в мае – июне 1660 года (в период отъезда царя в село Покровское) во время эпидемии («морового поветрия») при расследовании всех контактов больных и умерших людей, здесь же говорится о порядке погребения умерших. Чоглоков в июне 1660 года занимался отправкой стольников, стряпчих и дворян на службу для охраны засек на южной границе⁷⁴.

Приведем еще несколько примеров, когда в период отъезда царя из Москвы в управлении столицей участвовал окольничий В. А. Чоглоков. Боярин кн. И. С. Прозоровский, Чоглоков и думный дьяк Ларион Лопухин оставались в столице 27 июля 1660 года, когда царь ходил в Новодевичий монастырь, где на следующий день отмечал праздник Богородицы Одигитрии. В сентябре 1660 года Чоглоков управлял столицей вместе с боярином кн. Ф. Ф. Куракиным, когда царь отправился в традиционный поход в Троицу. В феврале 1661 года он опять остается в столице вместе с боярином кн. И. Б. Репниным (царь уезжал в Семеновское на потешный двор)⁷⁵. Окольничий Чоглоков 5 марта 1661 года объявлял крымских послов при приеме их царем в Золотой палате. Эти послы после длительного заточения в Москве были отпущены на родину⁷⁶.

20 июня 1661 года Чоглоков вторично был назначен судьей в судный Московский приказ вместе с Семеном Киреевским и дьяками С. Чубаровым и И. Дубининым. Они же остались руководить данным приказом 3 декабря 1661 года и 27 февраля 1662 года. Только 18 мая 1662 года Чоглоков был отстранен от управления судным Московским приказом, вместо него назначен боярин кн. И. И. Лобанов-Ростовский⁷⁷.

В 1662 – начале 1663 года во время многочисленных отъездов царя из Москвы (в основном – походов по монастырям) окольничий Чоглоков как опытный администратор оставался «блести столицу» вместе с боярами и другими окольничими. Так было, например, 16 июля 1662 года, когда царь уезжал в Коломенское. В Москве тогда оставался боярин кн. Ф. Ф. Ку-

ракин и шесть окольничих, в том числе пятым записан Чоглоков. В это время в Москве произошел Медный бунт (25 июля), начались грабежи дворов бояр, вельмож и купцов. Ф. Ф. Куракин и окольничие, в том числе Чоглоков, не смогли ничего сделать для подавления восстания. Хотя если бы восставшие все время оставались в Москве, то последствия для властей могли быть более тяжкими. Мятеж был подавлен при приходе всей толпы восставших к царю в Коломенское, куда успели прибыть верные правительству войска. После подавления восстания 28 июля 1662 года состоялся поход царя в Новодевичий монастырь. С Москвы за крестами шел до монастыря окольничий Чоглоков⁷⁸. Аналогичные действия были в начале следующего года (1 сентября 1662 года), когда «за образы» ходили к церквам и монастырям окольничие в сопровождении стрелецких начальников. К церкви Иоакима и Анны ходили окольничий Чоглоков и стрелецкий полуголова Семен Челюсткин⁷⁹.

17 января 1663 года царь уезжал в Саввино-Сторожевский монастырь. В Москве оставался боярин П. М. Салтыков и окольничие без мест (чтобы не было местнических споров). Первым из четырех окольничих записан Чоглоков. 24 января 1663 года состоялся более длительный царский поход к Троице. В Москве с боярином Ф. Ф. Куракиным мы видим все тех же окольничих без мест. Первым снова записан Чоглоков. В Дворцовых разрядах отъезд царя в Троицу указан 21 января, а окольничего Чоглокова ошибочно назвали Василием Алексеевичем. 23 апреля 1663 года на Светлой неделе в четверг во время очередного царского похода в Новодевичий монастырь в Москве с боярином Ф. Ф. Куракиным остались три окольничих без мест, первый – Чоглоков⁸⁰. Видимо, очередность записи окольничих зависела от времени их назначения на эту должность, наш герой был окольничим уже 14 лет. В том же 1663 году навсегда завершается служба в Москве В. А. Чоглокова. 27 июля 1663 года царь послал его в третий раз в Олонец на место кн. Т. В. Мышецкого⁸¹. Служба Чоглокова в этом городе продолжалась с августа 1663 до начала 1667 года. В феврале 1667 года

в Олонец прибывает думный дворянин Замятня Федорович Леонтьев, родной дядя Федора Ивановича Леонтьева, с именем которого связано много страниц истории как левобережного, так и правобережного Саратова⁸². Исследователи пишут, что Чоглоков умер на воеводстве в Олонце в 1667 году. Трудно сказать, застал ли новый воевода в феврале 1667 года Чоглокова в живых.

От брака с неизвестной Чоглоков оставил единственного сына Тимофея, который был воеводой в Чернигове в 1675–1676 годах и окольничим при Петре Великом⁸³. Сохранилось одно интересное дело, связанное с воеводством стольника Тимофея Васильевича Чоглокова в Чернигове, с весьма любопытными бытовыми подробностями⁸⁴. О его потомстве мужского пола ничего не известно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование показало, что у обычного служилого человека по отечеству из Торопца, одного из городов на северо-западе страны, находящемся довольно далеко от Москвы, оказались благоприятные стартовые условия для начальной карьеры. Благодаря службе отца на различных воеводских постах в Смутное время и его связям с окружением молодого царя Михаила Романова (прежде всего – с родителями царя) юноша Василий Чоглоков, как и его братья, не только стал жильцом при царском дворе, но и быстро сделал карьеру, получив чин стряпчего, а затем стольника. Однако такое продвижение по службе было типичным для многих московских жильцов, а чин стольника (московского дворянина) являлся вершиной карьеры для большинства представителей Государева двора. Именно хорошие организаторские способности и другие качества этого человека на воеводстве в отдаленных городах Тара и Саратов, а не только наличие общего предка с всеми сильным временщиком при царе Алексее Михайловиче боярином Морозовым, привели к тому, что В. А. Чоглоков стал окольничим и на протяжении многих лет был начальником в пограничном со Швецией Олонецким уезде.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственные актам. СПб., 1902. С. 595.

² Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 66.

³ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов: Друкарь, 1923. С. 235.

⁴ Записные книги Московского стола // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 311.

⁵ Боярская книга 1639 г. / Подгот. текста В. А. Кадика, М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина; Вступит. ст. М. П. Лукичева; Предисл. Н. М. Рогожина. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 1999. С. 44.

- ⁶ Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: В 4 ч. Ч. 4. СПб., 1854. С. 210.
- ⁷ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе родословную книгу, собранную и сочиненную в Разряде при царе Федоре Алексеевиче, и по временам дополняемую, и которая известна под названием Бархатной книги... изданная по самовернейшим спискам: В 2 ч. М.: В Университетской типографии у Н. И. Новикова, 1787. Ч. 1. С. 259.
- ⁸ Типографская летопись // ПСРЛ: В 43 т. Пг., 1921. Т. 24. С. 231.
- ⁹ Родословная книга... Ч. 1. С. 270–275.
- ¹⁰ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х гг. XVI в. / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 101–102.
- ¹¹ Барсуков А. П. Списки городовых воевод... С. 595.
- ¹² Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2004. С. 225, 264, 344.
- ¹³ Тысячная книга... С. 101–102.
- ¹⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, вводн. ст. и ред. В. И. Буганова. М.: Наука, 1966. С. 147, 171, 174, 181, 212, 214.
- ¹⁵ Там же. С. 181, 225, 240, 245.
- ¹⁶ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Рес. АН, Отд-ние истории, Арх. РАН; Сост. С. Б. Веселовский. М.: Наука, 1994. С. 96.
- ¹⁷ Книги разрядные по официальным оных спискам: В 2 т. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). С. 80, 196, 406, 545, 662, 721.
- ¹⁸ Расходная книга Устюжской чети 127 г.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ: В 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 690.
- ¹⁹ Расходная книга Устюжской четверти 1619/20 г. // Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М.: Наука, 1983. С. 146.
- ²⁰ Книги разрядные... Т. 1. Стб. 875.
- ²¹ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии: В 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 510.
- ²² Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Том первый. Акты 1587–1627 гг. / Собрал С. Б. Веселовский. М., 1913. С. 172–192, 222–223.
- ²³ Дворцовые разряды... СПб., 1851. Т. 2. Стб. 848.
- ²⁴ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов: Сб. документов / Сост. Е. Н. Горбатов. М.: Древнерханилище, 2015. С. 42, 127, 205, 288, 368, 419, 479.
- ²⁵ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столицы Печатного приказа) / Под ред. Л. М. Сухотина. М.: Синодальная типография: Изд. Императорского ОИДР при Московском университете, 1915. С. 123.
- ²⁶ Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII / Сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава: Археографический центр, 2009. С. 38, 195, 370, 532.
- ²⁷ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 46, 131, 209, 291, 371, 420.
- ²⁸ Книги разрядные.... СПб., 1855. Т. 2. Стб. 77, 183, 280, 346.
- ²⁹ Акты Московского государства, изданные Академией Наук. Разрядный приказ. Московский стол / Под ред. Н. А. Попова: В 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). № 580. С. 543; № 677. С. 623; № 687. С. 629.
- ³⁰ Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / Публ. А. Н. Зерцалов // РИБ: В 39 т. Т. 15. СПб., 1894. С. 154.
- ³¹ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 100, 503, 524.
- ³² Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях / Сост. статский советник Иванов. М.: В типографии С. Селивановского, 1853. С. 461–462.
- ³³ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 388, 437, 497, 520.
- ³⁴ Документы разбора столичников патриарха Филарета (1633–1634 гг.): Смотренные списки столичников патриарха Филарета, бывших у разбора. Ноябрь 1633 – январь 1634 г. / Публ. Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия: Научный альманах / Гл. ред. А. В. Матисон. Выпуск второй. М.: Старая Басманская, 2017. С. 32.
- ³⁵ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 33.
- ³⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 462.
- ³⁷ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 114, 192, 269, 344, 454.
- ³⁸ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 462.
- ³⁹ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 276, 348, 457.
- ⁴⁰ Боярская книга 1658 года / Отв. ред. Н. М. Рогожин; Подгот. текста В. А. Кадик. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 159.
- ⁴¹ Кормленая книга Костромской чети... С. 38, 154.
- ⁴² «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов... С. 35, 108, 186, 263, 336.
- ⁴³ Дворцовые разряды... СПб., 1851. Т. 2. Стб. 438.
- ⁴⁴ Записные книги Московского стола // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 93.
- ⁴⁵ Переписная книга г. Москвы 1638 г. М., 1881. С. 88–89.

- ⁴⁶ Записные книги Московского стола... С. 133.
- ⁴⁷ Дворцовые разряды... Т. 2. Стб. 602.
- ⁴⁸ Русско-монгольские отношения. 1636–1654: Сб. документов / Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук; Отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М., 1974. С. 224, 237, 299, 309, 310, 451.
- ⁴⁹ Разрядная книга 1637–38 годов / Отв. ред. В. И. Буганов. М.: Институт истории АН СССР, 1983. С. 126–127; Книги разрядные.... СПб., 1855. Т. 2. Стб. 829.
- ⁵⁰ Дворцовые разряды... Стб. 689, 708.
- ⁵¹ Русско-монгольские отношения... С. 451.
- ⁵² Барсуков А. П. Списки городовых воевод... С. 254.
- ⁵³ Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года / Публ. Г. В. Жаринова // Архив русской истории. Вып. 8. М.: Древнехранилище, 2007. С. 394.
- ⁵⁴ Временник имп. Московского общества истории и древностей Российских. М., 1850. Кн. 7. Смесь. Разд. 2. Материалы. С. 47–57 («челобитная» князя М. А. Волконского, 1687/88 г.). С. 47–57; Волконская Е. Г. Род князей Волконских: [Материалы, собр. и обраб. кн. Е. Г. Волконской]: С портр. авт., снимком с родословной 1686 г. и гербом рода. СПб., 1900. С. 668, 669.
- ⁵⁵ Волконская Е. Г. Род князей Волконских... С. 668, 669.
- ⁵⁶ Боярская книга 1639 г... С. 44.
- ⁵⁷ Гераклитов А. А. История Саратовского края... С. 184–189.
- ⁵⁸ Полиевктов М. А. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615–1640 (Посольства: Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Волконского) / Документы к печати подготовил и предисловием снабдил М. Полиевктов. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1937. С. 227–346.
- ⁵⁹ Записные книги Московского стола... С. 255.
- ⁶⁰ Дворцовые разряды... СПб., 1852. Т. 3. Стб. 145.
- ⁶¹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией: В 12 т. СПб., 1848. Т. 3. № 67. Стб. 243–249.
- ⁶² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: В 5 т. СПб., 1842. Т. 4. № 38. С. 128; № 39. С. 129.
- ⁶³ Акты исторические. Т. 4. № 43. С. 146–147.
- ⁶⁴ Там же. № 51. С. 155–156.
- ⁶⁵ Дополнения к актам историческим. Т. 3. № 82. Стб. 293–297.
- ⁶⁶ Там же. № 64. Стб. 228–231.
- ⁶⁷ Дополнения к 3 т. Дворцовых разрядов. СПб., 1854. Стб. 63.
- ⁶⁸ Дополнения к 3 т. Дворцовых разрядов. Стб. 81–83; Сборник Муханова. Изд. II. СПб., 1866. С. 483.
- ⁶⁹ Акты Московского государства / Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1894. Т. 2 (1635–1659). № 933. С. 554; № 934. С. 554; № 936. С. 555.
- ⁷⁰ Дополнения к 3 т. Дворцовых разрядов. Стб. 87.
- ⁷¹ Там же. Стб. 88, 94.
- ⁷² Дополнения к актам историческим. СПб., 1857. Т. 6. № 56. С. 228–231.
- ⁷³ Дополнения к актам историческим. СПб., 1851. Т. 4. № 146. С. 389–397.
- ⁷⁴ Акты Московского государства / Под. ред. Д. Я. Самоквасова. СПб., 1901. Т. 3 (1660–1664). № 85. С. 83–84; № 88. С. 86–88; № 92. С. 92.
- ⁷⁵ Дополнения к 3 т. Дворцовых разрядов. Стб. 230, 236, 243, 254.
- ⁷⁶ Там же. Стб. 255.
- ⁷⁷ Там же. Стб. 274, 297–298, 314–315, 336.
- ⁷⁸ Там же. Стб. 343, 344.
- ⁷⁹ Акты Московского государства. Т. 3 (1660–1664). № 605. С. 507.
- ⁸⁰ Дворцовые разряды... СПб., 1852. Т. 3. Стб. 547; Дополнения к 3 т. Дворцовых разрядов. Стб. 366, 367, 375, 376.
- ⁸¹ Дополнения к 3 т. Дворцовых разрядов. Стб. 389.
- ⁸² Дополнения к актам историческим. СПб., 1857. Т. 6. № 56. С. 228–231.
- ⁸³ Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: В 4 ч. Ч. 4. СПб., 1854. С. 213.
- ⁸⁴ Дело о черниговке Анне Кусовой, похищенной черниговским воеводой Чоглоковым, искающей помоши у Дорошенка и после производства дела переданной ему для отправления на ее родину. 1677, июля – августа // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: В 15 т. СПб., 1884. Т. 13 (1677–1678). № 54. Стб. 217–222.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. / АН СССР, Отд-ние истории, Архив АН СССР. М.: Наука, 1975. 607 с.
2. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. В. Новгород: Нов ГУ им. Ярослава Мудрого, 2003. 256 с.
3. Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М.: Квадрига, 2018. 540 с.

4. Победимова Г. А. Писцовые материалы Деревской пятини как источник по генеалогии служилого сословия // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIV. Л., 1983. С. 59–74.
5. Поклебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. IX–XX вв. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Кн. 1: Европа и Америка: Справочник. М.: Междунар. отношения, 1995. 781 с.
6. Пудалов Б. М. Родословные сказки Болтиных // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение: Сб. ст. к юбилею д. и. н. В. В. Митрофанова. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. С. 92–111.
7. Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М.: Археографический центр, 1994. 272 с.

Поступила в редакцию 25.12.2020; принята к публикации 22.03.2021

Original article

Yakov N. Rabinovich, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Saratov State University (Saratov, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6204-125X; *RabinovichYN@yandex.ru*

OKOLNICHY VASILY ALEKSANDROVICH CHOGLOKOV: PAGES OF BIOGRAPHY

A b s t r a c t. The article is the first of its kind to present a detailed biography of the Governor of Tara, Saratov and Olonets Vasily Aleksandrovich Choglokov, one of the representatives of the Russian ruling elite in early modern period. Earlier historiographical sources contain only the biographical accounts of his life in Olonets. The author uses a large number of published documents to trace the life and career milestones of this state servant, originally from the town of Toropets. In the Time of Troubles, he as a boyar received a quarter of all the tributes taken from the people of the Kostroma quarter of the Russian state and later became a Moscow tenant at the court of Mikhail Romanov. Then we see him as a solicitor, a steward, and a Moscow nobleman. At the pinnacle of his career, Choglokov was a member of the Boyar Duma in the rank of an okolnichy. Studying Choglokov's biography helps to shed light on little-known pages of the country's history related to the organization of state government, civil administration and military command systems in the border uyezds.

Key words: Choglokovs, genealogy, Tara, Saratov, Olonets, voevodeship administration, Russo-Swedish War of 1656–1658, Russia-East relations

Acknowledgments. The author expresses his deep gratitude to M. Yu. Romanov for his valuable advice and providing a number of documents used in this research work.

For citation: Rabinovich, Ya. N. Okolnichy Vasily Aleksandrovich Choglokov: pages of biography. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):47–58. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.617

REFERENCES

1. Veselovsky, S. B. Clerks and clerk assistants between the XV and the XVII centuries. Moscow, 1975. 607 p. (In Russ.)
2. Zhukov, A. Yu. Administration and self-government in Karelia in the XVII century. Velikiy Novgorod, 2003. 256 p. (In Russ.)
3. Kozlyakov, V. N. State servants of Russia between the XVI and the XVII centuries. Moscow, 2018. 540 p. (In Russ.)
4. Pobedimova, G. A. Scribe books materials of the Derevskaya fifth as a source for studying the genealogy of the service class. *Supporting historical disciplines*. Leningrad, 1983. Vol. XIV. P. 59–74. (In Russ.)
5. Poklebkin, V. V. Foreign policies of Rus, Russia and the USSR over 1000 years in names, dates, and facts (IX–XX centuries). Issue 2. Wars and peace treaties. Book 1: Europe and America: Directory. Moscow, 1995. 781 p. (In Russ.)
6. Pudalov, B. M. Family trees of the Boltin family. *Historiography. Source studies. Historical study of local lore: Collection of articles commemorating the anniversary of Doctor of Historical Sciences V. V. Mitrofanov*. Nizhnevartovsk, 2017. P. 92–111. (In Russ.)
7. Eskin, Yu. M. Localism in Russia between the XVI and the XVII centuries. Chronological register. Moscow, 1994. 272 p. (In Russ.)

Received: 25 December, 2020; accepted: 22 March, 2021

ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЧАПЛЫГИНА

аспирант кафедры истории и права Социально-гуманитарного института

Мурманский арктический государственный университет
(Мурманск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0396-015X; daria.beattis@mail.ru

ДЕМОГРАФИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО УЕЗДА ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕДОМОСТИ 1764 ГОДА

Аннотация. Проблема, вынесенная в заглавие статьи, находится в рамках актуального историографического направления – исторической демографии России. Исследование статистических источников позволяет выявить численность и структуру населения, расселение, брачно-семейные отношения, возраст, региональные особенности демографического развития. Новизна исследования связана с отсутствием в историографии специальных работ по демографии Кольского уезда в XVI–XVIII веках – окраины Русского Севера с полигиничным составом населения. Объектом исследования является статистическая ведомость 1764 года, составленная по распоряжению архангелогородского губернатора Е. А. Головцына. Ведомость охватывает все поселения Кольского уезда, независимо от их этнического состава (русского, саамского, карельского), и включает данные о дворах и составе семей, проживающих в них, хозяйстве и занятиях. Исследование позволило прийти к следующим выводам: ведомость фиксирует рост численности русского населения (мужчин) уезда по сравнению с данными первой ревизии 1719 года; состав двора был представлен преимущественно одной семьей; преобладающим типом семьи были семьи прямого родства, включающие два поколения родственников. В последующем изучение демографического развития саамов и карел позволит сопоставить имеющиеся результаты и выявить особенности состава населения Кольского уезда во второй половине XVIII века.

Ключевые слова: Кольский уезд, губернатор Е. А. Головцын, демография, поморы, двор, семья

Для цитирования: Чаплыгина Д. А. Демография русского населения Кольского уезда по материалам ведомости 1764 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 59–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.618

ВВЕДЕНИЕ

Демографические процессы Русского Севера XVI–XVIII веков относятся к числу актуальных научных проблем отечественной историографии. К ним неоднократно обращались историки второй половины XIX – начала XX века, рассматривая такие вопросы, как состав крестьянской семьи и брачно-семейные отношения, семейное распоряжение собственностью и ряд других. При этом вопросы исторической демографии не находились в центре внимания ученых. Исключение составляет работа П. И. Иванова, в которой, помимо проблемы крестьянского землевладения, были рассмотрены численность крестьянского двора и типы семей Русского Севера во второй половине XVII века [7]. Традиции исторической демографии Русского Севера были продолжены и в советский период. Особое внимание уделялось следующим направлениям: изменение социального и профессионального состава на-

селения, размещение и расселение сельских жителей, миграция населения, исторические процессы воспроизводства населения, типология и эволюция семьи, формы брака и брачный возраст, женский и детский труд, взаимоотношения супружеских пар, родителей и детей. На современном этапе историографии исследователи делают акценты также на проявлениях повседневной жизни крестьян в доме и сельском мире. Н. А. Горская в своих работах подвела итог накопленным достижениям в области исторической демографии России. Для эпохи феодализма характеризованы динамика численности населения, его состав, плотность, миграция населения, а также процессы воспроизводства населения и законы демографического развития, история демографической политики [4: 165–202], [5].

Демографические процессы в отдельных районах Русского Севера остаются еще не изученными. К ним относится Кольский уезд – территориально-административная единица XVII – первой

половины XIX века, чьи границы во многом совпадали с границами Кольского полуострова. Вопрос о демографии Кольского уезда специально не ставился. Исключением являются отдельные работы И. Ф. Ушакова, С. А. Никонова и М. Г. Кучинского [13], [14], [15], [16], [17].

* * *

Объектом исследования является статистическая ведомость Кольского уезда 1764 года. В это время уезд находился в составе Двинской провинции Архангелогородской губернии, а с 1780 года отошел к Архангельской области Вологодского наместничества. Еще в 1775 году территория Кольского уезда изменилась: Северная Карелия отошла к Кемскому уезду, а Терский берег был полностью присоединен к Кольскому [16: 180–181]. Состав населения в этническом плане был разнообразным: русские (поморы), саамы, карелы.

Центром Кольского уезда являлся Кольский острог, в котором проживали как тяглые посадские люди, так и военнослужащие (ведомость 1764 года учитывает только гражданское население). Значительную часть населения уезда составляли крестьяне южных поморских волостей: Княжой Губы, Портьей Губы, Кандалакши, Керети, Ковды, села Поной. Все эти волости, за исключением Керети, состояли из одного населенного пункта. На территории Кольского полуострова проживали саамы (Екостровский, Масельский, Бабенский, Орьезерский, Ловозерский, Воронежский, Пяозерский, Семиостровский, Сонгельский, Нотозерский, Кильдинский, Пазрецкий, Печенгский, Нявдемский, Мотовский погосты, Терской лопи пять погостов). Карелы проживали в западной части уезда (Пяозерское присутствие).

Для XVIII – первой половины XIX века одним из основных источников в изучении демографических процессов являются ревизские сказки, но по сравнению с анализируемым ниже источником они не позволяют более глубоко исследовать проблему исторической динамики численности населения [8]. В настоящей статье для изучения структурного, численного и поколенного состава крестьянских семей поморских волостей нами использована ведомость 1764 года, составленная по распоряжению архангелогородского губернатора Е. А. Головцина.

В историографии последних лет деятельность губернатора Егора Андреевича Головцина (1763–1780) вызывает интерес, связанный с тем, что им в 1760-е годы был выдвинут ряд проектов о перспективах развития китобойного промысла и освоения Шпицбергена, организации государ-

ственной компании для промыслового освоения Белого и Баренцева морей, колонизации побережья Баренцева моря – Мурманского берега [6: 42, 287–291], [9], [15: 356–360]. Все эти проекты свидетельствуют о желании губернской власти выяснить социально-экономический потенциал Кольского уезда – окраинной территории, хозяйственное благосостояние которой основывалось на разнообразных промыслах.

Рукопись ведомости Кольского уезда 1764 года была выявлена в Государственном архиве Архангельской области С. А. Никоновым (ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 1–233) [14], [15: 69–70]. Исследователь дал археографическую характеристику источника, а также отметил сравнительно сжатый срок составления ведомости, ограниченный декабрем 1764 года. В ведомость включены статистические описания 28 русских поселений и 21 саамского погоста. Для каждого селения была составлена отдельная ведомость, все они объединены в одну рукопись. Описания представлены в табличной форме (8 граф) и содержат данные о составе двора (для русских и карел) и вежи (для саамов), состоянии хозяйства и основных занятиях. В конце описания каждого поселения (волости и погоста, города Колы) имеется раздел «А сверх того, объявляем нижеследующее», содержащий сведения по трем пунктам: наличие промыслов, сверх указанных в ведомости, физико-географические особенности местности, меры, необходимые для развития промыслов.

Возвращаясь к проблеме нашей статьи, отметим, что в ведомости используются такие учетные единицы, как двор и семья. Состав двора не всегда равен одной семье, включая порою несколько семей, которые могли и не быть родственными друг другу. Для характеристики внутрисемейных отношений составители ведомости используют многообразную терминологию рода, включающую понятия для родственников (дед, отец, мать, сын, дочь, внук, внучка, брат/двоюродный, сестра, дядя, тетка, племянник/-ица) и свойственников (пасынок, теща, невестка).

По данным ведомости, в русских поселениях проживало 1458 человек: 719 мужчин и 739 женщин (табл. 1). 4,2 % мужчин и 4,3 % женщин относятся к бездворовому населению. Из материалов ведомости следует, что бездворовые лица и семьи на момент составления ведомости отсутствовали на месте или жили у односельчан. В среднем на двор приходилось 6,1 человека. Это число соответствует данным, полученным отечественными учеными при изучении численности крестьянского двора в различных уездах Русского Севера в конце XVII века [3: 127–128], [10: 189–190], [11: 201–223], [12: 117].

Таблица 1. Численность русского населения Кольского уезда
Table 1. Size of the Russian population of the Kola uyezd

Поселение	Дворов	Во дворах		Без дворов		Всего людей	
		мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Княжая Губа	8	30	38	-	-	30	38
Поря Губа	13	41	39	2	3	43	42
Кандалакша	47	132	140	10	8	142	148
Ковда	22	70	75	7	6	77	81
Кереть	125	351	354	-	-	351	354
Кольский посад	14	44	43	7	6	51	49
Поной	7	21	18	4	9	25	27
Итого	236	689	707	30	32	719	739

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 44–49 об.–50, 50–55 об.–56, 56–71 об.–72, 84–92 об.–93, 135–208 об.–209, 225–233 об.–234.

Отсутствие в историографии целостных исследований демографии Кольского уезда XVI – первой половины XVIII века не позволяет сопоставить полученные нами общие данные о русском населении с более ранними. И. Ф. Ушаковым приведены итоговые подсчеты мужского населения русских поселений уезда по материалам первой ревизии 1722 года без учета Колы. Всего в уезде насчитывалось 430 душ мужского

пола [16: 76]. Ко второй половине XVIII века, таким образом, численность мужчин в уезде возросла на 55 %.

Половозрастной состав русского населения Кольского уезда представлен в табл. 2. Из приведенных в ней материалов следует, что возрастная группа до 14 лет составляла 33 % (мальчиков 34,8 %, девочек 31 %). Трудоспособное население от 15 до 59 лет составляло 744 человека. Гендерный состав был следующим: от 15 до 24 лет мужчин было 23,2 %, женщин – 19,5 %; от 25 до 49 лет – мужчин 26,8 %, женщин – 32,5 %; от 50 до 59 лет – мужчин 8,5 %, женщин – 8 %. Численность детей в крестьянских семьях редко превышала семь человек. Наиболее характерны семьи, имеющие одного-трех детей.

Материалы ведомости позволяют говорить, что во второй половине XVIII века в Кольском уезде крестьянский двор представлял собой, как правило, родственный коллектив. В большинстве дворов русских поселений проживала одна семья. Доля дворов с двумя-тремя семьями не превышала трети от общего количества. Только для Кандалакши и Керети известны примеры, когда двор «делился» между четырьмя-шестью семьями. Количество таких случаев невелико (менее 2 %), что говорит об этом явлении, скорее, как исключении (табл. 3).

Таблица 2. Половозрастной состав русского населения Кольского уезда (по данным ведомости 1764 года)
Table 2. Age and gender composition of the Russian population of the Kola uyezd (according to the 1764 register)

Возрастная группа	Княжая Губа		Поря Губа		Кандалакша		Ковда		Кереть		Кола		Поной		Всего		
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
0–14	12	40	15	39,5	16	37	18	42,9	44	31	32	21,6	36	46,8	31	38,3	111
15–24	5	16,6	7	18,4	11	26	4	9,5	37	26	26	17,6	10	12,9	11	13,6	89
25–49	12	40	11	29	10	23	14	33,3	32	22,5	49	33,1	22	28,6	22	27,2	96
50–59	-	-	1	2,6	1	2	2	4,8	18	12,7	22	14,9	4	5,2	5	6,1	31
От 60	1	3,4	4	10,5	5	12	4	9,5	11	7,8	19	12,8	5	6,5	12	14,8	24
Итого	30	100	38	100	43	100	42	100	142	100	148	100	77	100	81	100	351
																	100

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 44–49 об.–50, 50–55 об.–56, 56–71 об.–72, 84–92 об.–93, 135–208 об.–209, 225–233 об.–234.

Таблица 3. Количество семей во дворах русского населения Кольского уезда (по данным ведомости 1764 года)

Table 3. Number of families in the Russian households of the Kola uyezd (according to the 1764 register)

Семей во дворе	Княжая Губа		Поря Губа		Кандалакша		Ковда		Кереть		Кола		Поной		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Одна	2	25	11	78,6	25	53,1	13	59	85	66,4	8	57	4	57,1	148	62
Две	6	75	3	21,4	15	32	5	23	37	29	4	29	2	28,6	72	30
Три	-	-	-	-	-	-	4	13	4	3,2	2	14	1	14,3	18	7,4
Четыре	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,7	-	-	-	-	1	0,3
Шесть	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,7	-	-	-	-	1	0,3
Итого	8	100	14	100	47	100	22	100	128	100	14	100	7	100	240	100

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 44–49 об.–50, 50–55 об.–56, 56–71 об.–72, 84–92 об.–93, 135–208 об.–209, 225–233 об.–234.

При анализе семей по типу родства мы ориентировались на общепринятою в науке классификацию семей по родственно-структурным типам – семьи прямого родства и братские семьи. Из табл. 4 следует, что во второй половине XVIII века семьи прямого родства составляли 87,3 %, а братские семьи – 12,7 % от общего количества семей. Количество братьев в братских семьях не превышало четырех. Преобладание семей прямого родства подтверждает выводы отечественных ученых о незначительной доле братских и сложных семей в крестьянской среде Русского Севера [1: 10–11], [2: 59], [12: 72–73].

Таблица 4. Состав семьи по виду родства
Table 4. Family composition by kinship type

Волость	Семей прямого родства	Братских семей	Всего семей	Соотношение в %	
				прямого	братьеских
Княжая Губа	5	5	10	50	50
Порья Губа	9	5	14	64,3	35,7
Кандалакша	43	14	57	75,4	24,6
Ковда	35	0	35	100	0
Кереть	166	11	177	93,8	6,2
Кольский посад	12	5	17	70,6	29,4
Поной	13	1	14	93	7

Примечание. Подсчитано по: ГААО. Ф. 51. Оп. 4. Т. 1. Д. 217. Л. 44–49 об.–50, 50–55 об.–56, 56–71 об.–72, 84–92 об.–93, 135–208 об.–209, 225–233 об.–234.

Для более полного представления о структуре крестьянской семьи необходимо рассмотреть также ее поколенный состав. При обработке материалов отсчет поколений велся от старших, еще живущих членов семьи. Наиболее распространены были семьи одного и двух поколений – их 92 %. Преобладали среди них двухпоколенные семьи – 62 %, где, в свою очередь, выделялись

семьи прямого родства, а именно супруги с малолетними детьми. Трехпоколенные семьи составляли лишь 6 %, а четырехпоколенные вообще отсутствовали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение ведомости 1764 года для изучения демографического развития Кольского уезда заключается в том, что, в отличие от других видов источников, привлекаемых к решению проблемы, еюдается максимально подробная информация о составе населения. Так, благодаря ведомости можно выяснить не только численность мужского и женского населения, но и поло-возрастной состав, родственные и внутрисемейные отношения, типы семейных объединений. Сопоставление численности мужского населения по данным первой ревизии и ведомости 1764 года дает основание говорить о росте населения. Не касаясь вопроса о причинах, обусловивших этот процесс, отметим, что одной из них было восстановление нормального течения жизни уезда в период после петровских реформ.

Основную единицу описания ведомости 1764 года составляет двор, равнозначный понятию «домохозяйство». Состав двора был представлен в большинстве случаев одной семьей. Дворы, включавшие две и более семей, не составляли значительной доли в русских поселениях Кольского уезда. Преобладающим типом семьи была семья прямого родства, включавшая два поколения родственников. Доля братских и сложных семей не превышала 13 %. Таким образом, сформировавшаяся несколькими столетиями ранее тенденция преобладания «классической» отцовской семьи сохраняется и во второй половине XVIII века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / Ю. С. Васильев, А. Я. Дегтярев, А. И. Копанев и др. Л.: Наука, 1978. 221 с.
2. Аграрная история Северо-Запада России XVII века: (население, землевладение, землепользование) / А. Л. Шapiro, В. М. Воробьев, А. Я. Дегтярев и др.; АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленинград. отд-ние, ЛГУ. Л.: Наука, 1989. 231 с.
3. Водарский Я. Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населения двора в России в XVI–XVII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 117–130.
4. Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма: (Итоги и пробл. изуч.) / АН, Инт-рос. истории. М.: Наука, 1994. 213 с.
5. Горская Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века М.: Памятник исторической мысли, 2006. 360 с.
6. Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII – нач. XIX в.: Исследование. Документы / М. М. Дадыкина, А. В. Крайковский, Ю. А. Лайус; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Центр исторических исследований, Лаборатория экологической и технологической истории. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. 504 с.

7. Иванов П. И. Поземельные союзы и переделы на севере России в XVII веке у свободных и владельческих крестьян. М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1901. 151 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/437796> (дата обращения 05.12.2020).
8. Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1990. 254 с.
9. Ковалчук А. В. Об экономической свободе, северных морских промыслах и архангелогородском губернаторе Е. А. Головцыне (1760–1770-е гг.) // Образы аграрной России IX–XVIII вв.: Сб. ст. М., 2013. С. 239–241.
10. Колесников П. А. К истории населенных пунктов и движения сельского населения Европейского Севера в XVII–XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 год. Таллин, 1971. С. 179–192.
11. Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века: К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве / Вологод. гос. пед. ин-т. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Волог. отд-ние, 1976. 416 с.
12. Конанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. / Под ред. Н. Е. Носова. Л.: Наука, 1984. 244 с.
13. Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв.: модель социальной структуры. Каутокино: Саам. высш. шк., 2008. 261 с.
14. Никонов С. А. Морское прибрежное хозяйство саамов Кольского уезда во второй половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековые и Новое время. Выпуск 5: Пятьте чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: Материалы к междунар. науч. конф. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М., 2017. С. 327–334.
15. Никонов С. А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2020. 496 с. DOI: 10.31754/nestor4469-1771-6.
16. Ушаков И. Ф. Избранные произведения: историко-краеведческие исследования. Т. 1. Кольская земля. Мурманск: Кн. изд-во, 1998. 350 с.
17. Ушаков И. Ф. Краеведческий материал по истории для школ Мурманской области. Часть II, вып. I. Кольский край в конце XVI – первой четверти XVIII вв. Мурманск: Кн. изд-во, 1965. 87 с.

Поступила в редакцию: 25.12.2020; принята к публикации: 22.03.2021

Original article

Daria A. Chaplygina, Postgraduate Student,
Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-0396-015X; dariabeattis@mail.ru

DEMOGRAPHICS OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE KOLA UYEZD ACCORDING TO THE 1764 REGISTER

A b s t r a c t. The problem presented in the title of the article lies within the framework of the current historiographical trend – the historical demography of Russia. The study of statistical sources makes it possible to reveal the size and structure of the population, its dissemination, marriage and family relations, age, and some regional features of demographic development. The novelty of the research is associated with the fact that historiography lacks special studies on the demography of the Kola uyezd – the outskirts of the Russian North with the multiethnic population – between the XVI and the XVIII centuries. The object of the research was the statistical register of 1764, compiled by order of the Arkhangelsk Governor E. A. Golovtsov. The register covers all the settlements of the Kola uyezd, regardless of their ethnic composition (Russian, Sami or Karelian), and includes data on the households, the composition of families inhabiting them, their economy, occupations and activities. The study resulted in the following conclusions: the register recorded the growth of the Russian population (the number of men) in the uyezd in comparison with the data of the first census revision of 1719; most of the households were represented by one family, with a direct kinship family including two generations of relatives being the predominant family type. Subsequently, the study of the demographic development of the Sami and Karelians will make it possible to compare the available results and to reveal the peculiarities of the population composition of the Kola uyezd in the second half of the XVIII century.

K e y w o r d s: Kola uyezd, Governor E. A. Golovtsov, demography, Pomors, household, family

F o r c i t a t i o n: Chaplygina, D. A. Demographics of the Russian population of the Kola uyezd according to the 1764 register. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):59–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.618

REFERENCES

1. Agrarian history of the northwestern Russia in the XVI century. North. Pskov. General results of the North-West development. (Yu. S. Vasil'ev, A. Ya. Degtyarev, A. I. Kopanov et al.). Leningrad, 1978. 221 p. (In Russ.)

2. Agrarian history of the northwestern Russia in the XVII century: (population, land tenure, land use). (A. L. Shapiro, V. M. Vorob'ev, A. Ya. Degtyarev et al.). Leningrad, 1989. 231 p. (In Russ.)
3. Vodarskiy, Ya. E. The average size of a peasant family and household population in Russia in the XVI and the XVII centuries. *Issues of household and population history of Russia in the XVII century*. Moscow, 1974. P. 117–130. (In Russ.)
4. Gorskaya, N. A. Historical demography of Russia in the era of feudalism. Moscow, 1994. 213 p. (In Russ.)
5. Gorskaya, N. A. Russian feudal village in the XX century historiography. Moscow, 2006. 360 p. (In Russ.)
6. The Pomors' traditional occupations and activities on Svalbard in the XVIII and the early XIX centuries: Research and documents. (M. M. Dadykina, A. V. Kraykovskiy, Yu. A. Layus). Moscow, St. Petersburg, 2017. 504 p. (In Russ.)
7. Ivanov, P. I. Land unions and redistributions in the north of Russia in the XVII century among free and proprietary peasants. Moscow, 1901. 151 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/437796> (accessed 05.12.2020).
8. Kabuzan, V. M. Peoples of Russia in the XVIII century: Size and ethnic composition. Moscow, 1990. 254 p. (In Russ.)
9. Koval'chuk, A. V. Economic freedom, northern marine industries, and the Governor of Arkhangelsk E. A. Golovtsyn (1760–1770s). *Images of agrarian Russia between the IX and the XIX centuries*. Moscow, 2013. P. 239–241. (In Russ.)
10. Kolesnikov, P. A. The history of settlements and the movement of the rural population of the European North between the XVII and the XIX centuries. *Yearly almanac on the agrarian history of Eastern Europe (1966)*. Tallin, 1971. P. 179–192. (In Russ.)
11. Kolesnikov, P. A. Northern villages between the XV and the first half of the XIX centuries. Vologda, 1976. 416 p. (In Russ.)
12. Kopanov, A. I. Peasants of the Russian North in the XVII century. Leningrad, 1984. 244 p. (In Russ.)
13. Kuchinskiy, M. G. The Sami of the Kola uyezd between the XVI and the XVIII centuries: social structure model. Kautokeino, 2008. 261 p. (In Russ.)
14. Nikonov, S. A. Marine coastal economy of the Sami of the Kola uyezd during the second half of the XVIII century. *Rus, Russia: the Middle Ages and early modern period. Issue 5: The Fifth Readings in Memory of Academician L.V. Milova: Proceedings of the international research conference*. Moscow, November 9–10, 2017. Moscow, 2017. P. 327–334. (In Russ.)
15. Nikonov, S. A. “He who never sailed the sea, never truly prayed to God”: Commercial colonization of the Murmansk coast and Novaya Zemlya by the Pomor peasants and monasteries between the XVI and the XVIII centuries. Moscow; St. Petersburg, 2020. 496 p. DOI: 10.31754/nestor4469-1771-6. (In Russ.)
16. Ushakov, I. F. Selected works on historical and regional studies. Vol. 1. Kola land. Murmansk, 1998. 350 p. (In Russ.)
17. Ushakov, I. F. Local history materials for schools of the Murmansk region. Part 1, Issue 1. Kola region between the late XVI and the first quarter of the XVIII centuries. Murmansk, 1965. 86 p. (In Russ.)

Received: 25 December, 2020; accepted: 22 March, 2021

АЛЕКСЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ЛЕВКОЕВ

кандидат исторических наук, независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

lea1991@mail.ru

«ФИНСКИЙ ФАКТОР» В СТАНОВЛЕНИИ КАРЕЛЬСКОЙ АВТОНОМИИ

Аннотация. В начале июня 1920 года по инициативе известного красного финна Эдварда Гюллинга, поддержанной высшим руководством Советского государства, в составе РСФСР из населенных карелами приграничных с Финляндией местностей Олонецкой и Архангельской губерний была образована Карельская трудовая коммуна (КТК), просуществовавшая до конца июля 1923 года. Несмотря на высокую степень изученности этого этапа карельской автономии, характеризуемого в историографии как этап ее становления, ряд важных вопросов требует уточнений и дополнений, а также, пожалуй, известного смещения акцентов. Один из таких затронутых в настоящей статье вопросов имеет отношение к целям, которые преследовал Гюллинг и его соратники, участвуя в создании и управлении КТК. Другие – к альтернативным вариантам карельской автономии и связанный с этим борьбы за власть между красными финнами и представителями местной, главным образом олонецкой по своему происхождению, советской и партийной бюрократии.

Ключевые слова: «финский фактор», красные финны, карельская автономия, Карельская трудовая коммуна, Гюллинг, Куджиев

Для цитирования: Левкоев А. А. «Финский фактор» в становлении карельской автономии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 65–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.619

9 июня 1920 года в центральной советской газете «Известия» от имени ВЦИК было опубликовано, без указания даты принятия, постановление об образовании в «населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний в порядке статьи 11 конституции» РСФСР «областного объединения» – Карельской трудовой коммуны (КТК). Целью образования провозглашалось «укрепление борьбы за социальное освобождение трудящихся Карелии». Незамедлительной подготовкой съезда Советов КТК для «определения организации» органов ее власти предстояло заняться «Комитету» (революционному комитету – ревкому) в составе «Эдуарда Кюллинга» (Эдварда Гюллинга), «Яко-ва Мякки» (Яакко Мяки) и Василия Куджиева¹.

Принципиальной основой решения по КТК являлось так называемое «Предложение о Карельской коммуне», несколькими месяцами ранее, как принято считать, отправленное из Стокгольма в Москву на рассмотрение высшего руководства Советской России членом Стокгольмского бюро финляндской компартии (КПФ) и Северного бюро (Скандинавской комиссии) Коминтерна Гюллингом. Документ определял две основные взаимосвязанные цели. Одна из них – непосредственная – заключалась в предотвращении возможного отделения от Советской России и последующего вероятного вхождения в состав

Финляндии не только отдельно взятых приграничных, «населенных карелами», но и соседних вепсских, русских и саамских «местностей» Олонецкой и Архангельской губерний по линии: Ладожское озеро – р. Свирь – Онежское озеро – Белое море, включая Кольский полуостров (так называемая «естественная» граница). Другая, рассчитанная не менее чем на перспективу реванша за поражение финляндской революции 1918 года, предполагала развитие Карельской коммуны под руководством финских коммунистов в качестве своего рода «краснофинского» квазигосударства [2: 257–259], [10: 170–171], [16: 347–349].

Относительный успех в достижении непосредственной цели образования КТК зафиксировал подписанный 14 октября 1920 года советско-финляндский Тартуский мирный договор. Фактор коммуны повлиял на то, что финляндская делегация в самом начале четырехмесячных переговоров воздержалась от выдвижения претензий на выше указанную «естественную» границу, в конце концов отказалась от требования провести под международным контролем в приграничных «карельских местностях» двух губерний голосование за или против присоединения к одной из двух республик, а также согласилась «возвратить» Советской России в течение 45 суток Ребольскую и Поросозерскую волости, которые включались в состав «Восточно-Карельской

автономной области, образованной карельским населением Архангельской и Олонецкой губерний и имеющей право национального самоопределения». Две ребольско-поросозерские статьи (10 и 11) в сочетании с дипломатическим ребрендингом июньского постановления о КТК и ряда принятых в Петрозаводске и Москве в его развитие летом – осенью 1920 года иных постановлений, резолюций и возваний связали с договором два согласованных сторонами протокольных заявления советской делегации, в подготовке которых мог, по крайней мере косвенно, участвовать Гюллинг, – о самоуправлении «Восточно-Карельской автономной области» и относительно «Репола и Поросозера». Финляндская делегация категорически возражала против названия «Карельская трудовая коммуна» и не признавала таковую релевантной формой национального самоопределения «восточных карел» [8: 314–444], [11: 119–142], [12: 280–314], [14: 45], [15: 328–370].

К моменту заключения Тартуского мирного договора КТК, согласно классификации наркома по делам национальностей И. Сталина в опубликованной 10 октября 1920 года газетой «Правда» статье «Политика советской власти по национальному вопросу в России», относилась к категории «узких административных автономий». Перефразируя одно существенное наблюдение автора, «некоторые товарищи» не только в Архангельске и Петрозаводске, но и в Петрограде и Москве видели в КТК «временное, хотя и необходимое зло, которое нельзя было не допустить ввиду некоторых обстоятельств, но с которым нужно бороться, чтобы со временем устранить его»².

Для Архангельска появление КТК оказалось действительно временным и сравнительно небольшим «злом». Все свелось к переподчинению основной части «заморского» Кемского уезда, соединенного недавно построенной Мурманской железной дорогой с Петрозаводском и Петроградом. С апреля 1920 года этот уезд находился в зоне агитационной деятельности возглавляемого Мяки Карело-Мурманского отделения Центрального бюро финских организаций (ЦБФО) РКП(б), а в мае – июне 1920 года карельские волости уезда были заняты финским 6-м полком РККА, разгромившим здесь так называемую «Ухтинскую республику». Уездный город Кемь успел побывать временным местом пребывания ревкома коммуны и рассматривался в качестве ее административного центра. Расчеты на присоединение к КТК соседнего Александровского уезда (Кольский полуостров) или его части не оправдались [7: 35], [10: 176–178], [13: 91].

Олонецкая губерния уже через месяц после «разрешенного» ее губисполкомом и «санкци-

онированного» новоявленным ревкомом «1-го Всекарельского съезда» (1–3 июля 1920 года), «приветствовавшего» образование КТК³, была «раскассирована»⁴ первый раз – лишена своей коренной северо-западной части вместе с губернским городом Петрозаводском. Вскоре ее переучредили на оставшейся территории в силу неприемлемости присоединения остатка к коммуне и невозможности раздела между соседними губерниями в той ситуации, а Петрозаводск сделали центром двух администраций и объединенного Карельско-Олонецкого комитета РКП(б). Среди губернских партийных и советских служащих, лидером которых был председатель старого и нового губисполкома Петр Анохин, долго сохранялись надежды на «изменения обстоятельств, побудивших создать такие искусственные объединения», как КТК [3: 117]. Вынашивались планы либо вернуть коммуну на южном и центральном участках в пределы «населенных карелами мест» с переносом административного центра из Петрозаводска в Сороку или Кемь, либо, «не меняя вывески и сохранив название “Карельская трудовая коммуна”, слить два административных образования и слить аппараты» [6: 6] (имели место даже разговоры о возможности уступки Финляндии ряда центральных и северных карельских волостей [4: 80]). «Слухи» о намерениях «из простой голодной Олонии» сделать «буфер», «Карельский интернационал», «аванпост» и т. д. в целях «революционирования Финляндии и Скандинавии» [1: 115] не могли быть приняты к исполнению без подтверждения и соответствующих указаний со стороны ЦК РКП(б) [1: 102–106, 114–115], [2: 122–126], [4: 52–55, 80].

В октябре 1920 года, когда началось «распределение и раздвоение органов управления» Олонецкой губернии, в 19 финских коллективах РКП(б) трех уездов КТК насчитывалось 322 члена⁵, немалая часть которых занималась организацией советской власти и агитацией в карельских волостях. Приравненный по своим полномочиям к губисполку, расширенный и преимущественно карело-финский по составу ревком коммуны к концу года имел «удовлетворительную» связь с Кемским уездом и едва налаженную – с Олонецким и Петрозаводским уездами [2: 124–125]. В самом Петрозаводске под управлением красных финнов находился образованный постановлением СНК РСФСР от 14 октября 1920 года Совнархоз коммуны, а также финская секция Карельского отдела народного образования (КОНО)⁶. Без малого год спустя Куджиеv так охарактеризовал эту пору: «Мы с Гюллингом писали декреты – им не подчинялись...»⁷.

Результаты восьми месяцев существования КТК подытожил, закрепил и развел 1-й Всекарельский съезд Советов (11–18 февраля 1921 года). Еще одной его немаловажной задачей, по всей видимости, была имитация «народного представительства», упомянутого в п. 3 советского заявления в Тарту «О самоуправлении Восточно-Карельской области». Гюллинг, избранный председателем областного исполнительного комитета (ОИК) – органа «верховной власти» в межсъездовский период [2: 201], в целом положительно оценивал значение этого съезда, «принявшего много важных решений»⁸. Среди прочего – утверждение разработанных с участием норвежского социал-демократа Х. Лангсета «основных принципов хозяйственного строительства», 26 апреля 1921 года закрепленных двумя «особо важными постановлениями» СНК и СТО РСФСР⁹ (предполагалось, но не состоялось принятие третьего, «дополнительного декрета с разъяснениями»¹⁰).

Как почти весь состав «наделенного широкими полномочиями» ОИК, так и почти вся остальная «коммунарская» бюрократия были, разумеется, олонецкого происхождения. Гюллинг рассчитывал опереться на немногочисленный карельский «руководящий элемент», который «пытается вовлечь карел в советское строительство». Мяки же считал главным, чтобы «большинство», вне зависимости от национальности, выступало за коммуну. Как бы то ни было, из «двух финнов и одного карела», назначенных в первый состав ревкома КТК в том числе и «для завоевания доверия карел»¹¹, лидером нарождавшейся «коммунарской» бюрократии стал Куджиев – коренной олончанин, карел-ливвик, не просто один из основных руководителей КТК и объединенной Карельско-Олонецкой организации РКП(б), но хорошо образованный, опытный и амбициозный политический деятель, председатель Олонецкого губернского Совета в 1917 году (с явным удовольствием принялший в апреле 1920 года предложение олонецких властей вернуться из Москвы на родину, чтобы возглавить агитпропотдел Олонецкого губкома РКП(б)) [5: 17]. Отзыв из Петрозаводска весной 1921 года Анохина несомненно способствовал расширению и усилению влияния Куджиева, вокруг которого начала складываться так называемая «русско-карельская оппозиция».

Куджиев не сомневался в «экономической» возможности и «политической» необходимости КТК, а также целесообразности участия красных финнов в ее руководстве¹². Он считал достаточной «автономию», установленную политически на «1-м Всекарельском съезде» в июле 1920 года, экономически – «декретом» Совнар-

кома от 26 апреля 1921 года «о руководстве всей экономической жизни Карелии ее Экономическим советом», и в культурном отношении осуществляющую в «формах свободного развития русской и финской культуры в зависимости от желания тех или иных групп граждан»¹³. КТК как таковая «уже являлась буфером»¹⁴ между двумя странами, а «после образования финляндской советской республики» ей «пришлось бы иметь две экономические границы» – русскую и финскую и «соприкасаться» с русской и финской «культурой»¹⁵.

Разногласия между Гюллингом и Куджиевым обострились в конце лета – начале осени 1921 года в контексте тяжелейшего экономического положения КТК и кризиса советско-финляндских отношений, вызванного первой, если не считать ребольско-поросозерского осложнения несколькими месяцами ранее, попыткой Финляндии заявить претензии на контроль «за проведением в жизнь автономии Восточной Карелии»¹⁶. Позиция Гюллинга ослаблялась внутренними противоречиями финляндской коммунистической эмиграции: некоторые руководители КПФ и ЦБФО разделяли, скорее, куджиевскую точку зрения на перспективы развития КТК. Дело дошло до постановки Гюллингом и О. Куусиненом перед ЦК РКП(б) вопроса о целесообразности дальнейшего нахождения красных финнов в руководстве коммуны и намерении Гюллинга оставить пост председателя ОИК [7: 43–44], [11: 143–150], [13: 99].

Куджиев, напротив, проявлял уверенность в своих силах. Он иронизировал насчет чрезмерной первоначальной «резвости» красных финнов и приобретенного Гюллингом «необходимого советского консерватизма, несмотря на свою инициативу создания КТК»¹⁷. Под председательством Куджиева 2-й Всекарельский съезд Советов (1–3 октября 1921 года) проигнорировал направленный из НКИД РСФСР проект резолюции о просвещении карельского населения, предполагавший издание карелоязычной печатной продукции, а также использование карельских диалектов в деятельности органов власти КТК [7: 44]. В конце ноября 1921 года Куджиев возглавил Карельский обком РКП(б)¹⁸ – вскоре после разделения Карельско-Олонецкой партийной организации, которого Гюллинг и Мяки добивались почти год.

Извлечь очередной урок вынудило разраставшееся Карельское восстание. Комиссия в составе В. Гурьева, Гюллинга и Куджиева 8–13 декабря 1921 года подготовила «подробный доклад» и «проекты предложений» по расширению «хозяйственной автономии», которые были одобрены обкомом РКП(б) и отправлены на рассмотрение ВЦИК¹⁹. Речь шла о провозглашении КТК автономной республикой и заключении двусторон-

него договора с РСФСР. В ведении центральных властей должны были остаться безопасность (охраняющая границу ВЧК – в двойном подчинении), финансы, внешняя торговля, управление Мурманской железной дорогой, а также почта и телеграф. Куджиев возражал против смены названия и настаивал на минимизации договорных начал, хотя в целом поддерживал расширение автономных прав. Гюллинг считал, что в случае реализации этих предложений, поддержанных НКИД РСФСР, Карелия становилась «самой автономной из всех автономных республик» Советской России, «приближающейся по своему положению к таким независимым республикам, как Грузия и Азербайджан»²⁰ [1: 99–100], [4: 77], [9: 239].

Для Гюллинга, однако, формального расширения политических и экономических прав КТК уже было недостаточно: из радикальной ситуации вытекали радикальные оценки и решения. Поскольку восстание показало, что «карельский вопрос и вопрос о финляндской революции тесно связаны», что коммуна лишь в самой минимальной степени достигла поставленных при ее образовании целей, оставаясь прежде всего в глазах карел «русской губернией», а «не независимой Карельской трудовой коммуной», требовался пересмотр всей прежней национальной политики – «заметно ощущимый поворот кормила влево» под лозунгом «Через карельский национализм – к коммунизму»²¹. В первую очередь следовало ввести обязательное применение карельского и финского языков в устной и письменной форме в «учреждениях» карельских местностей, вплоть до запрета на замещение должностей без владения этими языками и предания виновных в нарушении соответствующего постановления революционному трибуналу²², а также выделить финской секции КОНО 1/3 средств его бюджета. Кроме того, на руководящую работу в КТК следовало направить ряд влиятельных представителей ЦК КПФ и ЦБФО²³.

Радикальные инициативы Гюллинга, поддержаные петрозаводским финским коллективом РКП(б), практически исключали компромисс в руководстве КТК, тем более что Гюллинг подкреплял их угрозой своей отставки. Развивая серию «различных мелких», по словам Куджиева, «совещаний» в Петрозаводске²⁴, к выяснению отношений конфликтующих сторон подключились ЦБФО РКП(б) и Северо-западное бюро ЦК РКП(б) в Петрограде, а также Оргбюро ЦК РКП(б) в Москве²⁵. Решение последнего от 6 марта 1921 года обязывало выделить на финноязычную «просветительскую работу» 1/3 бюджета КОНО, «ввести» финский язык «в учреждениях Карелии... наравне с русским», направить в КТК А. Шотмана, А. Нуортева, Х. Эклунда

и Э. Рахья, а также «мобилизовать для работы в КТК карел-коммунистов из Тверской и Новгородской губерний». Вместе с тем «все хозяйственное предложения КТК» подлежали согласованию в Северо-западном ЭКОСО, а «вопрос о выделении КТК в автономную республику» был «временно» отложен [9: 288–289].

Куджиев, заручившийся поддержкой 1-й областной партийной конференции (15–20 марта 1922 года), провалил кандидатуру Гюллинга на выборах в обком партии, в очередной раз утвердил собственное понимание принципа равноправия русского и финского языков, хотя и не без некоторых уступок своим оппонентам, и попытался воспрепятствовать долевому распределению бюджета КОНО²⁶. По словам прибывшего в Петрозаводск Нуортева, Сталин обвинил Куджиева в «крусификаторских тенденциях», а «Ленин был недоволен провалом» Гюллинга²⁷. На основании постановления ЦК РКП(б) от 10 апреля 1921 года Куджиев был отзван из КТК в распоряжение Сибирского краевого бюро партии. Почти одновременно секретарем Северо-западного бюро ЦК РКП(б) вместо И. Смирнова, поддерживавшего Куджиева против Гюллинга, стал Б. Позерн²⁸.

Сторонники Куджиева не смогли добиться его возвращения, найти ему достойную замену и предпринять какие-либо реальные действия, чтобы, как говорилось, «свалить Гюллинга и урезонить финнов». Опасения на этот счет, имевшие место в преддверии 2-й областной партконференции (28 сентября – 2 октября 1922 года), не оправдались. Позерн в своих письмах в ЦК РКП(б) и лично Сталину отмечал, что конференция «помогла установить... небольшую группу обруseвших карел», которые «не могут примириться с утратой власти». Такие «сплошь послеоктябрьские коммунисты» явно не шли ни в какое сравнение с «Шотманом, Нуортевом, Гюллингом» – «прямо-таки роскошью для области с населением в 150 тыс., оправданной лишь особыми задачами, возложенными на Каркоммуну»²⁹. В результате «правильного решения национального вопроса» партийной конференцией, докладывал в ЦК РКП(б) секретарь Карельского обкома партии И. Ярвисало, «без всяких дефектов»³⁰ пропел 3-й Всекарельский съезд Советов (2–7 октября 1922 года) [1: 175–186], [4: 79–82], [7: 49].

Известную необратимость перемен символизировало полное «раскассирование» Олонецкой губернии в сентябре 1922 года. КТК вынужденно досталось «полтора уезда» – Повенецкий и часть Пудожского. Оценивая возможные последствия, Гюллинг еще в начале июля 1922 года полагал, что, несмотря на увеличение доли рус-

ского населения до 50 % и более (против прежних 35 %), «никакого значительного изменения политики не произойдет», «нынешнее направление политики КТК не нуждается в коррекции», тем более что «Пудожский уезд будет принят временно». По сравнению с этим гораздо более значимой в демографическом и политическом отношении являлась проблема «14–15 тысяч» карел-беженцев в Финляндии³¹.

С отзывом Куджиеva, дезорганизацией его сторонников и ликвидацией Олонецкой губер-

нии завершался этап становления карельской автономии. По сути, Карельская трудовая коммуна явилась испытательной формой «краснофинского» квазигосударства Гюллинга, которое за два года доказало свою внешнеполитическую полезность для Советской России, вытеснив в значительной мере благодаря этому альтернативные варианты «советской автономии». Повестка дальнейшего развития уже содержала пункт о республиканской форме, ее параметрах и подходящем для смены моменте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия. 09.06.1920.

² Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос: Сборник статей и речей. М., 1936. С. 60, 62.

³ Олонецкая коммуна. 12.06.1922; 22.06.1920.

⁴ Центральный государственный архив историко-политической документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 511. Л. 79.

⁵ Там же. Ф. Р-16. Оп. 16/12. Д. 11651. Л. 86.

⁶ Kansan Arkisto, Helsinki (Народный архив, Хельсинки). mf 74 1B SKP 1918–1944. F6 Koripokokoelma 1993 MF74.

⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 545. Л. 76.

⁸ Kansan Arkisto, Helsinki (Народный архив, Хельсинки). mf 74 1B SKP 1918–1944. F6 Koripokokoelma 1993 MF74.

⁹ Гюллинг Э. Десять лет Карельской автономии // Десять лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1930. С. 62.

¹⁰ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-16. Оп. 16/12. Д. 11807. Л. 21.

¹¹ Kansan Arkisto, Helsinki (Народный архив, Хельсинки). mf 74 1B SKP 1918–1944. F6 Koripokokoelma 1993 MF74.

¹² ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 545. Л. 76.

¹³ Коммуна. 4.10.1921.

¹⁴ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 545. Л. 76.

¹⁵ Там же. Д. 19. Л. 131.

¹⁶ Майский И. Внешняя политика РСФСР. М.: Главполлитпросвет, 1923. С. 85.

¹⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 545. Л. 76.

¹⁸ Там же. Л. 92.

¹⁹ Там же. Л. 95, 97, 98.

²⁰ Там же. Ф. Р-16. Оп. 16/12. Д. 11807. Л. 20, 21.

²¹ Там же. Л. 17–19.

²² Там же. Д. 11811. Л. 3.

²³ Там же. Д. 11810. Л. 20–21 об.

²⁴ Протокол заседания 1-й областной партийной конференции 15 марта 1922 г. Петрозаводск: 1-я областная типография КТК, 1922. С. 70.

²⁵ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-16. Оп. 16/12. Д. 11810. Л. 20–21 об.; Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 382. Л. 1–13; Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 8.

²⁶ Протокол заседания 1-й областной партийной конференции 15 марта 1922 г. С. 1–75.

²⁷ ЦГА ИПД СПб. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 19. Л. 129.

²⁸ Там же. Д. 22. Л. 10.

²⁹ Там же. Д. 28. Л. 7 об., 16.

³⁰ Там же. Д. 10. Л. 33.

³¹ Там же. Ф. Р-16. Оп. 16/12. Д. 11811. Л. 36.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

- Бутвило А. Карельская трудовая коммуна. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2011. 235 с.
- Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. 1–3 июля 1920 г. I Всекарельский съезд Советов рабочих, крестьянских и краноармейских депутатов. 11–18 февраля 1921 г.: Протоколы. Петрозаводск: Карелия, 1990. 271 с.
- Карельская трудовая коммуна: Сборник документов и материалов. Петрозаводск: Версо, 2020. 510 с.
- Килин Ю. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. 275 с.
- Куджиеев В. Карельская Трудовая Коммуна. Воспоминания члена ревкома. Петрозаводск, 1970. 110 с.
- Левкоев А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Препринт. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. 28 с.

7. Левкоев А. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923 гг.) // Общественно-политическая история Карелии XX века: Очерки и статьи. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1995. С. 24–50.
8. Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920: Сборник документов. М., 2017. 502 с.
9. Эдвард Александрович Гюллинг – первый руководитель Советской Карелии. Петрозаводск: Periodika, 2020. 699 с.
10. Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo. 1917–1922. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1970. 217 s.
11. Holsti K. J. Suomen ulkopolitiikka suuntansa etsimässä vuosina 1918–1922. Helsinki: Tammi, 1963. 266 s.
12. Jääskeläinen M. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisrykset Suomen ulkopolitiikassa vuosina 1918–1920. Helsinki: Helsingin yliopisto, 1961. 356 s.
13. Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Bibliotheca historica 60. Helsinki: SKS, 2000. 402 s.
14. Kangaspuro, M. Finnish project: Karelian Workers' Commune // Victims and Survivors of Karelia. Special Double Issue of Journal of Finnish Studies. 2011. Volume 15. Numbers 1&2. November. P. 40–49.
15. Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. II. Toukokuu 1918 – joulukuu 1920. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1971. 385 s.
16. Yläräkköla A. Edvard Gylling Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Helsinki: Otava, 1976. 376 s.

Поступила в редакцию 25.01.2021; принята к публикации 16.04.2021

Original article

Aleksei A. Levkoev, Cand. Sc. (History), Independent Researcher
(St. Petersburg, Russian Federation)
lea1991@mail.ru

“FINNISH FACTOR” IN THE FORMATION OF KARELIAN AUTONOMY

Abstract. In early June 1920, on the initiative of a notorious “Red Finn” Edward Gylling, supported by the top leadership of the Soviet state, the Karelian Labor Commune was established as part of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) in the Karelian and Finnish border areas of the Olonets and Arkhangelsk provinces. It existed until the end of July 1923. This stage of Karelia’s autonomy, characterized in historiography as the stage of its formation, is well-studied, however a number of important issues require some clarification and expansion, as well as, perhaps, a certain shift in emphasis. One of these issues, raised in this article, is related to the goals pursued by Gylling and his associates while participating in the creation and management of the Karelian Labor Commune. Other issues discussed in this article concern the alternative options of Karelian autonomy and the related power struggle between the “Red Finns” and the representatives of the local, mainly Olonets-based, Soviet and party bureaucracy.

Keywords: Finnish factor, Red Finns, Karelian autonomy, Karelian Labor Commune, KLC, Gylling, Kudzhiev

For citation: Levkoev A. A. “Finnish factor” in the formation of Karelian autonomy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):65–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.619

REFERENCES

1. Butvilo, A. Karelian Labor Commune. Petrozavodsk, 2011. 235 p. (In Russ.)
2. All-Karelian Congress of Karelian Workers’ Representatives. 1–3 June, 1920. The First All-Karelian Congress of the Councils of Workers’, Peasants’ and Soldiers’ Deputies. 11–18 Februray, 1921: Minutes. Petrozavodsk, 1990. 271 p. (In Russ.)
3. Karelian Labor Commune. Collection of documents and materials. Petrozavodsk, 2020. 510 p. (In Russ.)
4. Kilin, Yu. Karelia in the politics of the Soviet state. 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. 275 p. (In Russ.)
5. Kudzhiev, V. Karelian Labor Commune. Memories of a member of the Revolutionary Committee. Petrozavodsk, 1970. 110 p. (In Russ.)
6. Levkoev, A. National linguistic policy of the Finnish leadership of Soviet Karelia (1920–1935). Petrozavodsk, 1992. 28 p. (In Russ.)
7. Levkoev, A. Finnish communist emigration and the formation of Karelian autonomy within the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) (1918–1923). *Socio-political history of Karelia in the XX century. Essays and articles*. Petrozavodsk, 1995. P. 24–50. (In Russ.)
8. Russia and Finland: from confrontation to peace. 1917–1920: Collection of documents. Moscow, 2017. 502 p. (In Russ.)
9. Edward Aleksandrovich Gylling – the first leader of Soviet Karelia. Petrozavodsk, 2020. 699 p. (In Russ.)
10. Churchill, S. Itä-Karjalan kohtalo. 1917–1922. Porvoo; Helsinki, 1970. 217 s.
11. Holsti, K. J. Suomen ulkopolitiikka suuntansa etsimässä vuosina 1918–1922. Helsinki, 1963. 266 s.
12. Jääskeläinen, M. Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisrykset Suomen ulkopolitiikassa vuosina 1918–1920. Helsinki, 1961. 356 s.
13. Kangaspuro, M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Bibliotheca historica 60. Helsinki, 2000. 402 s.
14. Kangaspuro, M. Finnish project: Karelian Workers’ Commune. *Victims and Survivors of Karelia. Special Double Issue of Journal of Finnish Studies*. 2011. Volume 15. Numbers 1&2. November. P. 40–49.
15. Polvinen, T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. II. Toukokuu 1918 – joulukuu 1920. Porvoo; Helsinki, 1971. 385 s.
16. Yläräkköla, A. Edvard Gylling Itä-Karjalan suomalainen rakentaja. Helsinki, 1976. 376 s.

Received: 25 January, 2021; accepted: 16 April, 2021

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ОСИПОВ

кандидат исторических наук, научный сотрудник Карельского института

Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

ORCID 0000-0002-6237-4425; osipov@uef.fi

КАРЕЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1921–1922 ГОДОВ: ПРИЧИНЫ, СУЩНОСТЬ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. Рассмотрены события в Карелии зимой 1921/22 года, когда в северной части Карельской трудовой коммуны вспыхнуло крупное крестьянское восстание, в котором приняли участие финские офицеры и добровольцы. Эти события получили различную оценку в историографии: историки используют термины «крестьянское восстание», «гражданская война», «советско-финская война» или «племенные войны»; более того, споры продолжаются по сей день. В основе нашего исследования лежат малоизвестные документы из российских и финляндских архивов, а также материалы советской и зарубежной прессы. Рассмотрены современные историографические подходы, дана их оценка, проанализированы публикации местной и центральной прессы двух стран, демонстрируются «официальные» подходы к событиям в Карелии. Представлена переписка советских органов власти, списки личного состава повстанцев, распоряжения и приказы военного командования и гражданской власти на охваченной восстанием территории. Анализ архивных документов позволяет говорить именно о крестьянском восстании в Карелии, которое стало прямым продолжением Гражданской войны. Карельское восстание было вызвано прежде всего экономическими причинами и стоит в одном ряду с крестьянскими выступлениями в России в 1920–1922 годах.

Ключевые слова: карельское восстание, Гражданская война в России, карельское крестьянство, Карельский полк лесных партизан, Беломорский полк, Ребольский батальон

Для цитирования: Осипов А. Ю. Карельское восстание 1921–1922 годов: причины, сущность, последствия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.620

ВВЕДЕНИЕ

С какого времени следует вести отсчет Гражданской войны в России и где стоит поставить точку? Вопрос о временных рамках этих событий по-прежнему остается открытым, хотя в современной историографии постепенно укрепляются позиции датировки 1917–1922 годов. Советские историки связывали завершение Гражданской войны с разгромом армии П. Н. Врангеля в Крыму в ноябре 1920 года, чтобы, как констатирует С. В. Леонов, «не привлекать внимания к невиданной волне крестьянских восстаний 1921–1922 годов» [8: 28, 29]. Действительно, масштабные боевые действия завершились в 1920 году, однако последующие события получили различную оценку в историографии: от затухающих конфликтов и локализации Гражданской войны до «войны народной» и «времени зеленых» [4: 65–68].

Монография Джона Смила «“Российские” гражданские войны, 1916–1926: Десять лет, которые потрясли мир» придала новый импульс дис-

куссии о хронологии Гражданской войны в России [18]. Автор включил в понятие гражданских войн в России (именно во множественном числе) локальные конфликты и партизанские движения в Средней Азии. Таким образом, датировка Гражданской войны оказалась вне привычного поля, что вызвало критику работы Смила со стороны некоторых исследователей¹ [3]. Поэтому простота вопроса о начале и завершении Гражданской войны в действительности обманчива, и, как отмечает Б. И. Колоницкий, «никакой ответ на подобный “простой” вопрос не будет окончательным» [7: 5].

Карелия не является исключением в российском контексте, и хронология событий Гражданской войны в регионе также остается дискуссионной. Основная причина этого – так называемое карельское восстание, произошедшее зимой 1921/22 года в северных волостях Карельской трудовой коммуны. Советские историки традиционно рассматривали это восстание за пределами Гражданской войны, используя тер-

мин «карельская авантюра», то есть вторжение «финских белогвардейцев» по аналогии с походами финских добровольцев в Беломорскую Карелию в 1918 году и в Олонецкую Карелию в 1919 году [2], [12]. Введение в научный оборот новых архивных данных в начале 1990-х годов позволило отечественным исследователям говорить именно о восстании в Карелии, вызванном внутриэкономическими причинами [1], [5].

Впрочем, в последние годы дискуссия вновь возвращается в русло внешней политики. И если обращение финских историков к событиям зимы 1921/22 года в контексте «племенных войн» [14], [16], [17], то есть помощи «родственным народам» Карелии, Эстонии и Ингерманландии, было характерно и раньше, то в отечественной историографии появляются новые термины, такие как «советско-финские войны» [11]. В действительности термин «вторая советско-финская война» применительно к событиям зимы 1921/22 года был предложен В. В. Похлебкиным еще в 1990-е и получил новый импульс в последние годы [9: 156–158]. Таким образом, в этих подходах карельское восстание рассматривается как конфликт Советской России и Финляндии опять-таки вне рамок Гражданской войны. Подобный взгляд характерен и для авторов авторитетного издания «Истории Карелии с древнейших времен до наших дней», которые осторожно говорят о «военных действиях» и «вооруженных событиях» на севере Карелии, отводя главную роль в них финскому фактору [6: 443–444].

Рассмотрение карельского восстания через призму внешнеполитического дискурса, племенных войн или же противостояния большевиков и белого лагеря в действительности не выходит за рамки традиционной бинарной схемы, в которой не находится место для третьей силы – карельского крестьянства [13: 188, 189]. Между тем конфликт крестьянства и советской власти являлся самой сутью Гражданской войны в Карелии, где традиционное белое движение не сложилось. Финские националистические организации, финансовые круги, офицеры регулярной армии и добровольцы действительно сыграли важную роль в событиях Гражданской войны в Карелии, однако стоит разделять эфемерные попытки создания Великой Финляндии и Гражданскую войну, вызванную преимущественно экономическими причинами, хотя эти события и оказались тесно связанными.

* * *

19 ноября 1921 года крупнейшая газета Финляндии «Хельсингин Саномат» (Helsingin

Sanomat) сообщила читателям о том, что в Беломорской Карелии началось восстание «лесных партизан» против большевиков. По данным газеты, восстание вспыхнуло в Тунгудской волости и быстро перекинулось на соседние деревни, где были арестованы большевики и коммунисты, но, впрочем, крупных сражений не произошло². Вышедшая в тот же день газета «Аамулехти» (Aamulehti), которая издавалась в городе Тампере, раскрыла некоторые подробности восстания. Так, говорилось о «невообразимом воодушевлении» трех тысяч вооруженных карел, которые выступили против грабительской политики большевиков. Авторы статьи утверждали, что в восточных волостях Беломорской Карелии, расположенных вдоль Мурманской железной дороги, большевики отнимают у населения последние запасы зерна, угояют скот и отбирают личные вещи, что и послужило причиной восстания. «Аамулехти» также писала, что Мурманская железная дорога разрушена во многих местах и из Петрозаводска отправлен шеститысячный отряд для подавления восстания. Финское участие в народном восстании, по данным авторов статьи, будет ограничено лишь помощью в рамках Красного Креста после согласования с Женевой³.

После публикации этих статей тема карельского восстания неизменно присутствует на страницах финской прессы: центральные и местные финно- и шведоязычные газеты Финляндии публикуют многочисленные материалы о событиях в Карелии, оценка которых колеблется от нейтральной и содержит преимущественно боевые сводки до обличительной⁴. Характерно, что финские журналисты обвиняли советскую власть не только в экономических притеснениях карел, но и подчеркивали нарушения Тартуского мирного договора и апеллировали к Лиге Наций, выводя дискуссию о судьбе Карелии на международный уровень. Приложение к Тартускому мирному договору говорило о праве карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний на самоопределение, а карельское восстание, по мнению финских журналистов, являлось частью реализации этого права⁵.

Центральная советская пресса довольно неохотно писала о событиях в Карелии, на что сетовал А. И. Седякин, назначенный главнокомандующим войсками Карело-Мурманского района и ответственным за подавление восстания⁶. Так, «Петроградская правда» разместила лишь небольшую заметку 3 января 1922 года со ссылкой на финскую газету «Финский рабочий» (Suomen Työläinen), которая являлась рупором Финской социалистической рабочей партии. В публи-

кации говорилось о вторжении в Ребольский и Ухтинский приходы финских белогвардейских банд, которые «состояли исключительно из финских шюцкористов⁷ и были превосходно вооружены пулеметами и винтовками-автоматами». Впрочем, авторы статьи противоречили сами себе, утверждая уже в следующем предложении, что среди нападавших обнаружены находящиеся в Финляндии кронштадтские повстанцы [10: 127]. В последующих публикациях «Петроградская правда» подчеркивала связь «белогвардейских банд» с Финляндией и обвиняла ее во враждебных действиях [10: 128, 158–161].

Местная финноязычная газета «Карельская коммуна» (*Karjalan Kommuuni*) оказалась более активной в отличие от центральной прессы. Авторы газеты утверждали, что события в Карелии инспирированы финскими активистами, а подавляющее большинство среди тех, кто противостоит Красной армии, составляют финские лахтарит⁸, представители шюцкора и буржуазии⁹. В материалах «Карельской коммуны» само слово «восстание» использовалось только в кавычках, и журналисты писали об «авантюре» и «грабительском походе». В доказательство этого приводились данные о грабеже финскими силами 50 000 пудов хлеба, которые были закуплены в Финляндии и приготовлены к распределению в северо-карельских волостях¹⁰.

По сравнению с финскими газетами «Карельская коммуна» не уделяла большого внимания непосредственно боевым действиям, зато рубрика, содержащая мнения местного населения, была постоянной. Газета транслировала резко негативное отношение местного населения к восстанию, безоговорочную поддержку советской власти и возмущение действиями «белобандитов», в рядах которых, впрочем, находились и некоторые местные жители¹¹.

Опуская взаимные обличительные речи и некоторые нестыковки в фактах как финской, так и советской прессы, стоит выделить как минимум два важных момента, присущих обеим сторонам. Во-первых, обе стороны присвоили себе термин «освобождение» применительно к карельскому населению. Во-вторых, важной частью дискуссии являлся внешнеполитический дискурс, который включал в себя две полярные трактовки: финская сторона апеллировала к Лиге Наций, положениям Тартуского мирного договора и заявляла о нарушениях прав местного населения, а в советской прессе события в Карелии объяснялись финской агрессией. Более того, обращение к карельскому восстанию и его различная интерпретация вско-

ре оказались важной частью пропаганды в обеих странах в 1920–1930-х годах.

Сосредоточившись на трактовке событий в Карелии зимой 1921/22 года, ни финская, ни советская пресса не уделяли достаточного внимания критической экономической ситуации в Карельской трудовой коммуне, особенно в ее северных волостях, которая и послужила основной причиной восстания. «Карельская коммуна», впрочем, признавала проблему снабжения приграничных волостей хлебом¹², которую усугубил низкий урожай 1921 года. Замена продразверстки продналогом, объявленная в марте 1921 года, не принесла желаемых результатов. Несмотря на пониженные налоговые нормы, население КТК оказалось не в состоянии выполнить их, и крестьяне массово отказывались от сдачи государству продуктов¹³.

Еще одним камнем преткновения во взаимоотношениях властей и местного населения стали принудительные работы на лесосплаве. Крестьяне мотивировали массовый отказ выходить на работу отсутствием необходимого инвентаря, лошадей, одежды, обуви и продовольствия, повторяя тем самым события осени 1920 года, когда политика местных властей привела к вооруженному сопротивлению местного населения¹⁴. Реакция властей не отличалась разнообразием – в дело вступил трибунал КТК: не-платильщики налогов и отказники приговаривались в основном к условным срокам заключения, а также к уплате налога в двукратном размере, конфискации домашнего скота и заключению в концентрационных лагерях¹⁵.

Пассивное крестьянское сопротивление зрело в КТК на протяжении 1920–1921 годов, а точка кипения была достигнута в октябре 1921 года, когда в ситуацию вмешались финские активисты, выступившие организаторами восстания. 10 октября 1921 года отряд карел, составленный из ранее бежавших в Финляндию местных жителей под командованием младшего сержанта Ялмарии Таккинена, перешел через границу [15: 223–224]. Момент для восстания был выбран крайне удачно: недовольные политикой советской власти крестьяне легко внимали профинской пропаганде, обещавшей продовольствие, оружие и независимость от большевиков. Восстание быстро охватило приграничные волости – Вокнаволоцкую, Кондокскую, Ругозерскую и Ребольскую и стремительно распространилось по центральному и северному регионам КТК, вовлекая новых участников.

Малочисленные пограничные части не смогли оказать серьезного сопротивления, и отряды

повстанцев быстро достигли Мурманской железной дороги, после чего условная линия фронта стабилизировалась. Гнев повстанцев обратился прежде всего против коммунистов, которые связывались с трудовыми и военными мобилизациями, продразверсткой и продналогом. Так, в Ругозере были расстреляны 12 человек, расстрелы проводились в Юшкозере, Ухте и других деревнях, а судьба многих арестованных коммунистов и работников волисполкомов оставалась неизвестной [10: 152], [15: 225–228]¹⁶.

Роль финской пропаганды и финских офицеров в организации восстания была безусловно высока, однако анализ вооруженных сил повстанцев показывает, что примерно из трех тысяч человек, вставших под зеленые знамена с черно-красным крестом, лишь около пятисот были финнами. Основную массу добровольцев составляли местные жители, которые ранее бежали в Финляндию и примкнули к восстанию либо вербовались на месте. Силы восставших были объединены в три крупных воинских подразделения: Беломорский полк, Карельский полк лесных партизан и Ребольский батальон, которые формировались по национальному и географическому принципам. Так, в Ребольском батальоне (позднее был переименован в Южную группу) изначально существовало разделение на карел и финнов, в составе Беломорского полка действовали Олангский и Аллоярвский отряды, а в Полку лесных партизан роты с 5-й по 8-ю носили названия Панозерская, Сопосалмская, Юшкозерская и Куркиекская¹⁷. Роты зачастую имели двух командиров – карела или русского и финна, а командование и переписка со штабом осуществлялись на русском и финском языках.

На бумаге трехтысячные силы повстанцев выглядели солидно: имели четкую структуру и связь между подразделениями, координировались кадровыми финскими военными, получали продовольствие и оружие из Финляндии. В действительности, помимо подразделений, принимавших участие в боевых действиях, существовали многочисленные так называемые резервные роты и комендантские команды, в которые записывались подростки и старики. Снабжение также оставляло желать лучшего: укомплектованность винтовками, например, Беломорского полка составляла 75 %, а упомянутых резервных рот еще меньше, остро ощущалась нехватка боеприпасов, не хватало и опытных офицеров¹⁸.

Верховным органом власти на контролируемой повстанцами и финнами территории стало

Карельское центральное правительство (в документах встречаются также названия «Карельское временное правительство» и «Карельский временный комитет»), в которое вошли Осип Борисов, Василий Сидоров и Ялмари Таккинен. Последние двое, как и многие другие офицеры финской регулярной армии, скрывали свои фамилии и действовали под именами героев карело-финского эпоса «Калевала» – Вяйнямейнен и Илмаринен соответственно, что, впрочем, было секретом Полишинеля для советской власти. Карельское центральное правительство провозгласило своей целью «борьбу за свободную и счастливую Карелию», а также установление «природных и национальных границ карел», обозначив лишь восточную границу этой территории, которая проходила по линии река Свирь – Онежское озеро – Белое море¹⁹.

Для достижения этой цели требовалось «привлечь на свою сторону людей и завоевать столько земли, сколько возможно к 11 января 1922 года», на которое был назначен сбор Карельского национального собрания²⁰. Далее при поддержке Финляндии и Эстонии следовало бы обращение в Лигу Наций с просьбой разобраться в карельском вопросе на том основании, что советское правительство не выполняет условий Тартуского мирного договора. В действительности крестьянского воодушевления хватило лишь до конца 1921 года, то есть до первых серьезных поражений. Кроме того, не все деревни поддержали идеи восстания, да и среди поддерживающих в некоторых случаях мобилизации приходилось проводить силой²¹.

Внушительный численный перевес Красной армии, а также неожиданный рейд отряда Тойво Антиайнена, приведший к потере повстанцами Кимасозера, предопределил поражение восстания. Боевой дух крестьян был безнадежно подорван, и в рядах повстанцев началось массовое дезертирство и бегство в Финляндию. Карельское восстание, ставшее финальным аккордом Гражданской войны в регионе, привело к невиданному ранее исходу беженцев из приграничных волостей. По данным политического отдела финского МИДа, в апреле 1922 года в Финляндию находилось около 13 тысяч карельских беженцев²². Судьбы этих людей оказались трагичны – пользуясь амнистией, объявленной в 1923 году, примерно третья вернулась обратно, пройдя через проверки, фильтрацию и аресты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По своей сути карельское восстание повторило события 1918 и 1920 годов в Беломорской Ка-

релии и 1919 года в Олонецкой Карелии, когда не-популярная политика советской власти привела к вспышкам крестьянского недовольства и расстрелам односельчан, ответственных за создание комитетов деревенской бедноты и осуществление большевистских преобразований. Выпустив гнев в первые недели восстания, крестьяне оказались не готовы сражаться с почти 30-тысячной группировкой Красной армии, брошенной на подавление бунта. Очевидно, опыт прежних восстаний в Карелии не был учтен финскими добровольцами: крестьяне прохладно относились к идеи Великой Финляндии, пафосным приказам, да и к самим «соплеменникам».

Карельское восстание стоит в одном ряду с многочисленными крестьянскими выступлениями, прокатившимися по всей России в 1920–1921 годах и вызванными экономическими причинами: Западно-Сибирским, Поволжским, Тамбовским. Отличительной чертой событий в Карелии зимой 1921/22 года стало участие внешней силы – финских добровольцев, которые сыграли важную роль в координации восстания и фактически возглавили его. Это обстоятельство позволило советским властям фокусироваться на внешнеполитическом характере событий, давая оценку военным действиям, а не экономическим причинам, приведшим к восстанию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Монография Смила действительно вызвала большой интерес и получила более десятка рецензий российских и зарубежных исследователей. К сожалению, мы не имеем возможности упомянуть все рецензии на работу Смила, однако их большая часть приведена в статье Б. И. Колоницкого [7]. Добавим также, что попытка Смила вместить в одну монографию 10-летний отрезок российской истории, состоящий из различных конфликтов, приводит к тому, что в одном абзаце могут присутствовать полковник «Король Карелии» Ф. Дж. Вудс, Махатма Ганди, конфликт в Карабахе и Русская православная церковь [18: 51].
- ² Tapahtumat Vienan Karjalassa // Helsingin Sanomat. 19.11.1921.
- ³ Mieliala Itä-Karjalan väestöstä kuvaamattoman innostunut // Aamulehti. 19.11.1921.
- ⁴ Karelarna ha återerövrat Kiimasjärvi // Hufvudstadsbladet. 24.01.1922; Krigslyckan för tillfället hos karelarna // Västra Nyland. 26.01.1922; Porajärven seudun taistelut ja vapautuminen // Maaseudun Sanomat. 30.12.1921.
- ⁵ Itä-Karjalan asia eduskunnassa // Aamulehti. 30.12.1921; Itä-Karjalan kysymys esillä Kansainliiton neuvostossa // Helsingin Sanomat. 15.01.1922; Vienan Karjalan tapahtumat // Helsingin Sanomat. 20.11.1921.
- ⁶ Седякин А. И. В суповой Карелии // Красная Карелия. 1922. № 2. С. 2–3.
- ⁷ Шюцкор (фин. suojeluskunta) – военизованные отряды самообороны, действовавшие в Финляндии в 1918–1944 годах.
- ⁸ Лахтарит (фин. lahtarit) – досл. мясники – прозвище белых в период гражданской войны в Финляндии.
- ⁹ "Kansannostajat" Vienan Karjalassa // Karjalan kommuuni. 15.12.1921; Karjalan "nousu" ja sen merkitys // Karjalan kommuuni. 10.01.1922; Lahtarien tuhotööt Karjalassa // Karjalan kommuuni. 31.12.1921; Venäjän tunnustaminen ja Karjalan "kansannousu" // Karjalan kommuuni. 03.01.1922.
- ¹⁰ Lahtarien tuhotööt Karjalassa // Karjalan kommuuni. 31.12.1921.
- ¹¹ "Kansannostajat" Vienan Karjalassa // Karjalan kommuuni. 15.12.1921; Karjalan kuulumisia // Karjalan kommuuni. 03.01.1922; Karjalan raatajien mielipide // Karjalan kommuuni. 27.12.1921; Lahtarien retkistä // Karjalan kommuuni. 20.12.1921; Talonpoikien mielipide // Karjalan kommuuni. 15.12.1921; Tietoja rosvoliikkeestä Kemin kihlakunnassa // Karjalan kommuuni. 27.12.1921.
- ¹² Lahtarien tuhotööt Karjalassa // Karjalan kommuuni. 31.12.1921.
- ¹³ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 102. Л. 29; Д. 107. Л. 5–6; Д. 125. Л. 3–6; Д. 124. Л. 5–13; Д. 118. Л. 18–22; Д. 112. Л. 3.
- ¹⁴ НА РК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 26. Л. 11, 11 об.; Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 2/25. Л. 75; Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 173. Л. 106; Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.
- ¹⁵ НА РК. Ф. Р-639. Оп. 1. Д. 271. Л. 369, 408–409; Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 106. Л. 2; Д. 111. Л. 18; Д. 118. Л. 54–55; Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–9.
- ¹⁶ Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии, далее – КА). Karjalan kansannousun arkisto. Kansio 3. 2:n pataljoonan 7:n komppanian kirjoja. [Б. д.]; Kansio 4. Донесение командиру 2-го батальона Карельского полка лесных партизан от коменданта Кимасозера. 28.12.1921; Kansio 5. Список 65 коммунистов Мяндусельской волости. [Б. д.]; Kansio 13. Ilmoitus Vienan rykmentin päällikölle. 04.01.1922.
- ¹⁷ КА. Karjalan kansannousun arkisto. Kansio 2. Metsässisirkykmentin päällikön päiväkäsky 2:n pataljoonan päällikölle № 5. 20.12.1921; Kansio 1. Luettelo Repolan pataljoonan karjalaisesta miehistöstä. [Б. д.]; Luettelo Repolan pataljoonan suomalaisesta miehistöstä. [Б. д.].
- ¹⁸ КА. Karjalan kansannousun arkisto. Kansio 9. Vienan lohkon päällikön määräys Metsässisirkykmentin komentajalle. 04.01.1922; Kansio 15. Vienan lohkon esikunnan päiväkäsky № 4. 13.12.1921; Vienan lohkon esikunnan päiväkäsky № 14. 29.12.1921; Vienan lohkon esikunnan päiväkäsky № 1. 02.01.1922.
- ¹⁹ КА. Karjalan kansannousun arkisto. Kansio 3. Обращение к карельскому народу. 12.12.1921; Обращение к красноармейцам. [Б. д.].
- ²⁰ КА. Karjalan kansannousun arkisto. Kansio 15. Vienan lohkon esikunnan päiväkäsky № 14. 29.12.1921.

- ²¹ KA. Karjalan kansannousun arkisto. Kansio 4. Донесение командиру 2-го батальона Карельского полка лесных партизан. 08.12.1921 и 07.01.1922.
- ²² KA. R. Holstin kokoelma. Kansio 24. Ulkoasiainministeriön Poliittisen Osaston tiedotuksia. 21.04.1922.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витухновская - Каупала М. А. Карельский крестьянин в горниле гражданской войны, 1917–1922 // Карелы российско-финского пограничья / Ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 172–211.
2. Гардин Е. С. Разгром белофинской авантюры (1921–1922 гг.). Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1947. 44 с.
3. Голдин В. И. Новейшие зарубежные исследования о Гражданской войне начала XX века в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 128–133. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.5.128
4. Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000. 280 с.
5. Гусев К. В. К истории карельского мятежа (По материалам комиссии по реабилитации при Президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71–84.
6. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
7. Колониций Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–24. DOI: 10.31857/S086956870004216-8
8. Леонов С. В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // Российская история. 2019. № 1. С. 24–36. DOI: 10.31857/S086956870004216-8
9. Поклебин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР: за 1000 лет в именах, датах, фактах: Справочник. Вып. 2: Войны и мирные договоры. Книга 3: Европа в первой половине XX в. М.: Международные отношения, 1999. 672 с.
10. Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918–1922 гг.: Сб. документов / Под ред. П. Г. Софина. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1944. 166 с.
11. Смолин А. В. Первая советско-финская война 1918–1920 гг.: историографический миф или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы X ежегодной междунар. науч. конф. (16–17 апреля 2008) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГА, 2009. С. 271–279.
12. Хесин С. С. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921–1922 гг. М.: Воениздат, 1949. 152 с.
13. Golubev A., Osipov A. Civil wars, visions of statehood, and quasi-state actors in the Northwest of the former Russian empire // Ab Imperio. 2019. № 2. P. 186–196. DOI: 10.1353/imp.2019.0037
14. Hapanen A. Suomalaisen heimosotaretket 1918–1922. Helsinki: Minerva, 2014. 322 s.
15. Harjula M. Venäjän Karjala ja Muurmanni 1914–1922: maailmansota, vallankumous, ulkomaiden interventio ja sisällissota. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007. 410 s.
16. Niinistö J. Heimosotien historia. 1918–1922. Helsinki: SKS, 2016. 307 s.
17. Roselius A., Silvennoinen O. Villi itä: Suomen heimosodat ja Itä-Euroopan murros 1918–1921. Helsinki: Tammi, 2019. 366 s.
18. Smelie J. D. The “Russian” civil wars, 1916–1926: ten years that shook the world. NY: Oxford University Press, 2015. 423 p.

Поступила в редакцию: 25.01.2021; принята к публикации: 16.04.2021

Original article

Alexander Yu. Osipov, Cand. Sc. (History), Research Associate,
University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
ORCID 0000-0002-6237-4425; osipov@uef.fi

KARELIAN REBELLION OF 1921–1922: CAUSES, ESSENCE, CONSEQUENCES

A b s t r a c t. The article analyzes the events occurring in Karelia in the winter of 1921–1922, when a massive peasant rebellion broke out in the northern part of the Karelian Labor Commune, in which Finnish officers and volunteers took part. Finnish officers and volunteers took an active part in these actions. Karelian events received different assessments: in addition to peasant rebellion, historians use such terms as civil war, Soviet-Finnish war, or kindred wars; moreover, the discussion is not over yet. This research is based on little-known documents collected from Russian and Finnish archives, as well as materials from the Soviet and foreign press. The introduction examines and reviews contemporary historiographic approaches; the second part contains the analysis of publications of the Soviet and Finnish local and central press and reveals their “official” approaches to the events in Karelia. Finally, the third part of the article analyzes the correspondence of the Soviet authorities, the lists of the rebels, the military command orders and the civil authorities’

acts. The analysis of the archival documents allows us to consider the events in Karelia to be a peasant rebellion, which became a continuation of the Civil War. The Karelian rebellion was caused by economic reasons and was one of the many peasant rebellions in Russia in 1920–1922.

Keywords: Karelian rebellion, Russian Civil War, Karelian peasantry, Karelian regiment of forest partisans, Belomorsk regiment, Reboly battalion

For citation: Osipov, A. Yu. Karelian rebellion of 1921–1922: causes, essence, consequences. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):71–77. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.620

REFERENCES

1. Vituhnovskaya-Kauppala, M. A. Karelian peasant in the crucible of the Civil War, 1917–1922. *Karelians of the Russian-Finnish borderland*. (A. M. Pashkov, Ed.). Petrozavodsk, 2013. P. 172–211. (In Russ.)
2. Gardin, E. S. The rout of the White Finnish adventure (1921–1922). Petrozavodsk, 1947. 44 p. (In Russ.)
3. Goldin, V. I. The latest foreign research on the Russian Civil War of the early 20th century. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*. 2016;5:128–133. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.5.128 (In Russ.)
4. Goldin, V. I. Russia in the Civil War. Essays on recent historiography (the second half of the 1980s–1990s). Arkhangelsk, 2000. 280 p. (In Russ.)
5. Gusev, K. V. The history of the Karelian rebellion (based on the materials of the Commission for Rehabilitation under the President of the Russian Federation). *Otechestvennaya istoriya*. 1996;6:71–84. (In Russ.)
6. The history of Karelia from ancient times to the present day. (N. A. Korablev, V. G. Makurov, Yu. A. Savvateev, M. I. Shumilov, Eds.). Petrozavodsk, 2001. 943 p. (In Russ.)
7. Kolonitskiy, B. I. From the First World War to civil wars (1917?–1922?). *Russian History*. 2019;1:3–24. DOI: 10.31857/S086956870004216-8 (In Russ.)
8. Leonov, S. V. Civil War in Russia: essence, periodization, features. *Russian History*. 2019;1:24–36. DOI: 10.31857/S086956870004216-8 (In Russ.)
9. Pohlebkin, V. V. Foreign policy of Rus, Russia and the USSR over 1000 years in names, dates, facts: Directory. Issue 2: Wars and Peace Treaties. Book 3: Europe in the first half of the XX century. Moscow, 1999. 672 p. (In Russ.)
10. The rout of the White Finnish invaders in Karelia in 1918–1922: Documents. (P. G. Sofinov, Ed.). Petrozavodsk, 1944. 166 p. (In Russ.)
11. Smolin, A. V. The first Soviet-Finnish war of 1918–1920: historiographical myth or reality? *Saint Petersburg and the countries of Northern Europe: Proceedings of the X annual international research conference (16–17 April, 2008)*. (V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov, Eds.). St. Petersburg, 2009. P. 271–278. (In Russ.)
12. Hesin, S. S. The rout of the White Finnish adventure in Karelia in 1921–1922. Moscow, 1949. 152 p.
13. Golubev, A., Osipov, A. Civil wars, visions of statehood, and quasi-state actors in the Northwest of the former Russian empire. *Ab Imperio*. 2019;2:186–196. DOI: 10.1353/imp.2019.0037
14. Haapanen, A. Suomalaisen heimosotaretket 1918–1922. Helsinki, 2014. 322 s.
15. Harjula, M. Venäjän Karjala ja Muurmanni 1914–1922: maailmansota, vallankumous, ulkomaiden interventio ja sisällissota. Helsinki, 2007. 410 s.
16. Niinistö, J. Heimosotien historia. 1918–1922. Helsinki, 2016. 307 s.
17. Roselius, A., Silvennoinen, O. Villi itä: Suomen heimosodat ja Itä-Euroopan murros 1918–1921. Helsinki, 2019. 366 s.
18. Smele, J. D. The “Russian” civil wars, 1916–1926: ten years that shook the world. NY, 2015. 423 p.

Received: 25 January, 2021; accepted: 16 April, 2021

ИРИНА РЕЙЕВНА ТАКАЛА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводский государственный университет, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6487-9358; irina.takala@onego.ru

ФИНЛЯНДСКИЙ И КАРЕЛЬСКИЙ КОНТЕКСТЫ РУССКО-ШВЕДСКИХ ВОЙН: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Финляндский и карельский контексты русско-шведских войн очень слабо изучены в отечественной историографии. Автор статьи, анализируя сложившуюся ситуацию, обращает внимание на необходимость изучения и сопоставления национальных историографий России и Финляндии с целью рассмотрения исторических событий и процессов в сравнительно-исторической и кросс-культурной перспективах. По мнению автора, совместное обращение историков обеих стран к региональному и локальному измерению триады «история – память – травма» может способствовать преодолению разрушаительных последствий исторического травматического опыта, поможет скорректировать национальные гранд-нarrативы и ослабит угрозы секьюритизации истории.

Ключевые слова: Россия, Финляндия, Карелия, русско-шведские войны, историография, историческая политика, политика памяти

Для цитирования: Такала И. Р. Финляндский и карельский контексты русско-шведских войн: к постановке проблемы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 78–86.
DOI: 10.15393/uchz.art.2021.621

ВВЕДЕНИЕ

Значения слова **история** менялись на протяжении тысячелетий. Изменялись методы и подходы к изучению прошлого, подвергалась сомнению сама возможность и успешность этого изучения. Но всегда оставалось фактом, что историческое исследование неизменно представляет собой некий синтез прошлого и настоящего.

В XVIII–XIX веках, когда история только становилась наукой и не была еще специализированным знанием о прошлом, настоящее, определяемое идеологическими и социально-политическими факторами, играло для исторического дискурса весьма важную роль. Национальные историографии в эпоху нациестроительства выполняли задачи конструирования национального прошлого, осуществляя вместе с государством контроль над национальной памятью [16], [17]. Влияние настоящего ощущимо присутствовало и в XX веке, остается оно и сейчас, хотя практически все серьезные исследователи сегодня признают, что попытки конструировать прошлое,

руководствуясь текущими интересами, делают несостоительными претензии на научность [18: 86], [20: 20].

Но, что бы ни говорили сами историки, в политическом дискурсе любого государства вопрос отношения к прошлому и его интерпретации занимает важное место. Политизация истории – по сути дела неизбежная и неизбывная вещь, она появляется вместе с национальными историографиями, она никуда не делась и сегодня. Столь же неизбежна и политика памяти – нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу. В наше время конфликты в сфере интерпретации прошлого приобрели в мире настолько острый характер, что в обиход вошло понятие «войны памяти» [5], [11]. Во многих странах сегодняшняя историческая политика – это набор практик, использующихся в первую очередь для легитимации действий существующей власти, а политика памяти – для формирования коллективной идентичности, которая призвана эту деятельность поддержи-

вать [1], [10], [13]. При этом конфликт ценностей, стоящий за различными подходами к политике памяти, как и конфликт между космополитической культурой памяти и антагонистической, националистической культурой памяти [10: 7–8], до сих пор не разрешен. К тому же сосредоточенность внимания исследователей в основном на столицах, властных структурах, национальных нарративах и местах памяти затеняет собой тему регионального и локального измерения политики памяти. В ряде же случаев локальные (или групповые) нарративы находятся в очевидном противоречии с большим общегосударственным нарративом.

В последние десятилетия внимание историков все больше фокусируется на вопросах, связанных с соотношением истории и памяти, памяти и идентичности, с изучением форм сохранения и трансляции социально значимой информации и способов обращения с прошлым [17: 5]. Исследуются типы исторического сознания, феномен «мест памяти», ритуалы коммеморации, «политика памяти», «историческая политика».

Актуальным остается и вопрос о специфике практик историописания. Восприятие и презентация прошлого зависят не только от условий историко-культурного пространства, но также от ситуации, статуса и целеполагания ученого-историка. Как активные члены общества, вовлеченные в политические и идеиные конфликты, историки, производители знаний о прошлом, тоже становятся участниками политики памяти. Вместе с тем неизбежная вовлеченность историка в современную ему культуру не должна трансформироваться в откровенную политическую ангажированность, когда в исторических нарративах отобранные «факты» прошлого изображаются в соответствии с господствующей в государстве, обществе или социальной группе оптикой [12: 212], [17: 5].

И в этом плане обращение к истории истории – историографии – помогает историку сохранять независимость суждений, оставаясь в рамках профессионального производителя знаний о прошлом. Конечно, как отмечал П. Нора, всякая история является критической по своей природе, и все историки всегда претендовали на то, чтобы разоблачить ложные мифологии своих предшественников.

«Но нечто фундаментально иное возникает в тот момент, когда история начинает создавать свою собственную историю. Рождение историографической озабоченности – это стремление истории вытравить из себя все то, что не является историей» [15: 22].

Для того чтобы понять, как и зачем появляются национальные символы, как создаются социальные представления о прошлом, каковы механизмы их формирования, надо сегодня спорить не столько об истории, сколько об историографии. Особенно актуальны изучение и сопоставление национальных историографий соседних стран, что ведет к рассмотрению исторических событий и процессов в сравнительно-исторической и кросс-культурной перспективах. Совместное исследование трудных, травматических тем прошлого, конструктивный, межнациональный диалог историков должны способствовать производству действительно научного знания о прошлом и привести если не к полному согласию, то во всяком случае к взаимопониманию.

ФИНЛЯНДСКИЙ КОНТЕКСТ РУССКО-ШВЕДСКИХ ВОЙН В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Русско-шведские войны за Финляндию, как известно, начались в XII столетии и продолжались на протяжении шести веков. Память о них среди населения Финляндии формировалась финскую идентичность, чему в немалой степени способствовали национальные историки, во многом производя эту память.

С момента своего профессионального становления финляндская национальная историография, обозначая самое яркое, давала русско-шведским войнам (а затем и советско-финляндскому противостоянию) эмоциональные названия, которые очень быстро закреплялись в коллективной культурной памяти и, несомненно, способствовали росту коллективных идентичностей в тот или иной временной промежуток. Чтобы обрести свою идентичность, а затем не утратить ее, историки и политики активно прибегали к нарративам о виктимизации. Освоение и новое присвоение травматического опыта прошлого, постоянное воспроизведение его следов и симптомов оставались способом самосохранения нации и в первой половине XX века.

Одним из таких дискурсивных маркеров стало понятие *Ryssäviha* (русская ненависть). Почва для укоренения этого концепта была подготовлена усилиями историков-фенноманов, броско назвавших и с подробностями описавших бедствия прежних веков, перенесенные финским народом, которые до этого времени весьма фрагментарно и невнятно вспоминались в фольклоре и местных исторических преданиях. То есть формировавшаяся профессиональными историками

«историческая память» народа определяла те элементы прошлого, которые «воскресали» в сознании людей лишь в результате исторических изысканий, а не индивидуальных воспоминаний. Концепт *Ryssäviha* оказался очень востребованным в начале XX века, в период гражданской войны 1918 года и становления независимой Финляндии [32], [38]. Созданные же историками названия событий, отражавших противостояние финского и русского народов, закрепились в историографии и народной памяти¹.

Если обратиться к интернету, то в русском сегменте повсеместно речь идет о русско-шведских войнах разных лет. Финны же давали каждой войне свое особое название:

Русско-шведская война 1495–1497 = *Vanha viha* (Старая ненависть)

Русско-шведская война 1554–1557 = *Suuri Venäjän sota*, *Kustaa Vaasan Venäjän sota* (Великая русская война или Русская война Густава Вазы)

Русско-шведская война 1590–1595 = *Pitkä viha 1570–1595*, *25-vuotinen sota* (Долгая ненависть, 25-летняя война)

Русско-шведская война 1610–1617 = *Inkerin sota* (Ингерманландская война)

Русско-шведская война 1656–1658 = *Ruptuurisota*, *Kaarle X Kustaan Venäjän sota* (Раскольничья война, Русская война Карла X Густава)

Великая Северная война 1700–1721 = *Isovihla 1713–1721* (Большая ненависть, Великое лихолетье – период русской оккупации Финляндии)

Русско-шведская война 1741–1743 = *Pikkuvihla*, *Hattujen sota* (Малая ненависть, война «шляп»)

Русско-шведская война 1788–1790 = *Kustaa III:n sota* (Война Густава III)

Русско-шведская война 1808–1809 = *Suomen sota* (Финляндская война)².

Эти названия войн отчасти сохраняются и в современных научных изданиях [37], [39], [40].

Как же оценивались и интерпретировались эти же события в российской историографии и в какой степени они присутствуют в нашей культурной памяти?

Интерес к Финляндии имеет в России давнюю традицию, первые разрозненные сведения об этом крае можно найти уже в русской литературе и публицистике XVIII века. Но в них Финляндия еще не являлась предметом самостоятельного исследования, а рассматривалась в контексте русско-шведских отношений, что вполне соответствовало ее геополитическому статусу. Собственно Финляндией в России на-

чинают интересоваться в XIX веке, когда она становится составной частью Российской империи. Но главный интерес был сосредоточен на внутренних взаимоотношениях имперских властей с новыми подданными, а затем на так называемом «финляндском вопросе». Финляндский контекст русско-шведских отношений на протяжении двух столетий интерпретировался российскими исследователями скрупулезно, не слишком разнообразно, трансформируясь тем не менее под влиянием внешних социально-политических обстоятельств в интерпретацию и презентацию российско/советско-финляндских конфликтов.

Применительно к событиям XX века, конечно, есть что сравнивать в наших историографиях и о чем писать. Но, чем дальше вглубь веков, тем сложнее становится эта задача – в российской историографии (тем более исторической памяти) Финляндия и финляндско-российские взаимоотношения занимали чрезвычайно малое место и всегда оказывались затенены гораздо более важными и значимыми с национальной и государственной точки зрения вещами. О Финляндии в контексте русско-шведских войн отечественные историки вспоминали, как правило, лишь тогда, когда появлялась насущная потребность (социальный, политический заказ) опровергнуть те или иные оценки, противоречащие национальным интересам. Если такой необходимости не было или событие слишком далеко удалено по времени, о нем ничего не писали или упоминали вскользь.

Если финляндский аспект шведско-новгородских войн в той или иной степени все же затрагивался в исторических исследованиях [22], [23], [24], то специальные работы о русско-шведских войнах XV–XVII веков в отечественной историографии практически отсутствуют, о них вспоминают лишь в контексте более важных для России событий, таких, например, как Ливонская война или Смута. То, что в финской историографии именуется *Suuri Venäjän sota 1555–1557* (*Kustaa Vaasan Venäjän sota* – Великая русская война или Русская война Густава Вазы), в российских исторических работах если и упоминается, то лишь как прелюдия к Ливонской войне. При этом о Финляндии, для которой эта война – что видно уже из ее названия – была весьма значимой, как правило, не упоминается вовсе. Или с ошибками. П. Майков, например, великой русской войной называет войну 1495–1497 годов (*Vanha viha*) [9: 47].

Еще нагляднее это несовпадение в расстановке акцентов и приоритетов выглядит применительно к войнам второй половины XVI века. В российской историографии очень немного писали об очередной Русско-шведской войне 1590–1595 годов, итогом которой стали Тявзинский мир и изменение границы. Но для Финляндии это была долгая и мучительная война, начавшаяся еще в третий (шведский) период Ливонской войны и длившаяся 25 лет – *Pitkä viha* 1570–1595.

То же самое можно сказать и о том, что в финляндской историографии именуется *Isoviha* (*Stora ofreden*) – страшный период оккупации Финляндии русскими войсками в 1713–1721 годах в период Великой Северной войны. Российская историография занималась этим очень мало – гораздо важнее были сражения на фронтах и последствия войны. Немногочисленные обращения отечественных историков к тому, что происходило в Финляндии, можно назвать вынужденными – все они, как правило, это реакция на освещение событий в финляндской историографии и опровержение этих трактовок. Отрицание и оправдание жестокостей оккупации мы видим и в дореволюционной литературе [2], [9], и в советской историографии [25], и в постсоветской исторической прозе [27], [28], [29]. Результаты этих исследований напоминают о том, что предназначением исторических нарративов порой становится не только попытка реконструировать прошлое, но и выработка эффективных механизмов его подмены и забывания с теми или иными целями.

Как следствие, у нас мало что знают и помнят об этих событиях и сам рассказ об оккупации становится для многих шоком. Весьма показательна в этом плане история со страницей в русской Википедии о русской оккупации Финляндии 1713–1721 годов. Страница появилась под названием «Великое лихолетье», и это был перевод финской версии аналогичной статьи, основанной главным образом на публицистической работе Вильё Раута, написанной в разгар войны-продолжения в 1943 году [35]. Неизвестные ранее и эмоционально поданные факты повергли пользователей в шок, посыпались требования удалить страницу. Здравый смысл все же победил, страница была переименована («Финляндия в Северной войне»), подредактирована и оставлена, хотя, конечно, ее надо еще править и править. Но как это сделать рядовому пользователю при полном отсутствии современных отечественных исследований по теме? Нет и пе-

реводов работ, продолжающих выходить в Финляндии.

ЕСТЬ МНОГО РАЗНЫХ КАРЕЛИЙ

Оsmелимся предположить, что столь же мало современные россияне и даже жители Карелии знают об истории карельского народа.

В 1323 году Швеция и Новгород произвели первый официальный раздел земель, и финно-угорский мир, оказавшийся некоей буферной зоной между Западом и Востоком, был расколот и разобщен, продолжая сохранять при этом свою вполне узнаваемую идентичность. В более широком смысле – приграничные территории превращаются в обширную зону разлома между двумя цивилизациями Запада и Востока, между православной и католической, а затем лютеранской церквями и культурами. С другой стороны, во многих смыслах они оставались широкой контактной зоной этих культур, существовавшей вопреки российско-шведскому противостоянию.

Систематическое переселение карелов из Приладожья вглубь русских земель началось еще с XIII века, но лишь войны XVI–XVII веков существенно меняют геополитический ландшафт региона. Трагической истории карельского народа в этот период в отечественной историографии уделялось больше внимания, нежели истории Финляндии. Тем не менее в общих трудах по истории России мало кто обращался к судьбам приграничного населения, для которого события Ливонской войны стали началом большого исхода с родных земель.

В 1580 году шведскими войсками под командованием Понтуса Делагарди была захвачена территория Корельского уезда. Карельское Приладожье было опустошено: из 4 тысяч дворов жилых осталось только 440 [4: 238]. В 1583 году, согласно заключенному Плюсскому мирному соглашению, Корельский уезд перешел под власть Шведской короны и был переименован в Кексгольмский лен. С этого времени начинается активное переселение карелов из Приладожья на восток, в русские земли. Например, в Сердобольском погосте в 1583 году насчитывалось 699 опустевших дворов (дымов), а жилых – всего лишь 114; в Соломенском погосте не осталось ни одного жилого двора, так как все жители ушли в Россию [33: 11]. Только после Тявзинского мира 1595 года, когда Корельский уезд снова был включен в состав Русского государства, значительная часть переселенцев вернулась на старые места [26: 36–39].

Войны XVII века кардинально поменяли состав приграничного населения, прежде всего Карельского перешейка и Приладожья.

В российской историографии, как правило, говорят о двух русско-шведских войнах – 1610–1617 и 1656–1658 годов. Но шведскую интервенцию в Россию начала века собственно войной назвать нельзя, она осуществлялась в соответствии с договором о военной помощи Василию Шуйскому. Конечно, события Смутного времени и Столбовский мир весьма значимы для дальнейших взаимоотношений между нашими странами, но об их последствиях для приграничного населения вспоминают нечасто.

Меду тем после заключения Столбовского мира, по которому к Швеции перешли Ивангород, Копорье, Ям, Орешек и Корела, переселение карелов на территорию Русского государства принимает значительные размеры. Точных сведений нет, однако приблизительные данные можно иметь на основании указаний некоторых источников. Так, в царской грамоте 1650 года псковичам указывается, что из-за шведского рубежа на русскую сторону перебежало до 50 тысяч душ. Здесь дается общее количество переселенцев из Корельского уезда и Ижорской земли – как карелов, так и русских [30: 331–332]. Считается, что число карелов, переселившихся из Корельского уезда в Россию за первую половину XVII века, составило свыше 25 тысяч человек [7: 43]. Одной из причин нараставшего бегства на восток была активная церковная политика шведских властей: с Карельского перешейка православные приходы исчезли очень быстро.

События 1656–1658 годов на самом деле были частью так называемой Первой северной войны 1655–1660 годов, более крупного политического конфликта Швеции с Речью Посполитой, когда Россия попытала использовать ситуацию для возвращения утерянных земель. Православное население встречало наступавшие войска как освободителей и помогало им, а внутри границ шведского государства впервые со времен крестовых походов началась религиозная война³.

Шведские войска и лютеранское население одержали в итоге победу. С отходом русских из Приладожья переселение карелов в пределы Русского государства становится массовым: во время войны с отступившими русскими войсками ушло в Россию примерно 4350 карельских семей, или около 22 тысяч человек [7: 44]⁴. В российское подданство переходили не только карелы, но и финны, проживавшие вместе с карель-

ским населением. Свой переход они закрепляли принятием православной веры, причем крещение финнов оказалось столь массовым, что из-за недостатка православных священников русские не успевали крестить всех желающих [6].

Наибольшее число карелов (примерно 40 тысяч человек) оказалось в Бежецком Верхе (в Бежецком, Новоторжском, Тверском, отчасти Ярославском и Углицком уездах), получившем в дальнейшем название Тверской Карелии. Часть карелов осталась на Новгородской земле, в районах Новгорода, Валдая, Старой Руссы, Тихвина и др. [7: 45]. Большое число переселенцев обосновалось на территории современной Карелии. До середины XVII века переселение было небольшим по размерам и не могло привести к образованию в этом районе сплошного карельского населения. Собственно карельское население появилось здесь, по всей вероятности, в результате массового переселения середины XVII века [3: 38]. К сожалению, в письменных источниках процесс переселения карелов в восточную Карелию отражен очень слабо. Известно, что к началу XVII века в восточной Карелии имелось еще много незаселенных или малозаселенных пространств, главным образом в западных районах средней и северной Карелии, где обитали лишь немногочисленная лопь (саами) и незначительное число карелов. К тому же когда-то густонаселенный Олонецкий перешеек и часть Заонежских погостов в результате шведской интервенции начала XVII века оказались основательно разоренными [6]. Очевидно, что отмеченные исследователями применительно ко второй половине XVII века интенсивное восстановление экономической жизни в крае, активная разработка опустевших и освоение новых, прежде не обрабатывавшихся земель [14: 101–105], не могли бы происходить без притока рабочей силы, которой и явились карельские переселенцы. О наличии на Олонецком перешейке, в Заонежских и Лопских погостах большого количества карел-переселенцев свидетельствуют и лингвистические данные [3: 43].

Карельский перешеек к концу XVII века почти полностью сменил свое население, и дальнейшая история карельского народа, разделенного границей и расколотого на несколько ареалов расселения, уже не связана со старой племенной территорией, на которой в течение предшествовавших пяти столетий находился основной центр Карелии.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Историческое прошлое России и Финляндии неразрывно связано. Контакты и конфликты, неоднократные изменения границы, перемещение населения – неотъемлемая часть общей истории двух стран. И для Карелии, и для Финляндии эти трансформации стали существенным фактором этнополитической, социальной и экономической истории. Вместе с тем исследования и повседневная практика показывают, что население российско-финляндского порубежья не всегда располагает достоверной и аргументированной информацией, которая зачастую подменяется мифами и стереотипами. И если многие события «незапамятных времен» просто забыты, то дискуссии о советско-финляндских отношениях XX века все больше воспринимаются в современной России через призму угрозы национальной безопасности. Происходит то, что принято сегодня называть секьюритизацией истории и исторической памяти [8], [11], [20].

В 2018 году стартовал большой зонтичный российско-финляндский проект «Есть много разных Карелий / On monta eri Kargjala», инициаторами которого выступили: с российской стороны – междисциплинарные научно-образовательные центры FENNICA (ПетрГУ) и NORDICA (ИЯЛИ КарНЦ РАН), с финляндской – Карельское просветительское общество (Karjalan Sivistysseura). Главной целью проекта является знакомство жителей Финляндии и России с историей соседней страны и нашей совместной историей. Популяризация научных

исторических знаний по ключевым проблемам общей истории России и Финляндии очень важна, поскольку, только лучше узнав друг друга, люди приходят к взаимопониманию, устаревшие мифы и стереотипы сменяются объективным взаимовосприятием, а конфронтация и недоверие – конструктивным сотрудничеством. В задачи проекта входит формирование устойчивых каналов распространения научного знания: диалог специалистов с широкой аудиторией, переводы исторической литературы с русского языка на финский и с финского на русский, проведение исторических семинаров и совместных научных исследований, активное освещение и обсуждение мероприятий проекта в соцсетях и СМИ, что, на наш взгляд, должно способствовать укреплению доверия между народами России и Финляндии.

Конструктивный диалог историков обеих стран, сближение историографических школ, память об общем прошлом и осознание ценности не только своей истории могут способствовать преодолению разрушительных последствий исторического травматического опыта. Кроме того, профессиональные, базирующиеся на анализе и критическом дискурсе исторические нарративы, при широком распространении этого научного знания, способны успешно противостоять постоянно усиливающимся со стороны властных акторов попыткам секьюритизации исторической памяти и символических практик с целью закрепить в общественном сознании определенные и не всегда конструктивные трактовки прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Весьма показательным в этом плане является, например, постоянное возвращение финляндских историков к теме русской оккупации Финляндии во время Великой Северной войны именно в самые сложные периоды наших отношений. См.: Gummerus J. Muistelmia Ison vihan ajoilta. Helsinki: Gummerus, 1913; Lindeqvist K. O. Isonvihan aika Suomessa. Porvoo: WSOY, 1919; Cajander K. A. Isonvihan ajoilta Uudessakaupungissa. Uusikaupunki: Helmer Winter, 1931; Rauta V. Isoviha. Helsinki: Sanatar, 1943.

² Точный перевод этих названий на русский язык сложен, тем более что некоторые из них появились еще в XIX веке изначально на шведском языке. Устоявшимся в российской историографии можно назвать только вольный перевод понятия Isoviha – Великое лихолетье, данный авторами рубежа XIX–XX веков.

³ Отсюда и название войны – *Rupturisota* от слова *ruptuuri/terävä* ‘разрыв, разлом’, в данном случае религиозный раскол.

⁴ Следует отметить, что в финляндской литературе приводятся иные цифры карельского исхода: до войны 1656–1658 гг. из Кексгольмского лена ушло в Россию около 11 тыс. человек, в годы войны еще примерно 15 тыс. Всего из захваченной шведами Карелии в XVII в. бежало свыше 30 тыс. жителей (Kirkkinen, H., Nevalainen, P., Sihvo, H. Karjalan kansan historia. Helsinki: WSOY, 1994. S. 167; русский перевод: Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: Б.и., 1998. С. 129–131). См. также: Saloheimo V. Entisen esivallan alle uusille elosijoille. Ortodoksikarjalaisten ja inkeroisten poismuutto 1500- ja 1600-luvuilla. Joensuu: Pohjois-Karjalan historiallinen yhdistys, 2010. 218 s.; Laasonen P. Novgorodin imu. Miksi ortodoksit muuttivat Käkisalmen lännistä Venäjälle 1600-luvulla? Helsinki: SKS, 2005. 171 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 323 с.
2. Бородкин М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб.: Государственная тип., 1910. 337 с.
3. Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск: Госиздат К-Ф ССР, 1947. 53 с.
4. Гадзяцкий С. С. Карелия и Южное Приладожье в войне 1656–58 гг. // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 236–281.
5. Ефременко Д. В., Малинова О. Ю., Миллер А. И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. Вып. 5. С. 128–140.
6. Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск: Госиздат К-Ф ССР, 1956 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/perkar/perkar0.htm> (дата обращения 15.03.2021).
7. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983. 288 с.
8. Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 315 с.
9. Майков П. М. Финляндия: История и культура. Ее прошедшее и настоящее. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. «Рассвет» М. М. Стасюлевича, 1911. 552 с.
10. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Под ред. А. И. Миллера и Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 223 с.
11. Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. М.: НЛО, 2012. С. 7–32.
12. Миллер А. И. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое. The new past. 2020. № 1. С. 210–217.
13. Миллер А., Липман М. Политика памяти в 21 веке. М.: НЛО, 2012. 646 с.
14. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии в XVI–XVII вв. Петрозаводск: Госиздат К-Ф ССР, 1947. 175 с.
15. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
16. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: Коллективная монография / Под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.
17. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: Коллективная монография / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
18. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003. 631 с.; Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2006. 751 с.
19. Савельева И. М., Полетаев А. В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 63–88.
20. Севастьянова Я. В., Ефременко Д. В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. 2020. № 2. С. 66–86.
21. Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». М.: Интер-Версо, 1991. 272 с.
22. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. М.: Наука, 1987. 177 с.
23. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 245 с.
24. Шаскольский И. П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII – начало XIV вв. Петрозаводск: Карелия, 1987. 146 с.
25. Шаскольский И. П., Беспятых Ю. Н. Россия и Финляндия в годы Северной войны (1700–1721) // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1985. С. 12–33.
26. Шаскольский И. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск: Госиздат К-Ф ССР, 1950. 168 с.
27. Широкорад А. Б. Северные войны России. М.: АСТ; Мин.: Харвест, 2001. 43 с.
28. Шварцов А. По закону и казачьему обыкновению. К вопросу о «геноциде и военных преступлениях» казачества в Финляндии во время шведско-русских войн XVIII–XIX вв. Хельсинки: RME Group Oy, 2008. 304 с.
29. Шварцов А. Северная война (1700–1721 гг.): Донское казачество на прибалтийском театре. Хельсинки: RME Group Oy, 2009. 100 с.
30. Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М.: Унив. тип., 1897. 493 с.
31. Канкаанпää М. J. Suuri Pohjansota, Isoviha ja suomalaiset. Jyväskylä: Virrat, 2001. 464 с.
32. Кагемаа О. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä: venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1998. 221 с.
33. Karttunen U. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932. 348 с.
34. Kirkkinen H., Nevalainen P., Sihvo H. Karjalan kansan historia. Porvoo: WSOY, 1994. 605 с.
35. Lindeqvist K. O. Isonvihan aika Suomessa. Porvoo: WSOY, 1919. 727 с.

36. Rauta V. Isovihä. Helsinki: Sanatar, 1943. 187 s.
37. Suomen historian pikkujätiläinen. Porvoo: WSOY, 2003. 960 s.
38. Vihavainen T. Ryssäviha. Venäjän pelon historia. Helsinki: Minerva, 2013. 322 s.
39. Vilkkuna K. H. J. Viha: perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. 623 s.
40. Vilkkuna K. H. J. Paholaisen sota. Helsinki: Teos, 2006. 352 s.

Поступила в редакцию 25.01.2021; принята к публикации 16.04.2021

Original article

Irina R. Takala, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6487-9358; irina.takala@onego.ru

FINNISH AND KARELIAN CONTEXTS OF RUSSO-SWEDISH WARS: ADDRESSING THE PROBLEM

A b s t r a c t. The Finnish and Karelian contexts of the Russo-Swedish wars have been very poorly studied in Russian historiography. The author analyzes this situation and draws attention to the need to study and compare the national historiographies of Russia and Finland in order to examine historical events and processes from the comparative historical and cross-cultural perspectives. According to the author, the joint approach by historians from both countries to the regional and local dimensions of the “history-memory-trauma” triad could help to overcome the devastating consequences of historical traumatic experiences and adjust national grand narratives, as well as mitigate the threats of history securitization.

Key words: Russia, Finland, Karelia, Russo-Swedish wars, historiography, politics of history, politics of memory

For citation: Takala, I. R. Finnish and Karelian contexts of Russo-Swedish wars: addressing the problem. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):78–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.621

REFERENCES

1. Assmann, A. Long shadow of the past. Memorial culture and historical politics. Moscow, 2014. 323 p. (In Russ.)
2. Borodkin, M. History of Finland. The time of Peter the Great. St. Petersburg, 1910. 337 p. (In Russ.)
3. Bubrikh, D. V. The origin of the Karelian people. Petrozavodsk, 1947. 53 p. (In Russ.)
4. Gadzhatsky, S. S. Karelia and the Southern Ladoga region during the war of 1656–58. *Historical notes*. Vol. 11. Moscow, 1941. P. 236–281. (In Russ.)
5. Efremenko, D. V., Malinova, O. Yu., Miller, A. I. Politics of memory and historical science. *Russian History*. 2018;5:128–140. (In Russ.)
6. Zherbin, A. S. Migration of Karelians to Russia in the XVII century. Petrozavodsk, 1956. Available at: <http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/perkar/perkar0.htm> (accessed 15.05.2021). (In Russ.)
7. Karelians of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic. Petrozavodsk, 1983. 288 p. (In Russ.)
8. Koposov, N. E. High-security memory. History and politics in Russia. Moscow, 2011. 315 p. (In Russ.)
9. Maiakov, P. M. Finland: History and culture. Its past and present. 2nd Ed. St. Petersburg, 1911. 552 p. (In Russ.)
10. Methodological issues of the study of memory policy: Collection of research papers. (A. I. Miller, D. V. Efremenko, Eds.). Moscow, St. Petersburg, 2018. 223 p. (In Russ.)
11. Miller, A. I. Historical politics of Eastern Europe in the XXI century. *Historical politics in the XXI century: Collection of articles*. Moscow, 2012. P. 7–32. (In Russ.)
12. Miller, A. I. The policy of remembrance in strategies of formation of national and regional identities in Russia: actors, institutions and practices. *The New Past*. 2020;1:210–217. (In Russ.)
13. Miller, A., Lipman, M. Politics of memory in the XXI century. Moscow, 2012. 646 p. (In Russ.)
14. Muller, R. B. Essays on the history of Karelia in the XVI–XVII centuries. Petrozavodsk, 1947. 175 p. (In Russ.)
15. Nora, P. The problematics of memory spaces. St. Petersburg, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
16. The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives: Collective monograph (A. I. Miller, D. V. Efremenko, Eds.). St. Petersburg, 2020. 632 p. (In Russ.)

17. Past for present: History-memory and narratives of national identity: Collective monograph. (L. P. Repina, Ed.). Moscow, 2020. 464 p. (In Russ.)
18. Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. Knowledge of the past: theory and history: In 2 vols. Vol. 1: Constructing the past. St. Petersburg, 2003. 631 p.; Vol. 2: Images of the past. St. Petersburg, 2006. 751 p. (In Russ.)
19. Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. The benefits and harm of presentism in historiography. "Chain of times": *Problems of historical consciousness*. Moscow, 2005. P. 63–88. (In Russ.)
20. Sevastyanova, Ya. V., Efremenko, D. V. Securitization of memory and dilemma of mnemonic security. *Political Science*. 2020;2:66–86. (In Russ.)
21. Hobbaum, E. Echoes of the Marseillaise. Moscow, 1991. 272 p. (In Russ.)
22. Shaskolsky, I. P. The struggle of Russia for the preservation of access to the Baltic Sea in the XIV century. Moscow, 1987. 177 p. (In Russ.)
23. Shaskolsky, I. P. The struggle of Russia against the Crusader aggression on the shores of the Baltic Sea in the XII–XIII centuries. Leningrad, 1978. 245 p. (In Russ.)
24. Shaskolsky, I. P. The struggle of Russia against the Swedish expansion in Karelia in the late XIII and the early XIV centuries. Petrozavodsk, 1987. 146 p. (In Russ.)
25. Shaskolsky, I. P., Bespyatkh, Yu. N. Russia and Finland in the years of the Northern War (1700–1721). *Proceedings of the VIII Soviet-Finnish Symposium of Historians*. Leningrad, 1985. P. 12–33. (In Russ.)
26. Shaskolsky, I. The Swedish intervention in Karelia at the beginning of the XVII century. Petrozavodsk, 1950. 168 p. (In Russ.)
27. Shirokorad, A. B. Northern Wars of Russia. Moscow; Minsk, 2001. 43 p. (In Russ.)
28. Shkvarov, A. By law and the Cossack traditions. "Genocide and war crimes" committed by the Cossacks in Finland during the Swedish-Russian Wars of the XVIII and the XIX centuries. Helsinki, 2008. 304 p. (In Russ.)
29. Shkvarov, A. The Northern War (1700–1721): The Don Cossacks in the Baltic Theater. Helsinki, 2009. 100 p. (In Russ.)
30. Yakubov, K. I. Russia and Sweden in the first half of the XVII century. Moscow, 1897. 493 p. (In Russ.)
31. Kankaanpää, M. J. Suuri Pohjansota, Isovihja ja suomalaiset. Jyväskylä, 2001. 464 s.
32. Karemaa, O. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä: venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki, 1998. 221 s.
33. Karttunen, U. Sortavalan kaupungin historia. Sortavala, 1932. 348 s.
34. Kirkkinen, H., Nevalainen, P., Sihvo, H. Karjalan kansan historia. Porvoo, 1994. 605 s.
35. Lindeqvist, K. O. Isonvihan aika Suomessa. Porvoo, 1919. 727 s.
36. Rauta, V. Isovihja. Helsinki, 1943. 187 s.
37. Suomen historian pikkujätiläinen. Porvoo, 2003. 960 s.
38. Vihavainen, T. Ryssäviha. Venäjän pelon historia. Helsinki, 2013. 322 s.
39. Vilkuna, K. H. J. Viha: perikato, katkeruuus ja kertomus isostavihasta. Helsinki, 2005. 623 s.
40. Vilkuna, K. H. J. Paholaisen sota. Helsinki, 2006. 352 s.

Received: 25 January, 2021; accepted: 16 April, 2021

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ТОЛСТИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

a_tolstikov@mail.ru

КАТОЛИЧЕСКИЕ И ЛЮТЕРАНСКИЕ КЛИРИКИ В СОСТАВЕ ШВЕДСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ МИССИЙ В РОССИЮ В XVI ВЕКЕ

Аннотация. Проанализировано участие представителей духовенства в шведских дипломатических миссиях в Россию в конце Средневековья и начале раннего Нового времени. Показано, что до 1530-х годов клирики (преимущественно каноники) регулярно включались в шведские посольства в Россию. Это отвечало общему уровню развития дипломатии в Швеции, правители которой нередко давали важные дипломатические поручения в том числе епископам. Однако в составе посольств в Россию епископы, напротив, появились впервые во второй половине XVI века, когда соответствующая практика на других внешнеполитических направлениях почти сошла на нет. Высказывается предположение, что причиной в данном случае могло быть стремление использовать высокий статус духовного лица как дополнительный символический ресурс в сложных дипломатических ситуациях (прежде всего посольства Лаврентиуса Петри и Микаэля Агриколы, а также Павла Юстена). Кроме того, подтверждается, что на протяжении всего рассмотренного периода среди исполнявших дипломатические миссии в России клириков явно преобладали (пусть и не абсолютно) представители именно финляндского духовенства.

Ключевые слова: Россия, Финляндия, Швеция, дипломатия, церковь, Средние века, раннее Новое время
Благодарности. Благодарю за консультации и помоиъ в поиске литературы С. И. Лучицкую, Ю. Г. Шикалова и С. Г. Яковенко.

Для цитирования: Толстиков А. В. Католические и лютеранские клирики в составе шведских дипломатических миссий в Россию в XVI веке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 87–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.622

ВВЕДЕНИЕ

«Все добрые [люди], особенно почтенный упсальский капитул, сильно сокрушились из-за того, что их первосвященник оскорблен столь возмутительным образом, ибо они знали, что это посольство в Москвию есть не что иное, как путь к вернейшей смерти»¹. Так говорится в «Истории Упсальской митрополии», составленной знаменитым Иоанном Магнусом (как указано на титульном листе – в 1536 году в Данциге), а затем отредактированной и напечатанной его еще более знаменитым братом, Олаусом, в Риме в 1557 году. Процитированный пассаж касается нереализовавшихся планов короля Швеции Густава Васы отправить архиепископа Иоанна послом в Россию в 1526 году и ярко отражает чувства, которые, как можно полагать, испытывал в связи с поручением сам Иоанн. Вероятно, под приведенными словами был готов подписатьсь и другой представитель шведского – но уже

лютеранского – духовенства, посетивший Москвию в составе дипломатической миссии примерно сорок пять лет спустя, абоский епископ Павел Юстен. Его поездка является, пожалуй, наиболее известным (и наиболее драматическим) примером участия шведского клирика в посольстве в Россию. Нередко в этой связи также вспоминают другого абоского епископа Микаэля Агриколу, который побывал в 1557 году в Москве вместе с самим упсальским архиепископом Лаврентиусом Петри и умер на обратном пути. Комментируя назначение Юстена или Агриколы, исследователи обычно упоминают, что для Швеции в XVI веке отправка послами в Россию клириков, прежде всего из Финляндии (представители которой вообще практически постоянно привлекались для осуществления дипломатических контактов с восточным соседом), не была чем-то из ряда вон выходящим, но в лучшем случае ограничиваются одним-двумя примерами². Одна-

ко насколько широко была распространена такая практика (особенно если учитывать не только епископов)? Что известно о других представителях шведского духовенства, исполнявших дипломатические обязанности в Московии? Есть ли у нас основания считать, что статус духовного лица играл какую-то особую роль при выборе посла в Россию? На мой взгляд, попытка поискать ответы на поставленные вопросы и как минимум обобщить имеющиеся сведения на этот счет будет небесполезной в контексте истории российско-шведских отношений в богатом событиями XVI столетии.

* * *

Прежде всего отметим, что, по крайней мере, в первые три десятилетия XVI века (то есть примерно до Реформации, начало которой в Швеции отсчитывают обычно с Вестеросского риксдага 1527 года³) шведские правители активно посыпали представителей духовенства с дипломатическими поручениями отнюдь не только в Россию. Если исключить поездки по церковным делам к папскому двору, то из католических деятелей дипломатические миссии в начале XVI века исполняли, например: будущий линчёпингский епископ и борец с «лютеранской ересью» (происхождение которой он, кстати, связывал с русским православием⁴) Ханс Бриск (1464–1538) – в 1506 году он еще в статусе линчёпингского соборного пробста участвовал в неудачном шведском посольстве в Данию [26]; Эрик Свенссон (1470-е годы – не позднее 1541), который до избрания абоским епископом (1523), будучи деканом линчёпингского капитула, ездил в Данию и ганзейские города по заданию регента Сванте Нильссона Стуре (а, кстати, на посту абоского епископа в 1523–1527 годах обеспечивал в том числе и поддержание контактов с Россией) [10]; Хемминг Гад (ок. 1450–1520) – в 1510–1512 годах он, являясь в тот период избранным епископом (*electus*) Линчёпинга, возглавлял шведское посольство в Любек, а упомянутый Эрик Свенссон находился при нем как его помощник [11]; стренгнесский епископ Маттиас Грегерссон (Лилье) (ум. 1520) и стренгнесский же архидиакон Йорген Нильссон, которые в 1512 году входили в шведскую делегацию на переговорах с датским и норвежским королем Хансом⁵; Педер Якобссон (Суннанведер) (ок. 1470–1527) – в начале 1520 года, когда он был канцлером регента Стена Стуре Младшего и одновременно занимал должности настоятеля прихода в Стокгольме и декана вестеросского капитула, шведский пра-

витель уполномочил его вести переговоры о союзе с польским королем и ганзейскими городами (правда, выехал Педер Якобссон в Данциг и затем в Польшу уже после гибели регента, случившейся в феврале 1520 года) [33]; Магнус Харальдссон (ок. 1480 – вероятно, 1550) – летом 1523 года, вскоре после его избрания скарским епископом (1522), Густав Васа, сам только что избранный королем, отправил его с миссией в Норвегию [27]; наконец, упомянутые выше братья Иоанн и Олаус Магнусы выполняли дипломатические поручения Густава Васы до окончательного разрыва с ним (Иоанн, уже архиепископ, ездил в 1525 году в Любек, а в 1526 году вместо России отправился в Польшу [20]; Олаус, будучи стренгнессским соборным пробстом, в 1525 году помогал брату вести переговоры в Любеке, а впоследствии, еще в самом конце 1520-х годов, то есть после Вестеросского риксдага, ездил по делам короля в Нидерланды и Польшу [8]).

Очевидно, образование (в частности, знание латыни и вообще элементарная грамотность – см. ниже историю с капелланом Кнута Эрикссона в 1524 году), а также международные связи клириков были весьма востребованы на первых этапах становления раннемодерного шведского государства. Однако складывается впечатление, что где-то с середины 1530-х годов, вероятно в связи с профессионализацией и изменениями в административном аппарате, спрос на компетенции церковных деятелей в дипломатической сфере заметно снизился. Во всяком случае, для лютеранского периода, если исключить российское направление внешней политики, мне известны всего несколько примеров исполнения шведскими клириками миссий дипломатического характера: во-первых, Свено Якоби (ум. ок. 1554) неоднократно, как будучи еще скарским соборным пробстом, в 1528 году, так и уже после избрания скарским епископом (1529), в 1530–1534 годах, представлял Густава Васу на переговорах с датчанами [38]; во-вторых, состоявший на рубеже 1520–1530-х годов на королевской службе Николаус Магни (ум. 1543), который получил сначала упсалский каноникат, а позже преображен в Або, в 1533 году выполнял некоторые дипломатические поручения Густава Васы в отношении Любека [23]; в-третьих, много позднее, летом 1608 года – за год до своего избрания архиепископом – Петрус Кенициус (1555–1636), тогда только что назначенный стренгнесским епископом (должность, в которую он так и не успел вступить), ездил в составе шведского посольства в Лифляндию (переговоры имели целью, в част-

ности, заключение мира с Речью Посполитой) [22]. На мой взгляд, на этом фоне, даже с учетом вероятной неполноты сведений, участие клириков, особенно епископов и даже архиепископа, в шведских миссиях в Россию во второй половине XVI века выглядит хотя и не абсолютным исключением, но все же нетипичным явлением⁶.

Вообще говоря, уже в связи с заключением первого известного нам договора Швеции с Новгородом, Ореховецкого мира (1323), упоминается участие со шведской стороны некоего «попа Вымундера» (так он назван в позднем русском списке XVII века, в несколько более раннем латинском списке конца XV века – «sacerdos Wæmundus», в шведоязычной версии 1537 года – «herra Wædmunder prestir»). У. С. Рюдберг допускал его отождествление с линчёпингским каноником Вемундом (*Væmundus canonicus lincopensis*), фигурирующим в одном документе 1338 года (правда, Рюдберг считал линчёпингского епископа Карла (ум. 1338), в интересах которого действовал этот Вемунд, братом Петера Юнсона, или «Петра Юншина», – другого участника заключения договора в Орешке; их родство, однако, не доказано, что делает отождествление двух Вемундов ненадежным)⁷.

Когда в конце XV века, уже после присоединения Новгорода, в совершенно иных условиях, российско-шведские дипломатические контакты активизировались, среди послов Швеции опять стали появляться клирики. В 1470-е и в начале 1490-х годов я подобных примеров не знаю – хотя, например, на рубеже 1480–1490-х годов Магнус Николай (Шернкорс), или по-фински Мауну Сяркилахти (ум. 1500), абоский епископ с 1490 года, был глубоко вовлечен в отношения с Россией и считал противостояние ей важнейшим делом (в годы войны 1495–1497 годов он занимался организацией обороны Финляндии) [12], [28]. Но в 1497 году в число заключавших шестилетнее перемирие послов входили «Gregorius Johannis, canonicus Aboensis» и «Ciprianus Andree filius in Perno» (по всей видимости, настоятель финляндского прихода Перно, или по-фински Перная)⁸ – правда, к сожалению, мне не удалось найти о них никаких дополнительных сведений.

В 1504 году упсальский каноник Йонс Лаурентий (ум. после 1537) ездил послом в Новгород для переговоров о мире и вернулся оттуда в Финляндию в конце июля, то есть прежде заключения в сентябре того же года российско-шведского договора о перемирии на двадцать лет, – его заключили другие послы, прибывшие от нового регента Сванте Нильссона Стуре чуть позже

Йонса; он обвинял их в излишней уступчивости русским⁹.

Абосский каноник, архиdiакон Паулюс Шель (ок. 1465–1516), кстати прежде служивший секретарем у упомянутого выше епископа Магнуса Николая (Мауну Сяркилахти), представлял Швецию на переговорах, впервые в истории отношений двух стран прошедших в Москве и завершившихся в марте 1510 года шестидесятилетним перемирием (которое, впрочем, все равно по традиции было заключено между Швецией и Новгородом)¹⁰.

В 1513 году абоский каноник Арвидус Петри Лилле (упоминается в 1498–1520 годах) был одним из послов, подтверждавших в Новгороде то же самое перемирие в связи с избранием в Швеции нового регента – Стена Стуре Младшего¹¹. Интересно, что на представителях рода Лилле (позднее Вильдеманы) в XVI веке держалась военная организация в Финляндии, один из них, Тённе Улофссон, участвовал впоследствии в миссии Павла Юстена, а его сын, Арвид Тённесон (ок. 1570–1617), сыграл важнейшую роль в российско-шведских отношениях периода Смуты и подписал Столбовский договор 1617 года¹². В состав того же посольства 1513 года входил и другой клирик – настоятель упомянутого выше прихода Перно в Финляндии Бартоломей (Бертиль), который в тексте договора назван капелланом. В источниках он упоминается еще в 1525 году. Именно в приходе Перно находилась деревня Турсбю, где примерно в 1507–1510 году родился Микаэль Агрикола – для него Бартоломей должен был быть первым учителем латыни¹³.

В 1524 году, при очередном продлении (теперь от имени Густава Васы) все того же шестидесятилетнего перемирия в Новгороде (до Москвы шведам в тот раз доехать не позволили), среди послов опять был абоский каноник – архидиакон Иоанн (ум. 1547), будущий соборный пробст. Главой посольства считался Кнут Эрикссон (Курк), который по причине неграмотности оказался не в состоянии поставить подпись под договором, что за него сделал его капеллан Иоанн Эразми – возможно, небезызвестный ректор городской школы в Выборге, у которого в 1520-е годы учился Микаэль Агрикола (именно Иоанн, став секретарем абоского епископа Мартина Шютте в 1528 году, взял с собой талантливого ученика, занявшего после его смерти уже в следующем году эту должность)¹⁴. Капеллан Иоанн Эразми не был послом, но, как видим, не просто сопровождал миссию, а даже способство-

вал ее успешному окончанию. Вообще говоря, стоит помнить, что помимо наделенных официальными полномочиями клириков, о которых здесь идет речь, в свите послов могли находиться и другие священники (см. ниже о посольстве 1557 года).

В 1526 году, как уже было сказано, возник план отправить в Россию архиепископа Иоанна Магнуса – впервые, насколько можно судить, для дипломатической миссии на восточном направлении был выбран столь высокопоставленный церковный деятель. Выбор кандидатуры, возможно, отчасти объяснялся тем, что речь шла не о двусторонних отношениях, но об участии в большом проекте Римской курии: папский посол Джан Франческо да Потенца (ум. 1528), незадолго до того проведший расследование «Стокгольмской кровавой бани» (1520) и назначенный в 1523 году скарским епископом (хотя реально занять эту шведскую кафедру ему так и не довелось), ехал в Москву, чтобы мирить великого князя Василия Ивановича с королем польским и великим князем литовским Сигизмундом и с Густавом Васой, а также добиваться воссоединения католической и православной церквей. Густаву было предложено отправить своего представителя, и он сначала выбрал Иоанна Магнуса. Но, как мы помним, затем планы короля поменялись, для архиепископа нашлось другое важное поручение в Польше, и в Москву Иоанн, к своей радости, не поехал (в отличие, кстати, от Джан Франческо да Потенцы, который в итоге провел там переговоры с другим шведским послом, Эриком Флемингом – того пропустили в российскую столицу) [3: 343–363], [18: 42, 45], [25].

Следующее известие о дипломатической миссии шведского клирика в Россию относится к лету 1556 году, когда грамоту с предложением начать мирные переговоры (с 1555 года шла российско-шведская война) доставил в Москву «Кнут Иванов» – член абоского соборного капитула Кнут Юханссон, или, в латинизированной форме, Канутус Иоаннис (ок. 1505–1564), будущий второй по счету выборгский епископ (*ordinarius*) (с 1563 года). В адресованных российским властям грамотах Канутус был, как подчеркивают исследователи, в чисто дипломатических целях, назван соборным пробстом: «...отпустили к вам... маистра Кнута, учителя советного в нашем граде Абове, а по свейски имянуетца домпрост...»¹⁵. Очевидно, предполагалось, что подобный статус послужит дополнительной защитой для гонца.

В 1557 году для мирных переговоров в Москву прибыло уже упоминавшееся посольство, в которое входили сам архиепископ Лаврентиус Петри (1499–1573) и абоский епископ Микаэль Агрикола (ок. 1507–1510 – 1557). Помимо того, что это вообще первый известный случай реального участия шведских епископов в миссиях в Россию (притом в период, когда они уже не использовались на дипломатической службе так же часто, как в первые десятилетия XVI века), одновременное назначение сразу двух столь высокопоставленных церковных деятелей является беспрецедентным (кстати, при каждом из них еще были капелланы, так что общее число священников в составе миссии было необычно большим). Ни у Лаврентиуса Петри, ни у Агриколы не было никакого дипломатического опыта. Хотя, разумеется, в случае с Агриколой его знакомство с положением дел в Финляндии могло играть определенную роль, я бы не стал сбрасывать со счетов его епископский сан. По всей вероятности, предполагалось, что высокий духовный статус сразу у двух членов посольства сам по себе поможет вести трудные переговоры с московитами, вообще придающими слишком большое значение иерархии (кстати, одновременно король предпринял попытку изменить унижавший его – бывший одним из поводов к войне 1555–1557 годов – обычай заключать все договоры со Швецией формально от имени новгородских наместников: именно тогда, в 1556 году, было создано Финляндское герцогство, его предлагалось сделать своего рода «буферным образованием», которое можно было бы поставить на один уровень с Новгородом и передать ему все основные контакты с Россией; но в тот момент изменить дипломатическую практику не удалось, и договор в 1557 году был опять заключен от имени Новгорода)¹⁶. При назначении Лаврентиуса Петри могло также учитываться, что с 1504 года именно упсальский архиепископ выступал со шведской стороны наряду с регентами, а затем королями страны одним из официальных лиц, утверждавших договоры с Россией (он должен был на них «руку дати», как говорилось в русских документах). Вероятно, эта его роль (исполнить которую, кстати, Лаврентиусу Петри довелось и уже после возвращения из посольства, в 1562 году) могла дополнительно повышать статус архиепископа в глазах российской стороны.

Возможно, опыт отправки послами в Россию епископов был признан удачным, поскольку вскоре, в 1561 году, уже Эрик XIV (Густав Васа умер в 1560 году) включил в состав

очередной миссии для обновления договора о перемирии линчёпингского епископа Эрика Фалька (1510-е годы – 1570). Это могло быть знаком доверия, которое новый король испытывал к епископу. Но стоит обратить внимание на то, что, как и в случае с Лаврентиусом Петри и Агриколой, неизвестны никакие другие посольские поездки епископа Эрика. В то же время к тогдашнему абоскому епископу Петрусу Николаю Фоллингиусу (занимал кафедру в 1558–1563 годах), которого тоже вполне можно в той ситуации представить в роли послы в Россию, король относился не без подозрений (кстати, родом Фоллингиус был из того же Линчёпинга, где до перевода в Финляндию руководил кафедральной школой)¹⁷. Любопытно, что сын епископа Эрика, тоже Эрик (Готус) (ок. 1554 – ок. 1606), впоследствии стал католиком, вошел в число приближенных короля Юхана III и издал в 1582 году в Вене пропагандистское сочинение, воспевавшее отнятие шведами у русских Нарвы в 1581 году [17], [29: 42–44].

Наконец, последний (печально) известный пример исполнения шведским клириком дипломатической миссии в России связан с посольством абоского епископа Павла Юстена (ум. 1576) в 1569–1572 годах¹⁸. В литературе подчеркивается, что Юстен был назначен главой миссии лишь постольку, поскольку из двух других намеченных кандидатов один был болен, а второй слишком стар [1: 19, 27]. Это, однако, на мой взгляд, не означает, что при рассмотрении кандидатуры Юстена его епископский сан (наряду со знанием положения дел в Финляндии) не играл никакой роли, особенно если вспомнить, что у него, как и у трех остальных епископов, ездивших послами в Россию, не имелось дипломатического опыта. Возможно, неслучайно, что, как и в 1557 году (хотя и не как в 1561-м), ситуация в российско-шведских отношениях была очень напряженной – с самого начала было ясно, что посольство будет трудным, и не стоило пренебрегать таким символическим ресурсом, как статус епископа. Печальный же итог миссии мог рассматриваться как доказательство неэффективности такого подхода¹⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, вырисовывается следующая картина. Во-первых, до 1530-х годов, особенно в католи-

ческий период, клирики – обычно каноники – регулярно (хотя и не обязательно) включались в состав шведских посольств в Россию. Вероятно, на данном направлении внешней политики Швеции, как и на остальных в то время, были востребованы грамотность (прежде всего латинская), а также международные связи клириков. План отправки с дипломатической миссией в Москву архиепископа Иоанна Магнуса в 1526 году выглядит скорее исключением, возникшим не в собственно российско-шведском, а в более общем европейском контексте. Однако во второй половине столетия, когда в целом шведская дипломатия, насколько можно судить, практически перестала прибегать к отправке высокопоставленных церковных деятелей послами в другие страны, в состав посольств в Россию, напротив, впервые стали включать епископов. Едва ли тут можно говорить о развитии традиции предшествующего периода. Более вероятным объяснением кажется стремление использовать высокий статус духовного лица как дополнительный символический ресурс в сложных дипломатических ситуациях (по крайней мере, в случае с посольствами 1557 и 1569–1572 годов; на подобное использование указывает как будто и именование Кнута Юханссона в 1556 году соборным пробстом). Впрочем, назначение линчёпингского епископа Эрика Фалька в 1561 году не вписывается в эту модель и должно, вероятно, объясняться каким-то другими причинами.

Во-вторых, на протяжении всего рассмотренного периода среди исполнявших дипломатические миссии в России клириков явно преобладали (пусть и не абсолютно) представители именно финляндского духовенства, которые к тому же были связаны друг с другом разнообразными личными связями. Очевидно, подобные связи, которые были тем сильнее, что со Средневековья церковные должности в Финляндии заполнялись главным образом местными уроженцами [2: 15–16], сказывались в самых разных сферах, включая сферу отношений с восточным соседом. В результате в этом сравнительно тесном кругу лиц, вероятно, распространялись и разные не очевидные для нас знания и навыки, в том числе дипломатические, которые должны были ценить в финляндцах правители шведского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Historia Pontificum Metropolitanae Ecclesiae Vpsalensis in Regnis Svetiae et Gothiae Diligentia Sedis Apostolicae Legati Ioannis Magni Gothi Primatis et Archiepiscopi eiusdem Ecclesiae Vpsalensis anno Domini M. D. XXXVI.

- Gedani obiter collecta // Scriptores rerum Svecicarum medii aevi / Ed. C. Annerstedt. Upsaliae: Edwardus Berling, 1876. T. III. Sectio posterior. P. 79. Available at: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/56338> (accessed 30.04.2021). Об этом труде см.: [18: 78–94].
- ² См., в частности: [1: 7], [31: 79].
- ³ Обзор мнений современных исследователей относительно роли Вестеросского риксдага см.: [5: 84–89].
- ⁴ См. об этом: [5: 44–45].
- ⁵ DF 5575. 23.4.1512 // Diplomatarium Fennicum. Available at: <http://df.narc.fi/document/5575> (accessed 30.04.2021); [14].
- ⁶ Ср. оценку В. Тама, автора обзорной работы по истории внешней политики Швеции: при сыновьях Густава Васы (то есть в 1560–1611 годах) с Россией «дипломатические контакты осуществлялись в архаичных формах, которые между прочим требовали участия высокопоставленных церковных деятелей» [32: 10].
- ⁷ Sveriges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande hadlingar / Utg. af O. S. Rydberg. Stockholm: P. A. Norstedt & Söner, 1877. Första delen. 822–1335. S. 442, 448, 459; SDHK 4421. 20.06.1338 // Riksarkivet. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sdhk?EndastDigitalisering=false&SDHK=4421> (accessed 30.04.2021); [9].
- ⁸ DF 4734. 3.3.1497 // Diplomatarium Fennicum. Available at: <http://df.narc.fi/document/4734> (accessed 30.04.2021).
- ⁹ DF 5046. 1504 // Diplomatarium Fennicum. Available at: <http://df.narc.fi/document/5046> (accessed 30.04.2021); DF 5063. 14.9.1504 // Diplomatarium Fennicum. Available at: <http://df.narc.fi/document/5063> (accessed 30.04.2021); [13].
- ¹⁰ DF 5446. 3.1510 // Diplomatarium Fennicum. Available at: <http://df.narc.fi/document/5446> (accessed 30.04.2021); [24].
- ¹¹ DF 5644. 30.3.1513 // Diplomatarium Fennicum. Available at: <http://df.narc.fi/document/56444> (accessed 30.04.2021); DF 5652. 5.1513 // Diplomatarium Fennicum. Available at: <http://df.narc.fi/document/5652> (accessed 30.04.2021).
- ¹² См. о нем: [19: 119–133], [21].
- ¹³ DF 5644. 30.3.1513 // Diplomatarium Fennicum. Available at: <http://df.narc.fi/document/5644> (accessed 30.04.2021); DF 5652. 5.1513 // Diplomatarium Fennicum. Available at: <http://df.narc.fi/document/5652> (accessed 30.04.2021); [7: 396], [34], [2: 241].
- ¹⁴ DF 6159. 3.4.1524 // Diplomatarium Fennicum. Available at: <http://df.narc.fi/document/6159> (accessed 30.04.2021); об Иоанне Эразми – ректоре Выборгской школы см.: [4: 27], [2: 242].
- ¹⁵ Сборник Русского исторического общества. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1910. Т. 129. С. 9; [35].
- ¹⁶ О миссии 1557 года и особенно участии в ней Агриколы см. прежде всего недавнюю публикацию К. Таркиайнена: [30]. Впрочем, стоит отметить, что в той ее части, где автор описывает Россию эпохи Ивана Грозного, довольно много, мягко говоря, неточностей.
- ¹⁷ Сборник Русского исторического общества. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1910. Т. 129. С. 83–105; [16], [36].
- ¹⁸ О самом Павле Юстене и о его посольстве см., в частности: [6], [2: 341–421], [15], [37] и др.
- ¹⁹ Ср.: «После Юстена шведская корона перестала использовать епископов Турку в качестве послов и дипломатов, и вполне возможно, что причиной этому послужила драматическая история посольства Юстена» [1: 65].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатырев С. Н. Павел Юстен: протестантский епископ и королевский дипломат // Юстен П. Посольство в Москвию 1569–1572 гг. / Пер. с фин. Л. Э. Николаева. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. С. 7–65.
- Макаров И. В. Очерки истории Реформации в Финляндии (1520–1620-е гг.): Формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской Реформации. СПб.: ИП Генкин А. Д., 2007. 560 с.
- Пирлинг П. О. Россия и Папский престол / Пер. с фр. В. П. Потемкина. 2-е изд. М.: Добросвет: Издво «КДУ», 2012. 482 с.
- Хейнинен С. Микаэль Агрикола // Сто замечательных финнов: Калейдоскоп биографий. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. С. 26–39 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (дата обращения 30.04.2021).
- Щеглов А. Д. Реформация в Швеции: события, деятели, документы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 383 с.
- Юстен П. Посольство в Москвию 1569–1572 гг. / Пер. с фин. Л. Э. Николаева. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. 215 с.
- Antell K. L., Cleve N., Sirén O. Pernå sockens historia. Helsingfors: [Pernå kommun], 1956. Bd. 1. Tiden till år 1700. 543 s.
- Broberg G. Olaus Magnus // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1992–1994. Bd. 28. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/7681> (accessed 30.04.2021).
- Carlsson G. Bååt, släkt // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1927. Bd. 7. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/16242> (accessed 30.04.2021).

10. Carlsson G. Erik Svensson // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1953. Bd. 14. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/15408> (accessed 30.04.2021).
11. Carlsson S. Hemming Gadu // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1964–1966. Bd. 16. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/14630> (accessed 30.04.2021).
12. Czaika O. Magnus Nicolai (Stjärnkors) // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 2007–2011. Bd. 33. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/34523> (accessed 30.04.2021).
13. Gillings tam H. Jöns Laurentii // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1973–1975. Bd. 20. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/12289> (accessed 30.04.2021).
14. Gillings tam H. Matthias Gregersson (Lillie) // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1980–1981. Bd. 23. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/10308> (accessed 30.04.2021).
15. Heininen S. Juusten, Paul // Biografiskt lexikon för Finland. Helsingfors: SLS, 2008. Bd. 1. Svenska tiden. Available at: <http://www.blf.fi/artikel.php?id=2250> (accessed 30.04.2021).
16. Hildebrand B. Erik Falck // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1956. Bd. 15. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/15019> (accessed 30.04.2021).
17. Hildebrand B. Erik Falck d. y. // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1956. Bd. 15. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/15018> (accessed 30.04.2021).
18. Johansson K. Gotisk renässans: Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1982. 334 s.
19. Lappalainen M. Pohjolan leijona: Kustaa II Adolf ja Suomi 1611–1632. Helsinki: Siltala, 2014. 321 s.
20. Lindroth S. Johannes Magnus // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1973–1975. Bd. 20. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/12115> (accessed 30.04.2021)
21. Marjoma R. Wildeman, Arvid Tönenpoika // Kansallisbiografia. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2352> (accessed 30.04.2021).
22. Montgomery I. Petrus Kenicius // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1975–1977. Bd. 21. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/11434> (accessed 30.04.2021).
23. Delman E. Nicolaus Magni // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1987–1989. Bd. 26. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/8879> (accessed 30.04.2021).
24. Palola A.-P. Scheel, Paulus // Kansallisbiografia. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/273> (accessed 30.04.2021).
25. Ronchi De Michelis L. Giovanni Francesco da Potenza // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2001. Vol. 56. Available at: [https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-francesco-da-potenza_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-francesco-da-potenza_(Dizionario-Biografico)/) (accessed 30.04.2021).
26. Sjödin L. Hans Brask // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1926. Bd. 6. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/16873> (accessed 30.04.2021).
27. Skoglund L.-O. Magnus Haraldsson // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1982–1984. Bd. 24. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/10154> (accessed 30.04.2021).
28. Suvanto S. Magnus Nicolai (Stjärnkors) // Biografiskt lexikon för Finland. Helsingfors: SLS, 2008. Bd. 1. Svenska tiden. Available at: <http://www2.sls.fi/blf/artikel.php?id=134> (accessed 30.04.2021).
29. Tarkiainen K. Se vanha vainooja: Käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen. Helsinki: SHS, 1986. 349 s.
30. Tarkiainen K. Rauhanneuvottelujen tausta ja tapahtumat // Ruotsin ja Venäjän rauhanneuvottelut 1557: Mikael Agricola Ruotsin lähetystön jäsenenä / Toim. ja ruotsinkieliset asiakirjat suoment. K. Tarkiainen; venäläiset asiakirjat suoment. ja komment. G. Kovalenko ja N. Kovalenka. Helsinki: SKS, 2007. S. 8–86.
31. Tarkiainen K. Moskoviten: Sverige och Ryssland 1478–1721. Helsingfors: SLS, 2017. 484 s.
32. Tham W. Den svenska utrikespolitikens historia. Stockholm: P. A. Norstedt & Söner, 1960. Bd. 1:2. 1560–1648. 399 s.
33. Westin G. T. Peder Jakobsson “sunnanväder” // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 1992–1994. Bd. 28. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/8087> (accessed 30.04.2021).
34. Väänänen K. Agricola, Michael Olai // Kansallisbiografia. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/paimenmuisto/henkilo/41> (accessed 30.04.2021).
35. Väänänen K. Canutus Johanniss // Biografiakeskus. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/paimenmuisto/henkilo/363> (accessed 30.04.2021).
36. Väänänen K. Follingius, Petrus Nicolai // Kansallisbiografia. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/paimenmuisto/henkilo/671> (accessed 30.04.2021).
37. Väänänen K. Juusten, Paulus Petri (noin 1520–1575) // Biografiakeskus. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/paimenmuisto/henkilo/1257> (accessed 30.04.2021).
38. Östergren S. Sveno Jacobi // Svenskt biografiskt lexikon. Stockholm: Bonnier, 2013–2019. Bd. 34. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/34873> (accessed 30.04.2021).

Original article

Aleksandr V. Tolstikov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
a_tolstikov@mail.ru

CATHOLIC AND LUTHERAN CLERICS AS MEMBERS OF SWEDISH DIPLOMATIC MISSIONS TO RUSSIA IN THE XVI CENTURY

Abstract. The article analyzes clerics' participation in Swedish diplomatic missions to Russia in the late Middle Ages and the early modern period. It is demonstrated that until the 1530s clerics (mostly canons) were regularly included in Swedish embassies to Russia. It was in keeping with the general level of diplomacy in Sweden, the rulers of which often gave important diplomatic assignments to bishops. But the Swedish embassies to Russia, by contrast, started to include bishops only in the second half of the sixteenth century, when this practice had almost disappeared in other foreign policy directions. It is assumed that the reason for this might have been the attempt to utilize a person's high clerical status as an additional symbolic resource in difficult diplomatic situations (primarily in the cases of the missions of Laurentius Petri and Michael Agricola, as well as that of Paul Juosten). It is also confirmed that during the whole period under consideration most (although not all) clerics carrying out diplomatic missions to Russia were from Finland.

Keywords: Russia, Finland, Sweden, diplomacy, church, Middle Ages, early modern period

Acknowledgements. The author expresses his deep gratitude to S. I. Luchitskaya, Yu. G. Shikalov and S. G. Yakovenko for their consultations and bibliographical assistance.

For citation: Tolstikov, A. V. Catholic and Lutheran clerics as members of Swedish diplomatic missions to Russia in the XVI century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):87–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.622

REFERENCES

1. Bogatyrev, S. N. Paul Juosten: a Protestant bishop and royal diplomat. *Justen, P. Embassy to Muscovy (1569–1572)*. St. Petersburg, 2000. P. 7–65. (In Russ.)
2. Makarov, I. V. Essays on the history of the Reformation in Finland (1520s–1620s). The formation of the national churchship. Portraits of the Finnish Reformation's prominent figures. St. Petersburg, 2007. 560 p. (In Russ.)
3. Pirling, P. O. Russia and the Holy See. Moscow, 2012. 482 p. (In Russ.)
4. Heininen, S. Mikael Agricola. *100 faces from Finland: a biographical kaleidoscope*. Helsinki, 2004. P. 26–39. Available at: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf (accessed 30.04.2021). (In Russ.)
5. Scheglov, A. D. The Reformation in Sweden: events, actors, documents. Moscow, St. Petersburg, 2017. 383 p. (In Russ.)
6. Juosten, P. The Embassy to Muscovy (1569–1572). St. Petersburg, 2000. 215 p. (In Russ.)
7. Antell, K. L., Cleve, N., Sirén, O. Pernå sockens historia. Helsingfors, 1956. Vol. 1. Tiden till år 1700. 543 s.
8. Broberg, G. Olaus Magnus. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1992–1994. Vol. 28. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/7681> (accessed 30.04.2021).
9. Carlsson, G. Bååt, släkt. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1927. Vol. 7. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/16242> (accessed 30.04.2021).
10. Carlsson, G. Erik Svensson. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1953. Vol. 14. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/15408> (accessed 30.04.2021).
11. Carlsson, S. Hemming Gad. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1964–1966. Vol. 16. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/14630> (accessed 30.04.2021).
12. Zaika, O. Magnus Nicolai (Stjärnkors). *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 2007–2011. Vol. 33. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/34523> (accessed 30.04.2021)
13. Gillingsham, H. Jöns Laurentii. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1973–1975. Vol. 20. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/12289> (accessed 30.04.2021).
14. Gillingsham, H. Matthiass Gregersson (Lillie). *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1980–1981. Vol. 23. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/10308> (accessed 30.04.2021).
15. Heininen, S. Juosten, Paul. *Biografiskt lexikon för Finland*. Helsingfors, 2008. Vol. 1. Svenska tiden. Available at: <http://www.blf.fi/artikel.php?id=2250> (accessed 30.04.2021).
16. Hildebrand, B. Erik Falck. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1956. Vol. 15. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/15019> (accessed 30.04.2021).
17. Hildebrand, B. Erik Falck d. y. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1956. Vol. 15. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/15018> (accessed 30.04.2021).
18. Johansson, K. Gotisk renässans: Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm, 1982. 334 p.
19. Lappalainen, M. Pohjolan leijona: Kustaa II Adolf ja Suomi 1611–1632. Helsinki, 2014. 321 p.
20. Lindroth, S. Johannes Magnus. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1973–1975. Vol. 20. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/12115> (accessed 30.04.2021).

21. Marjomaa, R. Wildeman, Arvid Tönenenpoika. *Kansallisbiografia*. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2352> (accessed 30.04.2021).
22. Montgomery, I. Petrus Kenicius. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1975–1977. Vol. 21. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/11434> (accessed 30.04.2021).
23. Odelman, E. Nicolaus Magni. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1987–1989. Vol. 26. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/8879> (accessed 30.04.2021).
24. Palola, A.-P. Scheel, Paulus. *Kansallisbiografia*. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/273> (accessed 30.04.2021).
25. Ronchi De Michelis, L. Giovanni Francesco da Potenza. *Dizionario biografico degli italiani*. Roma, 2001. Vol. 56. Available at: [https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-francesco-da-potenza_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-francesco-da-potenza_(Dizionario-Biografico)/) (accessed 30.04.2021).
26. Sjödin, L. Hans Brask. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1926. Vol. 6. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/16873> (accessed 30.04.2021).
27. Skoglund, L.-O. Magnus Haraldsson. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1982–1984. Vol. 24. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/10154> (accessed 30.04.2021).
28. Suvalto, S. Magnus Nicolai (Stjernkors). *Biografiskt lexikon för Finland*. Helsingfors, 2008. Vol. 1. Svenska tiden. Available at: <http://www2.sls.fi/blf/artikel.php?id=134> (accessed 30.04.2021).
29. Tarkiainen, K. Se vanha vainooja: Käsitykset itäisestä naapurista Iivana Julmasta Pietari Suureen. Helsinki, 1986. 349 p.
30. Tarkiainen, K. Rauhanneuvottelujen tausta ja tapahtumat. *Ruotsin ja Venäjän rauhanneuvottelut 1557: Mikael Agricola Ruotsin lähetystön jäsenenä*. Helsinki, 2007. P. 8–86.
31. Tarkiainen, K. Moskoviten: Sverige och Ryssland 1478–1721. Helsingfors, 2017. 484 p.
32. Tham, W. Den svenska utrikespolitikens historia. Stockholm, 1960. Vol. 1:2. 1560–1648. 399 p.
33. Westin, G. T. Peder Jakobsson “sunnanvader”. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 1992–1994. Vol. 28. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/8087> (accessed 30.04.2021).
34. Väänänen, K. Agricola, Michael Olai. *Kansallisbiografia*. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/paimenmuisto/henkilo/41> (accessed 30.04.2021).
35. Väänänen, K. Canutus Johannisi. *Biografiakeskus*. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/paimenmuisto/henkilo/363> (accessed 30.04.2021).
36. Väänänen, K. Follingius, Petrus Nicolai. *Kansallisbiografia*. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/paimenmuisto/henkilo/671> (accessed 30.04.2021).
37. Väänänen, K. Juusten, Paulus Petri (noin 1520–1575). *Biografiakeskus*. Available at: <https://kansallisbiografia.fi/paimenmuisto/henkilo/1257> (accessed 30.04.2021).
38. Östergren, S. Sveno Jacobi. *Svenskt biografiskt lexikon*. Stockholm, 2013–2019. Vol. 34. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/34873> (accessed 30.04.2021).

Received: 25 January, 2021; accepted: 16 April, 2021

ИГОРЬ ГЕННАДИЕВИЧ ЛИМАН

магистрант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

igorrlim@gmail.com

ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ ВОЙНЫ XVI ВЕКА В ИСТОРИИ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Аннотация. Анализируется «финляндская» составляющая Двадцатипятилетней русско-шведской войны (1570–1595), а также содержание и значение ее образа в исторической памяти финнов. Актуальность статьи обуславливается отсутствием в российской историографии Двадцатипятилетней русско-шведской войны как целостного историографического концепта. Ливонская война (1558–1583) стала более важной частью созданного нарратива, и по этой причине многие события русско-шведского противостояния второй половины XVI века рассматривались как второстепенные, а их «финляндская» составляющая оказалась практически исключенной из российской историографии. Предпринимается попытка предложить новый подход к исследованию событий внешней политики России во второй половине XVI века. В результате было установлено, что «финляндская» составляющая Двадцатипятилетней русско-шведской войны имеет важное значение для понимания развития не только самой Финляндии во второй половине XVI века, но и Балтийского региона в целом. Кроме того, исторический опыт многочисленных русско-шведских войн на территории Финляндии, в том числе периода «Pitkä viha», был использован в процессе формирования финской нации.

Ключевые слова: история Финляндии, Ливонская война, русско-шведские войны, Pitkä viha, Двадцатипятилетняя русско-шведская война, Isoviha, Великое Лихолетье, историческая память

Благодарности. Благодарю своего научного руководителя Ирину Рейевну Такала за ценные советы и рекомендации в процессе работы над статьей.

Для цитирования: Лиман И. Г. Двадцатипятилетние войны XVI века в истории России и Финляндии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 96–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.623

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XVI века началась новая эпоха в развитии Балтийского региона, когда потеряли свое влияние прежние центры силы, но потребовалась целая серия военных конфликтов для установления власти их преемников. События продолжительного противостояния по-разному интерпретировались историками разных стран, и борьба между Россией и Швецией – один из примеров таких конфликтов. На основе первых военных кампаний второй половины XVI века в Прибалтике российские историки искусственно сконструировали историографический концепт Ливонской войны (1558–1583), который стал более важной частью нарратива, чем конкретное русско-шведское противостояние. Данное обстоятельство послужило причиной возникновения целого ряда проблем, которые ограничивают возможности основательного изу-

чения рассматриваемых событий. Обращение к историографическому концепту Двадцатипятилетней русско-шведской войны (1570–1595), который был сконструирован шведскими и финскими историками, позволяет обозначить новый подход к исследованию событий внешней политики России во второй половине XVI века.

КОНЦЕПТ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Историографический концепт Ливонской войны представляет собой конгломерат конкретных войн (или их частей) между Россией и ее противниками. «Изобретение» единой войны было осуществлено усилиями М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина, которые обозначили борьбу России за выход к Балтийскому морю как ее основную цель [5: 3], а следствием такой оценки балтийской политики Ивана IV Грозного стало его превращение в предшественника

Петра I Великого [5: 4]. Обозначенная интерпретация получила распространение как в российской, так и в зарубежной – шведской и финляндской – историографии, но в настоящее время она утратила прежнее значение. Появились новые взгляды на Ливонскую войну, в том числе ее интерпретация как первой войны России и Европы, когда произошло столкновение с коалицией европейских держав, то есть с сомкнутым фронтом стран Запада против Московии [4: 7–8]. Их действия не следует рассматривать исключительно как проявление борьбы против России. Каждое государство обладало своими интересами в Балтийском регионе, и в соответствии с ними они вступали в борьбу как с Россией, так и друг с другом (*«Bellum omnium contra omnes»*).

В контексте прежней интерпретации о борьбе России за выход к Балтийскому морю можно подразумевать не просто физический доступ к водному пространству, но преодоление других препятствий, которые ограничивали его свободное использование. Попытка создания собственного торгового порта в Ивангороде оказалась неудачной, что объясняется как внутренней слабостью Русского государства, так и противодействием со стороны ливонских городов и Ганзы [6: 19–20]. Тем не менее одним из условий для дальнейшего успешного развития России в середине XVI века стало установление прочных и широких экономических связей со странами Западной Европы [6: 21], которые и сами проявляли интерес к более тесному сотрудничеству [9: 127]. Завоевание торговых портов слабого Ливонского государства, которые уже долгое время использовались Россией, было естественным решением существующих проблем: создание необходимой инфраструктуры, налаживание торговых связей, устранение конкурентов.

Очевидно, что однозначная характеристика Ливонской войны, скрывавшей в себе несколько конфликтов, невозможна. Эти конфликты имели различные параметры, а устремления противоборствующих сторон формировались не только на основе текущей ситуации, но с учетом уникального опыта их взаимодействия в прошлом. В таком случае весьма продуктивным подходом представляется исследование не Ливонской войны как целостного конфликта, а конкретных случаев противостояния, которые могут не ограничиваться ее хронологическими рамками. Соответственно, важно обратиться к уже существующему в зарубежной историографии концепту Двадцатипятилетней русско-шведской войны. Борьба между Россией и Швецией происходила не только в Прибалтике, но и на севере, однако данные события долгое время оставались

в тени. В свою очередь, они оказывали важное влияние на действия противоборствующих сторон, а в некоторые моменты имели решающее значение для войны в целом. Их внимательное изучение позволит более широко взглянуть на противостояние между Россией и Швецией во второй половине XVI века, а также оценить его значение не только в контексте развития каждого противоборствующего государства, но всего Балтийского региона в целом. Данный вопрос требует обстоятельного исследования, а в текущей статье предпринимается попытка представить общую характеристику «финляндской» составляющей Двадцатипятилетней русско-шведской войны и более подробно осветить ее малоизвестные в российской историографии события.

ФИНЛЯНДИЯ

В ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТНЕЙ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЕ (1570–1595)

Накануне войны наместник в Финляндии Ханну Лауринпойка Бьёрнрам (Ханс Ларссон Бьёрнрам) предупреждал Юхана III о том, что готовится вторжение русской армии в Финляндию, но шведский король полагал, что ситуация в Прибалтике не позволяет Ивану IV предпринять какие-либо действия в этом направлении¹. Некоторые меры все-таки были приняты, однако дальнейшие события покажут, что их нельзя считать достаточными. На рубеже 1570–1571 годов – в начале войны – численность армии в Финляндии составляла всего около двух тысяч человек, в оборонительных действиях принимали участие также финские крестьяне [12: 154]. Такие силы – первоначально ими руководил Ханну Лауринпойка Бьёрнрам – не могли противостоять русской армии, которая совершила несколько успешных вторжений на территорию Финляндии в 1570–1571 годах. Уже в результате трех первых рейдов южное побережье – от реки Сестра и вплоть до Хельсинкского региона – подверглось значительным разрушениям². Действия русской армии нанесли большой ущерб финским крестьянам, что отрицательно сказалось на последующем обеспечении шведской армии, но их влияние на общий ход военных действий было весьма ограниченным.

Весной 1571 года умер Ханну Лауринпойка Бьёрнрам, а летом произошла смена командующего армией в Финляндии: Ивари Маунунпойка Сяркилахти (Ивар Монссон Шернкорс) покинул данный пост, его место занял Густав Банер (1547–1600). Он был образованным человеком, но его опыт ведения военных действий оказался весьма скромным, и назначение на должность произошло, скорее, на основе фак-

тора личной преданности Юхану III³. Густав Банер получил инструкции от шведского короля, где среди прочего указывалось, что необходимо действовать на территории России, чтобы избежать разорения Финляндии⁴. 26 ноября 1571 года шведская армия во главе с Густавом Банером выдвигается из Турку в Выборг. Если начальная численность армии составляла около 3 300 человек, то по ходу движения она увеличивалась, и уже в Выборг прибыло около 9 000–10 000 человек⁵, что является весьма большой цифрой в условиях того времени.

В конце января – начале февраля 1572 года русская армия начала наступление на финляндском театре военных действий. Ее численность, по разным оценкам пленников и шпионов, составляла около 47 тысяч человек, но цифра является явно преувеличенной⁶. Наступление русской армии, как и в предыдущих случаях, сопровождалось разорением территории, но финские крестьяне уже имели соответствующий опыт и заранее спрятали продовольственные запасы, скот и другие ценные вещи. В свою очередь, Густав Банер не предпринимал каких-либо активных действий по защите Финляндии, что в отчетах Юхана III он объяснял сложными погодными условиями в зимнее время, а также превосходящими силами противника⁷. Скорее, истинной причиной бездействия стал недостаток опыта у молодого командующего, который не смог оправдать надежд шведского короля. Уже летом 1572 года Густав Банер получил приказ отправиться в Польшу и покинул Финляндию⁸.

6 августа 1572 года на должность командующего армией в Финляндии был назначен Герман Флеминг (1520–1583). Одной из его наиболее важных задач – по плану Юхана III – стало нападение на территории Корельского и Ореховского уездов в России⁹. Первый рейд шведской армии был совершен в Корельский уезд и продолжался с 29 декабря 1572 года до 8 января 1573 года, что сопровождалось разорением приграничной территории России. Вскоре был совершен еще один рейд, но уже на территорию Ореховского уезда, который подвергся разрушениям вплоть до окрестностей реки Невы¹⁰. Были и другие нападения Германа Флеминга на приграничные территории России, но они не оказывали существенного влияния на общий ход военных действий, а причиняли ущерб только местному гражданскому населению. Такой ущерб в масштабах всего государства не сказывался на обеспечении русской армии, но разрушал прочный плацдарм для вторжений на территорию Финляндии.

После череды взаимных нападений стороны решили заключить перемирие на финляндском театре военных действий, которое продолжалось в 1573–1577 годах [12: 154]. Во время перемирия борьба в Прибалтике не прекращалась, поэтому постоянно существовала угроза возобновления военных действий в Финляндии¹¹. После заключения перемирия прибывшие в начале войны дополнительные формирования шведской армии покинули Финляндию, а оставшихся сил было недостаточно для ее защиты. В 1576 году, когда появились слухи о предстоящем нападении русской армии, обороносособность Финляндии была не в лучшем положении, чем в самом начале войны¹². Из-за активных действий в Прибалтике нападения не произошло, но были приняты меры для повышения обороносособности Финляндии.

В начале 1577 года произошло весьма жестокое нападение татарской конницы Кутук-мурзы на область Уусимаа – южную часть побережья Финляндии [7: 72]. Численность отряда, посланного по льду Финского залива при подходе русской армии к Таллину, составила 1200 человек¹³. Герман Флеминг предпринял активные действия для защиты финского населения, но не смог помешать татарской коннице, которая разделилась на отдельные группы и подвергла значительным разрушениям одновременно разные территории Уусимаа – Порвоо, Сипоо, Хельсинки, Эспоо, Киркконумми, Сиунтио и Инкоо¹⁴. Нападение на территорию Финляндии в условиях действующего там перемирия стало поводом для ответного рейда, который совершил Герман Флеминг в том же 1577 году. В результате его действий значительная часть территории Ингерманландии была подвергнута разорению [10: 129].

Юхан III был недоволен результатами рейда, и в ноябре 1577 года Герман Флеминг потерял должность командующего армией в Финляндии, а его место занял Хенрикки Клаунпойка Горн (Хенрик Классон Горн) (1512–1595), который на кануне назначения проявил себя во время осады Таллина русской армией¹⁵. В феврале 1578 года вновь возобновились вторжения на приграничные территории России с целью их разорения, а несколько позднее – осенью 1578 года – появилось указание Юхана III действовать на тех территориях, которые ранее оставались в стороне от военных действий¹⁶. С этой целью ранней весной 1579 года шведская армия, которую возглавил Хенрикки Клаунпойка Горн, совершила поход через Ингерманландию вглубь Новгородской земли [2: 96]. Возможно, шведский король заметил, что такой способ ведения военных действий не мог оказать существенного влияния на исход

войны, что стало причиной поиска новых подходов. Еще летом 1578 года была предпринята первая неудачная попытка захвата крепости Корела [10: 131], а в 1580 году произошли важные стратегические изменения, которые оказали значительное влияние на дальнейший ход войны и ознаменовали собой начало ее нового этапа.

Таким образом, на первом этапе войны (1570–1580) обнаруживается отсутствие должной подготовки к оборонительным действиям в Финляндии: недостаток ощущался как в людских, так и материальных ресурсах. Данное обстоятельство связано не только с отсутствием внимания к проблеме, но и обнищанием Шведского государства [7: 72]. Трудности начального периода удалось быстро преодолеть, но появилась проблема обеспечения порядка и содержания большого количества солдат, прибывающих в Финляндию. Военные действия имели свирепый характер, а их сущность заключалась в тотальном разорении приграничных территорий и уничтожении гражданского населения, что должно было лишить противника возможности использовать ресурсы для ответных ударов [10: 124]. Обе стороны не уступали друг другу в проявлениях жестокости, а разрушения приграничной территории России были даже более масштабными, чем в Финляндии [10: 136]. Такие действия не могли оказать существенного влияния на исход войны, скорее, они являлись способом отвлечения внимания противника от основных событий в Прибалтике, чем пользовалась каждая противоборствующая сторона.

В 1580 году была впервые – ее прообраз появился еще в 1572 году [10: 137] – разработана программа шведских территориальных захватов за счет России, которая в зарубежной историографии получила название «великой восточной программы». Ее задачи предполагали захват всего российского побережья Финского залива, а также Баренцева и Белого морей (вплоть до Холмогорского острога в устье Северной Двины) [1: 167–168]. Содержание обозначенной программы стало основой для дальнейших завоевательных планов шведских правящих кругов рубежа XVI–XVII веков по отношению к России [1: 168]. В результате ее реализации Россия могла потерять не только выход к Балтийскому морю: с захватом Русского Севера исчезали и другие возможности для установления прямых торговых связей с государствами Западной Европы. Страна оказалась в ситуации, когда ее действия определялись не только собственными мотивами, но и потребностью защищать свои исконные позиции в регионе.

На втором этапе войны (1580–1595) действия на севере приобретают основательный и вполне

самостоятельный характер, что связано с изменением первоначальных установок. Основной задачей стало не рутинное разорение территорий, а взятие крепостей. Успеху шведского оружия в 1580-е годы сопутствовала благоприятная конъюнктура, которая определялась как внутренней слабостью Русского государства, так и его борьбой сразу с несколькими противниками. В свою очередь, кратковременный период мира (1583–1590)¹⁷ изменил ситуацию: позволил восстановить силы для продолжения войны, а также оставил только одного противника на поле битвы – Швецию. На заключительном этапе русская армия действовала весьма успешно, но приход к власти Сигизмунда III значительно укрепил позиции Швеции на переговорном процессе, в результате которого был заключен Тявинский мирный договор (1595).

Прямыми следствием военных действий, которые явились тяжелым испытанием для жителей Финляндии, стала хозяйственная катастрофа. В течение войны исчезло каждое пятое крестьянское хозяйство: если в конце 1560-х годов насчитывалось около 35,5 тысячи крестьянских хозяйств, то в начале 1580-х годов их число составляло 31,6 тысячи, а уже в начале 1590-х годов – не больше 29 тысяч [11: 277]. Особенно сильно пострадали жители приграничных областей, что было следствием как действий регулярной русской армии, так и карельских партизанских формирований. В свою очередь, регулярная шведская армия была не в силах в полной мере защитить гражданское население от разорительных действий противника, а ее содержание было весьма тяжелой повинностью, которая истощала ограниченные ресурсы финского крестьянства.

С началом войны значительно увеличилось налоговое бремя: если в обычных условиях доля Финляндии в сборах со всего государства составляла 20–30 %, то в конце XVI века она достигла 60 % [12: 138]. Были введены дополнительные налоги: один из них – «серебряный налог» – появился уже в самом начале войны с Россией и был связан с подписанием Штеттинского мирного договора (1570), одним из условий которого стала выплата 150 тысяч талеров датчанам за возвращение Швеции крепости Эльфсборг. Только в 1578 году выплаты были завершены¹⁸, но ситуация не стала лучше, потому что война с Россией требовала новых дополнительных налоговых поступлений, и к 1590 году они уже в два раза превышали прежний «серебряный налог» [11: 275]. Тяжелое налоговое бремя существовало на фоне циничных действий низшей администрации, представители которой не упускали случая устроить свое благополучие за счет народа¹⁹. С течением времени социальная напряженность толь-

ко усиливалась, что послужило одной из основных причин крестьянского восстания – Дубинной войны (1596–1597), которая стала одним из наиболее значимых событий в истории Финляндии.

ПЕРИОД «PITKÄ VIHA» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ФИННОВ

Двадцатипятилетняя русско-шведская война стала первым крупным конфликтом на территории Финляндии в XVI веке. Представители старшего поколения финнов еще знали относительно спокойную жизнь предшествующего времени, и они были вынуждены приспособиться к новым условиям, смириться с утратой своего прежнего мира [8: 129]. Соответственно, в их памяти война оставила особенно глубокие раны как событие, которое полностью изменило их жизнь. Данное обстоятельство могло стать причиной, по которой отрывки действительных воспоминаний об этом трагическом времени (не образ) сохранились в народной среде вплоть до XIX века²⁰. На их основе профессиональные историки и национальные писатели создали образ, который сыграл важную роль в процессе формирования финской нации, а коммеморативные практики 1920–1940-х годов способствовали его утверждению.

Арттури Хейкки Снельман (Вирккунен) одним из первых в финляндской историографии обратил внимание на Двадцатипятилетнюю русско-шведскую войну как период «Vanha viha» (дословно «Старая ненависть»)²¹. Первые упоминания «Vanha viha» относятся к 1880-м годам²², а получили развитие в его работах начала XX века²³. Даже с появлением названия – концептуальной основы – не произошло значительных изменений: его использование долгое время было исключительным случаем. Вплоть до 1920-х годов финские историки (в том числе Ирьё Сакари Ирьё-Коскинен) воспроизводили «шведскую» точку зрения на рассматриваемые события. Ситуация изменилась только с появлением фундаментального двухтомника Вернера Тавастшерны²⁴, который начал конструирование финской точки зрения на события Двадцатипятилетней русско-шведской войны, но и в его трудах присутствует «шведское» влияние предшественников.

Только в 1920–1930-х годах название «Vanha viha» получило широкое распространение, а также появилось другое – более известное в настоящее время – «Pitkä viha» (дословно «Долгая ненависть»). Тогда же стало использоваться еще одно название произошедшей войны – «gappasota», которое происходит от обозначения карельских иррегулярных формирований (gappari – грабитель, насильник, разрушитель)²⁵. Именно в межвоенный период предпринимаются первые настоящие попытки представить финскую точку

зрения на данные события, но в то время влияние политической ситуации на сочинения историков было чрезмерным. Замечу, однако, что период «Pitkä viha» никогда не был предметом прямых манипуляций со стороны историков; только некоторые работы военного времени косвенно свидетельствуют об этом²⁶.

Период «Pitkä viha» как целостное событие не стал одним из символов прошлого для финской нации, но его отдельные элементы получили символическое значение. Сюжеты трагических событий военного времени и героических действий финских партизан в период «Pitkä viha» дополняют и усиливают действительный символ выражение памяти о русско-шведских войнах в Финляндии – «Isoviha»²⁷. Созданный образ обладал мощной объединительной силой, а также утверждал восприятие русских в качестве исторического врага и основного источника опасности²⁸. Его важным элементом стали финские партизаны (Пекка Весайнен, Туомас Теппойнен и др.) – собственные национальные герои, которые послужили образцами для идентификации²⁹. Только под влиянием результатов Второй мировой войны для Финляндии символы с компонентами «ненависти» были подвергнуты забвению, а свойство амбивалентности идентичности [3: 153] стало причиной актуализации других – прямо противоположных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Углубленное изучение «Pitkä viha» подводит нас к заключению, что весьма продуктивным подходом представляется исследование не Ливонской войны (1558–1583) как целостного конфликта, а каждого конкретного случая противостояния России с ее противниками. Такой подход открывает более широкие возможности для исследования как событий военного конфликта, так и его генезиса. Обращение к концепту Двадцатипятилетней русско-шведской войны (1570–1595) позволяет не только реализовать обозначенные возможности, но и обратить внимание на слабо изученные в отечественной историографии события в Финляндии и на Русском Севере, которые тем не менее оказали важное влияние на происходившую борьбу двух государств. В случае Финляндии значение войны не ограничивается «древними» событиями XVI века: исторический опыт многочисленных русско-шведских войн на территории Финляндии, в том числе периода «Pitkä viha», был использован в процессе формирования финской нации и стал одним из элементов образа «Другого», широко эксплуатированного в финляндско-советских отношениях первой половины XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1918–1920. S. 38.
- ² Ibid. S. 42–43.
- ³ Ibid. S. 46.
- ⁴ Ibid. S. 53.
- ⁵ Ibid. S. 55–56.
- ⁶ Ibid. S. 58.
- ⁷ Ibid. S. 58–59.
- ⁸ Ibid. S. 62.
- ⁹ Ibid. S. 64.
- ¹⁰ Ibid. S. 68–69.
- ¹¹ 29 января – 31 июля 1575 года. – Съезд на реке Сестре шведских послов Клауша Флеминга с товарищи с русскими послами князем Сицким с товарищи для заключения между обоими государствами перемирия на два года, начиная с 20 июля 1575 года // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. С. 340.
- ¹² Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: vuosien 1570 ja 1590 välinen aika... S. 133.
- ¹³ Ibid. S. 167.
- ¹⁴ Ibid. S. 168–169.
- ¹⁵ Ibid. S. 203.
- ¹⁶ Ibid. S. 219.
- ¹⁷ Двадцатипятилетняя русско-шведская война имела длительные периоды перемирий (1573–1577; 1583–1590), но если столкновения регулярных армий прекращались, то борьба иррегулярных формирований противостоящих сторон – партизан – продолжалась на всем протяжении войны.
- ¹⁸ Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: vuosien 1570 ja 1590 välinen aika... S. 6.
- ¹⁹ Бородкин М. М. Краткая история Финляндии. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. С. 29.
- ²⁰ Snellman A. H. Oulun kihlakunta: muinaistieteellisiä ja historiallisia lehtiä. Helsinki, 1887. S. 180.
- ²¹ В настоящее время название «Vanha viha» используется как обозначение другой – более ранней – русско-шведской войны (1495–1497).
- ²² Snellman A. H. Oulun kihlakunta: muinaistieteellisiä ja historiallisia lehtiä... S. 180.
- ²³ Virkkunen A. H. Vanhan vihan aika ja Nuijasota (Kainuuunmaan oloista 1500–luvun lopulla) // Oma maa. 1907. Vol. 1. S. 686–697.
- ²⁴ Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1918–1920. 784 с.; Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota: sotavuodet 1590–1595 ja Täysinän rauha. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1929. 574 с.
- ²⁵ Название «grappasota» не было изобретением историков, но они развили его на основе существующего воспоминания: именно так называли Двадцатипятилетнюю русско-шведскую войну (1570–1595) во многих частях Восточной Финляндии и Погольямаа (Эстерботтен).
- ²⁶ Jaakkola J. Suomen idänkäyntymä. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1942. 103 с.; Jaakkola J. Suomen historian ääriviivat. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1945. 202 с.; Juva E. W. Suomen taistelu itää vastaan. Helsinki: Otava, 1942. 336 с.
- ²⁷ Период русской оккупации Финляндии во время Великой Северной войны (1714–1721) получил в финляндской историографии название «Isoviha» (дословно «Большая ненависть»); в российской историографии – «Великое Лихолетье». Подробнее о символическом значении образа периода «Isoviha» см.: Лиман И. Г. «Isoviha» в исторической памяти Финляндии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. Вып. 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=1409> (дата обращения 25.04.2021).
- ²⁸ Подчеркну, что речь идет не о существовании естественной ненависти к русским, а об образе, в рамках которого события прошлого использовались в соответствии с требованиями времени, а ненависть имела инструментальное значение.
- ²⁹ Храбрость и самоотверженность финских партизан до сих пор являются конституирующими элементом финской нации, но образ врага, с которым они боролись, утратил свое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Швеции / Отв. ред. А. С. Кан. М.: Наука, 1974. 719 с.
2. Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. 322 с.
3. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
4. Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.
5. Филюшкин А. И. Как изучать Ливонскую войну? (историографические заметки) // Российская история. 2015. № 4. С. 3–17.

6. Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л.: Наука, 1964. 218 с.
7. Шваров А. Г. Россия – Швеция. История военных конфликтов. 1142–1809 годы. СПб.: Алетейя: RME Group Oy, 2012. 576 с.
8. Jutikkala E., Pirinen K. A history of Finland. Helsinki: WSOY, 2003. 491 p.
9. Karonen P. Pohjoinen suurvalta. Ruotsi ja Suomi 1521–1809. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1999. 533 s.
10. Kirkkinen H. Karjala taistelukentänä. Karjala idän ja lännen välissä II. Helsinki: Kirjayhtymä, 1976. 376 s.
11. Suomen historia 2: Keskiakaika, valtaistuinriitojen ja uskonpuhdistuksen aika, kansankulttuurin juuret. (Y. Blomstedt, Ed. By). Espoo: Weilin+Göös, 1987. 414 s.
12. Suomen historian pikkujätiläinen. (S. Zetterberg, Ed. by). Helsinki: WSOY, 1987. 963 s.

Поступила в редакцию 25.01.2021; принята к публикации 16.04.2021

Original article

Igor G. Liman, Master's Student, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
igorrlim@gmail.com

TWENTY-FIVE YEARS' WARS OF THE XVI CENTURY IN THE HISTORY OF RUSSIA AND FINLAND

A b s t r a c t. The article analyzes the Finnish aspect of the Twenty-Five Years' War between Sweden and Russia (1570–1595), as well as the content and the significance of its image in the collective memory of the Finns. The relevance of the article is determined by the absence of a complete concept of the Twenty-Five Years' War in the Russian historiography. The Livonian War (1558–1583) has become a more important part of the constructed narrative. For this reason, many events of the confrontation between Sweden and Russia during the second half of the XVI century were seen as less significant ones, and the Finnish aspect of that war was almost excluded from the Russian historiography. The author makes an attempt to propose a new approach to the study of the Russian foreign policy events during the second half of the XVI century. It was concluded that the Finnish aspect of the Twenty-Five Years' War between Sweden and Russia is important for understanding the development not only of Finland in the second half of the XVI century, but also of the entire Baltic region. In addition, the historical experience of Finland during numerous wars between Sweden and Russia, including the period of "Pitkä viha", was used in forming the Finnish national identity.

K e y w o r d s : history of Finland, Livonian War, Russo-Swedish wars, Pitkä viha, Twenty-Five Years' War between Sweden and Russia, Isovihka, Great Hatred, collective memory

A c k n o w l e d g e m e n t s . The author expresses his deep gratitude to his scientific supervisor Irina Takala for her valuable advice and recommendations in the process of writing the article.

F o r c i t a t i o n : Liman, I. G. Twenty-five years' wars of the XVI century in the history of Russia and Finland. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):96–102. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.623

REFERENCES

1. The history of Sweden. (A. S. Kan, Ed.). Moscow, 1974. 719 p. (In Russ.)
2. Kirkkinen, H., Nevalainen, P., Sihvo, H. The history of the Karelian people. Petrozavodsk, 1998. 322 p. (In Russ.)
3. Neumann, I. Uses of the other. "The East" in European identity formation. Moscow, 2004. 336 p. (In Russ.)
4. Filyushkin, A. I. Inventing the first war between Russia and Europe. The Baltic Wars of the second half of the XVI century through the eyes of contemporaries and descendants. St. Petersburg, 2013. 880 p. (In Russ.)
5. Filyushkin, A. I. How to study the Livonian War: historiographical notes. *Russian History*. 2015;4:3–17. (In Russ.)
6. Shaskolskiy, I. P. The Treaty of Stolbovo (1617) and Russia's trade relations with the Swedish state. Moscow, Leningrad, 1964. 218 p. (In Russ.)
7. Shvarov, A. G. Russia – Sweden. The history of military conflicts. 1142–1809. St. Petersburg, 2012. 576 p. (In Russ.)
8. Jutikkala, E., Pirinen, K. A history of Finland. Helsinki, 2003. 491 p.
9. Karonen, P. Pohjoinen suurvalta. Ruotsi ja Suomi 1521–1809. Porvoo; Helsinki; Juva, 1999. 533 s.
10. Kirkkinen, H. Karjala taistelukentänä. Karjala idän ja lännen välissä II. Helsinki, 1976. 376 s.
11. Suomen historia 2: Keskiakaika, valtaistuinriitojen ja uskonpuhdistuksen aika, kansankulttuurin juuret. (Y. Blomstedt, Ed. by). Espoo, 1987. 414 s.
12. Suomen historian pikkujätiläinen. (S. Zetterberg, Ed.). Helsinki, 1987. 963 s.

Received: 25 January, 2021; accepted: 16 April, 2021

кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2369-4987; litvinjulia@yandex.ru

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ КАРЕЛЬСКИХ АКТИВИСТОВ

А н н о т а ц и я. Изучение феномена этнической идентичности особенно важно в условиях глобализации, поскольку посредством его актуализации человек подчеркивает свою самобытность в условиях массовой культуры, укрепляет самооценку, повышает самосознание. Этносоциологи и этнологи уделяют внимание данной проблематике, основываясь преимущественно на данных количественного анализа (материалах официальной статистики, массовых опросов). В последние годы растет объем научных публикаций, использующих неформализованные аналитические инструменты. В данной статье ставится цель посредством качественных (неформализованных) методов исследовать социальное самочувствие конкретной группы – карельских активистов. Новизна заключается в исследовательских акцентах: в этнологических и социологических исследованиях группа активистов обычно выступает в роли экспертов, однако их социально-психологические характеристики не стали объектом специального рассмотрения в Карелии. В основе – материалы биографических интервью (собраны в крупных населенных пунктах, входящих в состав национальных районов, и в республиканском центре). Обработка материалов велась в рамках процедур обоснованной теории. Вспомогательным инструментом стал метод наблюдения на этнических мероприятиях г. Петрозаводска. Сделан вывод о значимости биографического метода в изучении социально-психологических характеристик личности. Ситуация языкового сдвига затронула группу карельских активистов. Коммуникативная сила русского языка приводит к ситуации конфликта между разными компонентами в структуре этнической идентичности. Карельский язык продолжает рассматриваться активистами как признак группы (когнитивный компонент), при этом сферы его использования сужаются, часть опрошенных отмечают незнание или невысокий уровень языковых компетенций (аффективный и поведенческий компоненты). Подобная амбивалентность, наряду с другими факторами, влияет на социальное самочувствие карельских активистов, заставляет их искать иные способы идентификации. Результаты исследования позволяют глубже исследовать этнические процессы, а также могут быть использованы при сопоставлении с процессами, протекающими в других национальных республиках, испытывающих на себе влияние глобализации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : этническая идентичность, социальное самочувствие, этнические процессы, биографический метод, Республика Карелия, карельский язык

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 19-59-04004.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Литвин Ю. В. Биографический метод в исследовании социального самочувствия карельских активистов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 103–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.624

ВВЕДЕНИЕ

На механизмы идентификации людей существенное влияние оказывали этносоциальные и политические процессы последних 30 лет, тенденции глобализации. Преобладание тех или иных форм этнической идентичности можно рассматривать в качестве инди-

катора социального самочувствия различных этнических общностей [15: 1118–1119]. По данным переписи населения 2002 года, в Российской Федерации численность карелов составляла более 93 тыс. чел. К 2010 году она сократилась: в 2010 году насчитывалось около 61 тыс. чел. В России карелы расселены в основном на терри-

тории Республики Карелия и в Тверской области. По состоянию на 2010 год в Карелии проживали 45 570 тыс. представителей карельского этноса, или 7,4 % от общей численности населения края¹. Языковая ситуация в Республике Карелия продолжает определяться доминированием русского языка. Языковой сдвиг у карелов с переходом от русско-карельского двуязычия к русскому монолитному зафиксирован в более ранних исследованиях [11: 51–52].

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии потенциала биографического метода для изучения этнической идентичности и социального самочувствия карельских активистов. Значимость указанной исследовательской перспективы обусловлена стремительным сокращением численности карельского этноса. Основное внимание будет уделено описанию эмпирической базы и методологии исследования, а также результатам: выявлению маркеров идентичности, характерных для современных этнических активистов, их места в структуре идентичности. Центральным сюжетом является раскрытие социально-психологических проблем, обнаруженных в ходе интервью.

Карельскими активистами в данной статье называются люди, которые идентифицируют себя с карелами и занимают активную позицию в деле сохранения карельского языка и культуры (руководители и сотрудники культурных учреждений, а также люди, вовлеченные в этнокультурную деятельность).

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Научную литературу по теме статьи условно можно разделить на два блока: посвященную качественным методикам (биографическому интервью, нарративному анализу, глубинному интервью и др.) и связанную с изучением феномена этничности и этнических процессов.

Методу биографического интервью посвящено множество публикаций А. С. Готлиб, И. Ф. Девятко, Е. Ю. Рождественской, Е. Штенберга, и др. Осваиваются его возможности в рамках виртуальной этнографии (см. специальный выпуск журнала «Этнографическое обозрение». 2020. № 1). В региональных антропологических и этносоциологических работах этот метод также получил развитие (статьи И. Ю. Винокуровой, С. Э. Яловицыной).

Биографическое интервью предполагает изучение жизни человека в ее динамике и в выбранной собеседником последовательности изложения событий (то есть в соответствии с внутренней упорядоченностью, например, хронологизация жизни посредством профессио-

нального становления). Биографический рассказ отражает взгляд человека на его жизнь и события вокруг него, дает возможность осмысливать и переосмысливать жизненный путь во время беседы [16: 7, 21–27].

Интервью протекает как обычный разговор, но имеет специфическую структуру. Существенное влияние на ход беседы оказывает умение исследователя активно слушать, чтобы совместно с собеседником приблизиться к сути проблемы. Помогает в этом ряд инструментов: вводный, отслеживающий, конкретизирующий, прямой, косвенный, структурирующий вопросы, вопросы-интерпретации, молчание или высказывание мнения как способы побудить собеседника продолжить диалог [8: 134–135].

После сбора данных задача исследователя заключается в том, чтобы редуцировать комплексность высказываний до смысловых единиц. В процессе интерпретации транскрибированного интервью уделяется внимание обнаружению противоречий в высказываниях и событиях биографии. Подобные неувязки связаны со спецификой восприятия и памяти, с одной стороны, с развитием общества и отношениями между людьми, которые всегда будут противоречивы, – с другой. В противоречиях заметно влияние социума относительно ожиданий от индивида [20: 132]. Кроме того, в исследованиях культурной памяти (А. Ассман, Я. Ассман, П. Нора, М. Хальбвакс и др.) подчеркивается значимость коллективной памяти в процессе идентификации (функциональной в терминологии А. Ассман). Человек вписывает свой опыт в социальные рамки или ожидания референтной группы. Подобный процесс не всегда происходит гладко. Однако, несмотря на возможные противоречия, он необходим для легитимации собственной этнической идентичности [1: 54–59]. Для лидеров общественного мнения, активистов наличие «памяти общества» особенно актуально. Все эти факторы воздействуют на социально-психологические характеристики личности и отражаются в его или ее речи. В статье особое внимание уделено соотношению ценностных установок, проговариваемых в интервью, и поведению.

Проблематика этнической идентичности (этничности, этнического самосознания) оказалась в центре внимания представителей целого ряда дисциплин гуманитарного профиля (Б. Андерсон, Ф. Барт, Ю. В. Бромлей, Н. Б. Вахтин, М. П. Губогло, Л. М. Дробижева, С. В. Соколовский, Т. Г. Стефаненко, В. А. Тишков, Э. Хобсбаум, R. Jenkins и др.). Наиболее дискуссионным в российском научном пространстве является вопрос о природе этнической идентичности и, соот-

вественно, об исследовательских подходах к ее анализу². Независимо от подхода, исследователи сходятся во взгляде на идентичность как процессуальный и ситуативный феномен [6: 132]. Признание пластичности феномена привело к его многозначности, в связи с чем, например, Р. Брубейкер предлагал использовать термин «самопонимание» как возможную альтернативу понятию «идентичность» [2: 95]. Автору статьи также близко понятие «этническое самочувствие» как часть социального самочувствия. Этническое самочувствие понимается здесь как комплекс субъективных ощущений, отражающих степень комфорта человека в его взаимодействии с идентифицируемой этнической группой. Понятие «этническая группа» интерпретируется вслед за Л. М. Дробижевой по принципу самоотнесения к ней на основе тех или иных признаков [6: 223].

В Карелии массовые этносоциологические исследования Е. И. Клементьева, А. А. Кожанова, В. Н. Бириной с конца 1960-х годов обозначили широкий спектр исследовательских вопросов³. Этнические и языковые установки российских карелов исследовались преимущественно на основе количественных методов с привлечением экспертных интервью [10], [11], [21]. Ряд исследований сравнивают этноязыковую ситуацию в Карелии с положением в других республиках России или с положением вепсов, карелов, финнов, русских внутри региона [3], [11], [12], [14], [15], [19], [22].

Биографический метод в исследовании карельской идентичности позволяет учесть особенности личности и процессы, которые в массовых опросах, как правило, ускользают из виду.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДАННЫХ

Эмпирическую базу составляют материалы биографических интервью с карелами-горожанами разного пола, возраста и социально-профессиональных групп. Способом получения информации был избран метод биографических проблемно ориентированных интервью. Это означает, что на определенном этапе беседы мною конкретизировались некоторые вопросы, связанные с этнической и языковой биографией. Например, при описании детства я могла уточнить, какой язык использовали в семье, был ли момент в жизни информанта, когда он или она осознал себя карелом. Ориентация на конкретную тему актуализировала разговор об этничности. Отметим, что группа экспертов не нуждалась в нарративном импульсе.

Интервью проводились в республиканском центре Карелии – г. Петрозаводске, в крупных населенных пунктах, входящих в состав «национальных» районов Карелии. Всего опрошено 13 мужчин и 27 женщин. Группа активистов составила 17 человек – 6 мужчин и 11 женщин. Преимущественно это были руководители или члены общественных карельских организаций, журналисты национальных СМИ. Средний возраст составил 44 года. Свой уровень владения карельским языком собеседники оценили как высокий (9), средний (5); не владели карельским языком три активиста.

Одна из сложностей, с которой может столкнуться исследователь, применяя биографический метод, это существование ожиданий и стереотипов у информантов от исследователя. В этом смысле показательным является разговор с карелкой в г. Костомукше: «*Я городской житель. И, к сожалению, даже язык <...> в основном вас это интересует? Я не говорю по-карельски. Но я понимаю*». Имея представление о месте моей работы, собеседница выбрала именно языковую тематику для интервью, также подготовив информацию генеалогического характера о своей семье и «карельских корнях». Схожее начало разговора было в Петрозаводске: «– *A почему вы считаете, что не подходит?* – *Ну, я так предполагаю, что вы проводите исследование носителей карельского языка*».

После записи аудиоинтервью с соблюдением этических принципов (о записи все собеседники предупреждались заранее), производилось транскрибирование. При необходимости в тексте отмечались эмоциональные реакции собеседника или, наоборот, длительные паузы. Структурирование полученных текстовых данных велось посредством процедур обоснованной теории. Это означает редуцирование, сведение анализируемых фрагментов текста до четких категорий в соответствии с задачами исследования [16: 38–39], [20: 132].

Вспомогательным инструментом анализа стал метод включенного наблюдения на нескольких этнических мероприятиях в Карелии, опрос участников посредством стандартизированной анкеты.

Фокус на микроуровне, на уровне личных практик ограничивает возможность переноса результатов на уровень генеральных совокупностей, однако отражает определенные тенденции, которые могут быть использованы при социальном прогнозировании этноязыковой ситуации (о возможностях социального прогнозирования в качественной социологии см., напр., [17]). За пределами пристального внимания останется

институциональный уровень проблематики, тема языковой политики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Этнические активисты – специфическая группа, в структуре идентичности которых этническая компонента занимает существенное место. В силу их профессиональной, общественной деятельности этническая идентичность чаще становится предметом рефлексии. Считается, что данная социальная группа обладает высоким уровнем самосознания, хорошо знает язык и особенности культуры своей этнической группы. В ходе кодирования было обращено внимание на категории «родной язык», «карельский язык», которые рассматривались не с точки зрения лингвистики, а как маркер «карельскости».

2. В ходе анализа текстов интервью с этническими активистами были выявлены значимые маркеры идентичности: карельский язык; место рождения; «карельские» черты характера, такие как спокойствие, упрямство, замкнутость, скромность, честность, гостеприимство, трудолюбие и чистоплотность (подробнее см. [13]). Карельским активистам присуща позитивная этническая идентичность, которая описывается в терминах гордости от осознания себя карелом или карелкой.

3. Беседа о карельском языке раскрыла противоречия личностного характера. Карельский язык наделяется активистами высокой ценностью. В то же время не все из опрошенных владели карельским языком на высоком уровне (на основе самоописания). По сравнению с 2013 годом данные мониторинга 2019 года демонстрируют рост доли карельских активистов с 36,1 до 39,1 %. Они «помолодели» за счет 30–49-летних. При этом в данной возрастной группе свободно владеют карельским языком 20,2 %, понимают отдельные слова 35,3 %⁴. Приведу фрагмент интервью с лидером одной из общественных организаций указанной выше возрастной группы:

«И поэтому, конечно, для меня самое проблемное – это незнание языка. То есть потому что мы всегда занимаемся продвижением культуры – мы там ремесла, всё, а язык у нас западает как раз в связи с этим. Конечно, я пыталась учить, ну, финский учили в школе. Как бы и на карельский я ходила, на какие-то курсы, кружки. Но вот я уже понимаю более-менее, когда говорят по-карельски, но вот говорить как-то никак не могу...».

4. Известно, что даже в случае ослабления у этнического языка функции общения или ее отсутствия вообще именно он остается признаком этнической идентичности. В такой ситуации значение имеет не «реальное использование этнического языка, а желаемое языковое поведение» [5: 81]. В нашем случае разрыв между установками и языковым поведением имеет определенные психологические последствия.

5. Пристальное внимание средств массовой информации, представителей культуры, власти и научного сообщества к языку как основному маркеру этнической идентичности закрепилось в сознании информантов. Траектории национальной политики в крае создали ситуацию, в которой мои собеседники старшего и среднего поколения не имели возможности получить образование на родном языке в школе или университете, в быту карельский язык считался непрестижным. В перестроенное время карельский язык ввели в общеобразовательные программы. Однако молодое поколение карелов рассказывало о невысоких языковых компетенциях по причине незначительного числа часов, отводящихся на изучение языка, отсутствия необходимости и мотивации в изучении карельского языка для повседневного взаимодействия (подробнее о ситуации преподавания родных языков см., напр.: [7], [9]).

6. Это привело к тому, что карельский язык продолжает рассматриваться активистами как объективный признак группы. При этом сферы его использования сужаются: даже в профессиональной деятельности наблюдается переход от двуязычия к русскому моноязычию. Как сказал один из собеседников, владеющий карельским языком на высоком уровне:

«То есть я вот не могу, обосновываю это тем, что я сам не могу сейчас найти как бы варианта, где и как использовать карельский язык».

Таким образом, когнитивный компонент этнической идентичности (знание этнодифференцирующих признаков, отвечает за формирование представлений об этносе, включая язык) вступает в противоречие с поведенческим элементом и оказывает влияние на аффективный компонент этнической идентичности, который состоит из эмоциональной оценки собственной этнической группы и своего места в ней.

7. Данное противоречие приводит к чувству неполноценности, в интервью состояние описывается в терминах ущербности (*«Я чувствую ущербность свою, потому что не знаю языка»*)⁵. Для устранения подобного дискомфорта актуализируются иные способы идентификации: место рождения (свое, родственников), этническая идентичность родителей, черты характера, которые описываются как «карельские». Подобные стратегии были отмечены психологами: в ситуации кризиса человек может опирать-

ся на разные виды идентичности, однако чаще выбирает идентификацию с малой группой [18: 149]. В данном случае это самоотнесение с семьей и регионом.

8. Рассматриваемый комплекс усиливается небольшим числом людей, готовых взять на себя роль лидера. В биографических интервью, а также во время наблюдения на одном из этнически ориентированных мероприятий подчеркивалось выгорание от общественной нагрузки, несоразмерность вложенным силам финансовой и эмоциональной отдачи («многостаночность активистов», «делаем для чувства собственного достоинства», «нет вос требованности языка», «инициативы принадлежат самым обычным людям», «социальные институты не отвечают современным запросам», «нет энергообмена, ни денег, ни эмоционального удовлетворения особо» и др.), иногда подчеркивается отсутствие обратной связи с органами власти. Последнее социологи связывают с потенциально конфликтогенной ситуацией. Сам по себе конфликт – динамическое социальное явление, которое определяется сцеплением различных и далеко не всегда предсказуемых переменных. При этом некоторые авторы, исследующие данную проблематику, подчеркивают значимость такого фактора, как наличие или отсутствие доверия представителям разных ветвей власти, общие или противоположные интересы между группами [4: 253], [15: 1125].

ВЫВОДЫ

Несмотря на то что языковой критерий считается наиболее надежным основанием этнической идентификации человека, прямого соответ-

ствия между языком и этносом нет. Современные этнические, миграционные процессы и глобализация, пересмотр научной парадигмы внесли корректизы в понимание этнических феноменов. Вместе с тем в настоящее время в Карелии сохраняется точка зрения о прямой корреляции между количеством говорящих на карельском языке людей, численностью карельского этноса и этнической идентичностью. Согласно проведенному анализу, карельский язык остается одним из значимых маркеров этнической идентичности карелов в целом и активистов в частности. Во время бесед язык становился одним из основных сюжетов, вокруг которого строилась «этническая» биография. При этом карельский язык часто не является средством общения, а представляет собой ресурс, имеющий символическую ценность, рассматривается как элемент культурного наследия.

Установка на владение карельским языком не всегда соответствует языковому поведению. В анализируемой социальной группе эти процессы обострены и влияют на социально-психологическое состояние этнических активистов, приводя у некоторых из них к внутриличностным противоречиям. Дополнительным фактором признается отсутствие новых лидеров, профессиональное выгорание, изменения в образовательных стандартах, отсутствие государственного статуса у карельского языка.

Таким образом, статья сконцентрирована на конкретной социальной группе, дополняет и углубляет представления об этнических процессах в Карелии, а также дает возможность для будущего сопоставительного анализа с ситуацией в других полиглоссических регионах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Республики Карелия (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://krl.gks.ru/folder/60059> (дата обращения 29.03.2021).

² Автор подразумевает дискуссию между сторонниками эссенциализма и конструктивизма. Российская этнология позже, чем зарубежная, познакомилась с концепцией конструктивизма, заимствовала и выработала свои интегративные подходы. Данное обстоятельство наложило отпечаток на теоретическое осмысление этнических и национальных процессов.

³ О становлении этносоциологии в Карелии и некоторых важнейших публикациях см.: Клементьев Е. И. Этносоциология в Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. 206 с.

⁴ Разумеется, нельзя ставить знак равенства между языковыми навыками у всех 30–49-летних и числом этнических активистов. Однако цифры дают общее представление о соотношении числа владеющих карельским языком к числу карелов в указанной возрастной группе. См.: Современная языковая ситуация у карелов Республики Карелия. Итоги социологического исследования / Сост.: С. Э. Яловицына, З. И. Строгальщикова, С. В. Нагурная. Петрозаводск: Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия, 2020. С. 5.

⁵ К схожим результатам приходили и другие исследователи. Так, в исследовании 1990-х годов казахи с низким уровнем языковой компетентности чувствовали некоторую «ущербность» в качестве членов этнической группы [5: 81–82].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
3. Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1998. 811 с.
4. Гуриева С.Д. Психология этнического конфликта. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2020. 406 с.
5. Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
6. Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.
7. Замятин К. Ю. Реформы в российском образовании и перспективы преподавания национальных и родных языков // Формирование идентичности финно-угорского мира и российское образование: Сб. ст. / Отв. ред. С. М. Вдовин. Саранск, 2011. С. 174–189.
8. Кваде С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
9. Клементьев Е. И. Республика Карелия: этнокультурные и языковые потребности школьного обучения // Правовой статус языков и этнокультурные потребности российской школы. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 121–177.
10. Клементьев Е. И. Факторы этнической идентичности на примере карелов Карелии // Труды КарНЦ РАН. 2012. № 4. 144–152.
11. Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии на примере карелов, вепсов, финнов. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2013. 195 с.
12. Кряжков В. А. Государственный язык республики в контексте карельской ситуации: Конституционно-правовые вопросы // Государство и право. 2018. № 5. С. 52–59. DOI: 10.7868/S0132076918050062
13. Литвин Ю. В. Этнокультурные идентичности карелок г. Петрозаводска // Гибкие этничности. Этнические процессы в Петрозаводске и Карелии в 2010-е годы. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 127–140.
14. Нагурная С. В. Прибалтийско-финские народы Карелии: Социолингвистический анализ // Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур: Материалы научной конференции. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. С. 56–62.
15. Прохода В. А., Рязанцев В. В. Этническая идентичность населения республик России (Карелия, Татарстан, Якутия) // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 12. С. 1118–1126.
16. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 384 с.
17. Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Качественная методология как ресурс социального прогнозирования: возможности и ограничения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 1–11. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.01
18. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.
19. Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте / Л. М. Дробижева и др.; Отв. ред. Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 126 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.isras.ru/publ.html?id=7506> (дата обращения 03.08.2020). DOI: 10.19181/inab.2017.3
20. Яловицына С. Э. Влияние «опыта войны» на социальную адаптацию мигрантов (на основе биографических интервью) // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 131–137. DOI: 10.31857/S013216250008807-0
21. Kärgälainen H., Puura U., & Grünthal R., Kovaleva S. Case-specific report on Karelian language in Russia. (Studies in European Language Diversity; Vol. 26). Research consortium ELDIA, 2013. Available at: <https://phaidra.univie.ac.at/view/o:314612> (accessed 01.07.2019).
22. Zamyatina K. Language policy effects and their limited impact on language practices // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2018. № 64. Р. 255–333. DOI: 10.33339/fuf.66530

Поступила в редакцию 30.03.2021; принята к публикации 29.04.2021

Original article

Julia V. Litvin, Cand. Sc. (History), Research Associate,
Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research
Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk,
Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2369-4987; litvinjulia@yandex.ru

BIOGRAPHICAL METHOD FOR STUDYING THE SOCIAL SELF-PERCEPTION OF KARELIAN ACTIVISTS

A b s t r a c t. The study of ethnicity is relevant in the context of globalization, since it helps people to emphasize their identity, enhance self-esteem, and increase self-awareness in mass culture society. Ethnosociologists and ethnologists

pay attention to this problem, based mainly on the data of quantitative analysis. The number of scientific publications using non-formalized analytical tools has been growing in recent years. The paper aspires to investigate the possibility of using qualitative methods to study the social self-perception of a specific social group – Karelian ethnic activists. The author selects a new research focus not studying the social and psychological characteristics of ethnic activists, who traditionally serve as experts in ethnological and sociological studies. The research is based on a series of biographical interviews conducted in the republican center of Karelia, the city of Petrozavodsk, and in large settlements of so-called “national” districts (where the proportion of the Karelian population is higher than in the Republic of Karelia in general). The analysis of the materials was carried out by assigning keywords to a large decrypted text. The author processed the study materials based on a well-grounded legitimate theory and used the observation method as an additional research tool. It was concluded that the biographical method is important for studying the socio-psychological characteristics of a person. The communicative power of the Russian language leads to a situation of conflict between different components in the ethnic identity structure among ethnic activists, affected by a language shift. The Karelian language retains its value as an essential factor of identity (cognitive component), while the scope of its use is narrowing, and some of the respondents demonstrate low level of language competence or don't speak this language at all (affective and behavioral components). Such ambiguity has a negative influence on the ethnic self-perception of Karelian leaders and makes them look for other ways of identification. The results contribute to a deeper study of ethnic processes, and can also be used in comparison with the processes taking place in other “national” regions experiencing the influence of globalization.

Key words: ethnic identity, social self-perception, ethnic processes, biographical method, Republic of Karelia, Karelian language

Acknowledgments. The study was financed by the Russian Foundation for Basic Research and the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research as part of the project No 19-59-04004.

For citation: Litvin, J. V. Biographical method for studying the social self-perception of Karelian activists. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):103–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.624

REFERENCES

1. Assmann, A. Long shadow of the past: memorial culture and historical politics. Moscow, 2014. 328 p. (In Russ.)
2. Brubeyker, R. Ethnicity without groups. Moscow, 2012. 408 p. (In Russ.)
3. Guboglo, M. N. Languages of ethnic mobilization. Moscow, 1998. 816 p. (In Russ.)
4. Gurieva, S. D. The psychology of ethnic conflict. St. Petersburg, 2020. 406 p. (In Russ.)
5. Dontsov, A. I., Stefanenko, T. G., Utalieva, Z. h. T. Language as a factor of ethnic identity. *Voprosy Psychologii*. 1997;4:75–86. (In Russ.)
6. Drobizheva, L. M. Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. Twenty-year experience. Moscow, 2013. 336 p. (In Russ.)
7. Zamyatkin, K. Yu. Reforms in Russian education and the prospects for teaching ethnic and mother tongues. *Russian education and shaping of the Finno-Ugric world identity: Collection of articles*. Saransk, 2011. P. 174–189. (In Russ.)
8. Kvale, S. Research interview. Moscow, 2003. 301 p. (In Russ.)
9. Klement'ev, E. I. The Republic of Karelia: ethnocultural and linguistic needs of school education. *Legal status of languages and ethnocultural needs of Russian school education*. Moscow, 2011. P. 121–177. (In Russ.)
10. Klement'ev, E. I. The factors behind the ethnic identity example of Karelians in Karelia. *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2012;4:144–152. (In Russ.)
11. Klement'ev, E. I. Language processes in Karelia demonstrated by the example of the Karelians, Veps and Finns. Petrozavodsk, 2013. 195 p. (In Russ.)
12. Kryazhkov, V. A. The official language of the republic in the context of the Karelian situation: constitutional and legal questions. *State and Law*. 2018;5:52–59. DOI: 10.7868/S01320769IS050062 (In Russ.)
13. Litvin, J. V. Ethnocultural identities of Karelian women of Petrozavodsk. *Flexible ethnicities. Ethnic processes in Petrozavodsk and Karelia in the 2010s*. St. Petersburg, 2017. P. 127–140. (In Russ.)
14. Nagurnaya, S. V. Finnic peoples of Karelia: Sociolinguistic analysis. *Bubrikh Readings: Karelian scientific school of research of Finnic languages and cultures: Proceedings of the conference*. Petrozavodsk, 2016. P. 56–62. (In Russ.)
15. Prokhoda, V. A., Ryazantsev, V. V. Ethnic identity of the population of the republics of Russia (Karelia, Tatarstan, Yakutia). *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2007;77(12):1118–1126. (In Russ.)
16. Rozhestvenskaya, E. Yu. Biographical method in sociology. Moscow, 2012. 384 p. (In Russ.)
17. Rozhestvenskaya, E. Yu., Semenova, V. V. Qualitative methodology as a resource for social forecasting: opportunities and limitations. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*. 2017;3:1–11. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.01 (In Russ.)
18. Stefanenko, T. G. Ethnopsychology. Moscow, 2009. 368 p. (In Russ.)
19. Ethnicity and interethnic relations in a social context. (L. M. Drobizheva, S. V. Ryzhova, Eds.). Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=7506> (accessed 03.08.2020). DOI: 10.19181/inab.2017.3 (In Russ.)
20. Yalovitsyna, S. E. Impact of “war experience” on migrants’ social adaptation (based on biographic interviews). *Sociological Studies*. 2020;3:131–137. DOI: 10.31857/S013216250008807-0 (In Russ.)
21. Karjalainen, H., Puura, U., Grünthal, R., Kovaleva, S. Case-specific report on Karelian language in Russia. Available at: <https://phaidra.univie.ac.at/view/o:314612> (accessed 01.07.2019).
22. Zamyatkin, K. Language policy effects and their limited impact on language practices. *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2018;64:255–333. DOI: 10.33339/fuf.66530

ГАЛИНА ВИКТОРОВНА РЫВКИНА

младший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-8278-0466; giv@illh.ru

СОДЕРЖАНИЕ И СОСТОЯНИЕ ПРОЕЗЖИХ ДОРОГ КАРЕЛЬСКИХ УЕЗДОВ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. Изучение вопроса становления дорожной сети Олонецкой губернии открывает перспективы более детального рассмотрения процессов проникновения культурных элементов в карельские деревни, связанных с образованием, здравоохранением, техническим прогрессом, межкультурными взаимодействиями и т. д. Условной точкой развития внутренних сухопутных дорог Карелии можно считать образование Олонецкой губернии в качестве самостоятельной административной единицы в 1801 году. Функции надзора за основными почтовыми трактами Олонецкой губернии были возложены на губернскую дорожную комиссию. После земской реформы 1866 года данные полномочия перешли к земским учреждениям губернии. Дороги губернии были поделены на две видовые категории – земские и проселочные. Выполнение ремонтных работ на дорогах являлось натуральной повинностью крестьян. Состояние почтовых дорог и земских трактов во второй половине XIX века характеризовалось современниками как удовлетворительное. Проселочные дороги находились в более тяжелом состоянии, зачастую были представлены верховыми и пешеходными тропами, были узки, каменисты, проходили по болотистой местности. Особое значение имели места перевозов, а также мосты. После учреждения в 1895 году специального дорожного капитала земствами была развернута широкая деятельность по строительству тележных дорог в губернии. Благодаря этому в первом десятилетии XX века оформилась развернутая сухопутная сеть края, включающая в себя почтовые дороги, уездные тракты и проселочные дороги, по которым был возможен проезд на колесном транспорте.

Ключевые слова: Олонецкая губерния, дорожное строительство, дорожная культура

Благодарности. Исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра Российской академии наук за 2021 год.

Для цитирования: Рывкина Г. В. Содержание и состояние проезжих дорог карельских уездов Олонецкой губернии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 4. С. 110–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.625

ВВЕДЕНИЕ

Дороги в Карелии служили проводником экономических, социальных и культурных преобразований. В краеведческой и этнографической литературе о карелах наличие или отсутствие удобных путей сообщения часто служило объяснением исследователей для многих обнаруженных в карельской среде культурных явлений (поздние регистрации рождения, брака, множество кладбищ вдали от погостов, городские элементы в быту и т. д.). Однако эти утверждения, как правило, не были детально обоснованными. Таким образом, изучение особенностей формирования дорог имеет большое значение и способствует целостному пониманию специфики происходя-

щих механизмов во всех сферах жизнедеятельности карельского крестьянского общества.

В отечественной историографии в достаточной степени изучены вопросы формирования сети дорог в Российском государстве [5], [8], [10]; системы водных дорог Карелии [3], [13], [14]; развития дорожного строительства и управления, формирования крупных дорог, связывавших Карелию с центром государства [4], [9]; благодаря деятельности топонимистов реконструируются зимники, сухопутные дороги, волоки, проходившие по территории края [6], [7], [11], [12]. Целью данной статьи является рассмотрение развития местной сухопутной дорожной сети в уездах губернии, заселенных преимущественно

карельским населением, – Олонецком, Петрозаводском и Повенецком посредством анализа работы земских дорожных комиссий. Хронологические рамки исследования ограничиваются XIX – началом XX века.

В качестве источников использовались журналы земских собраний, документы губернской дорожной комиссии, записки путешественников, заметки о дорогах и лингвистические источники.

* * *

Формирование дорожной сети Олонецкой губернии проходило под влиянием административных преобразований и экономических нужд. Применительно к XIX веку условно отправной точкой развития дорог местного значения можно считать создание в 1801 году Олонецкой губернии [9: 201]. В 1834 году под председательством губернатора была учреждена дорожная комиссия, которая в 1850 году была преобразована в губернскую дорожную и строительную комиссию [4: 44, 54], в 1862 году реорганизована в Строительное отделение губернского правления [4: 54]. Основное внимание дорожной комиссии в 1834–1866 годах было направлено на поддержание в удовлетворительном состоянии почтовых трактов, служащих для сообщения между крупными административными центрами губернии, а также на строительство дорог к промышленным объектам. К примеру, в 1844 году было открыто почтовое сообщение с Сердоболем, в 1856 году построен тракт к Валазминскому заводу, в 1862 году завершено строительство Суоярвской дороги¹. За годы функционирования дорожной комиссии окончательно оформилась сеть почтовых дорог губернии. В феврале 1866 года указом императора Александра II в Олонецкой губернии была проведена реформа местного самоуправления, результатом которой стало учреждение земства [1: 72]. К функциям нового органа было отнесено содержание путей сообщения и контроль за исполнением дорожных и подводных повинностей [1: 72].

С 1867 по 1917 год дороги Олонецкой губернии делились на две основные категории: земские и проселочные. К земским относились тракты, содержавшиеся за счет земства. Проселочными дорогами являлись все оставшиеся, содержание и ремонт которых возлагались на крестьян населенных пунктов, располагавшихся при этих дорогах².

Губернские земские дороги имели градацию по значимости. К дорогам главного значения относились Архангельский, Петрозаводско-Петербургский и Повенецкий почтовые тракты;

дорогами второстепенного значения считались Сердобольский почтовый тракт, Вознесенский почтовый тракт (в пределах Лодейнопольского уезда) и Каргопольско-Пудожский уездный тракт, дороги первых двух категорий обеспечивали сообщение между соседними губерниями. К категории дорог малого значения, которые обслуживали нужды Олонецкой губернии, были отнесены Вытегорско-Пудожский почтовый тракт и Вознесенский почтовый тракт (в пределах Петрозаводского уезда)³.

В каждом уезде имелись проселочные дороги, причисленные к разряду земских уездных дорог, которые отвечали одному из следующих требований:

- 1) соединяли крупные дороги;
- 2) вели к пристани;
- 3) к населенному пункту, где размещалась фабрика, промышленное производство или крупная ярмарка;
- 4) к монастырю, посещаемому большим количеством верующих;
- 5) служили сообщением с отдаленными местами «по каким-либо особым к тому причинам»⁴.

Земскими уездными дорогами в Петрозаводском уезде являлись Кончезерско-Кивачская, Кончезерско-Валазминская, Шелтозерско-Горная проселочная (от с. Шелтозера до с. Ивины) и Суоярвская дорога⁵.

В Олонецком уезде земскими дорогами были Задне-Никифоровская, Андрусовская, Сяндебская, дорога на с. Спиридон-Наволок и Салменицы, от с. Неккулицы до с. Мятусова и от с. Видлицы до с. Ведлозера⁶.

Земскими дорогами Повенецкого уезда являлись: Повенецко-Паданская, Линдозерская, Паданско-Ругозерская, Паданско-Поросозерская, Поросозерско-Ребольская, Мяндусельская, Даниловская, Челмужско-Римская, Шуньгская, дорога от д. Юстозero до д. Совдозеро, от д. Остречье к д. Койкары и дорога от с. Поросозера до границы с Финляндией⁷.

Из представленного списка очевидна определенная функциональная специфика земских дорог каждого из карельских уездов, в частности, указанные дороги Петрозаводского уезда носили характер торговых дорог, поскольку вели к промышленным центрам и пристаням. Земские дороги Олонецкого уезда были ориентированы на сообщение с православными монастырями – Важеозерским монастырем (Задне-Никифоровская пустынь), Сяндебской Успенской пустынью, Андрусовским Николаевским монастырем. В Повенецком уезде превалирующая часть дорог

пролегала к отдаленным карельским селениям, например в Паданы, Поросозеро, Реболы.

Дорожные отделы земства поддерживали проездное состояние крупных дорог и строили новые проселочные дороги в уездах. В декабре 1867 года при Губернской управе была учреждена должность техника, а с января 1897 года произошло увеличение штата до трех техников, к функциям которых относились: анализ состояния дорог и дорожных сооружений; разработка плана по устройству или ремонту дорожного объекта; расчет стоимости будущих работ; контроль и принятие готового объекта⁸.

Прогрессивная деятельность земства по строительству новых проселочных дорог развернулась при олонецком губернаторе В. А. Левашове в 1899–1902 годах. В 1899 году губернатором был произведен осмотр дорог губернии, результатом которого стал циркуляр от 17 августа, где онставил перед земством вопрос о необходимости строительства тележных дорог. В. А. Левашов поручил земским учреждениям провести исследование путей сообщения в каждом уезде и подготовить список дорог, которые необходимо устроить в первую очередь⁹.

Начиная с 1900 года земства формировали ежегодный план по ремонту и строительству дорог, в результате за первое десятилетие XX века земством было построено в Петрозаводском уезде 268 верст дорожного полотна, в Олонецком уезде – 109 верст полотна¹⁰. Из числа карельских уездов губернии передовое место по строительству дорог занимал Повенецкий уезд, земством которого была развернута масштабная работа по проведению новых дорог к отдаленным деревням уезда начиная с 1887 года. К 1900 году к заведованию Повенецкого земства относилось 900 верст дорожного полотна¹¹.

Строительство проселочных дорог, как правило, проходило по существовавшим пешеходным тропам, но если на протяжении будущей дороги встречалась серьезная преграда, например озеро или крупное болото, то направление дороги могло измениться, поскольку при планировании строительства дорог техниками учитывалась не только протяженность пути, но и стоимость материалов. При строительстве тележных дорог в губернии выбирался наиболее простой способ: изначально вырубали просеку шириной 5 сажень, на проезжую часть дороги отводилось 2–3 сажени, по этой ширине выкорчевывали пни и корни деревьев, убирали крупные камни (их использовали для укрепления края дорожного полотна). По обочинам дороги, особенно в низменных местах, для стока воды рыли канавы глубиной 1 аршин, через реки и ручьи строили мо-

сты и перемычки¹². На болотах настилали гати, деревянные мостки или земляные насыпи. Для устройства гати в почву укладывали в два слоя фашину¹³ и покрывали сверху слоем земли или чуры¹⁴. Полотно дороги выравнивалось с помощью деревянных треугольников или лопат, иногда дополнительно покрывалось еще одним слоем чуры или песка¹⁵.

На проезжих дорогах строились мосты. Наиболее распространенным видом был широкий и высокий деревянный ряжевый мост (ливв. *sildu*, люд. *silde*), роль опоры которого выполняли деревянные срубы из бревен, по бокам моста устанавливались перила. Практиковалось также строительство мостов, лежащих прямо на поверхности воды (ливв. *vezisildu* ‘плавучий мост’)¹⁶. Они были узкими и изготавливались из сплюченных бревен. Такие мосты применялись на судоходных реках, к примеру, встречались по Сердобольскому тракту на реках Олонке, Тулоксе и Видлице и имелись в городе Олонце¹⁷. Кроме этого на небольших речках и ручьях устраивали насыпные мосты, в основу которых укладывались деревянные трубы, способствовавшие беспрепятственному течению воды под мостом¹⁸.

Ремонт полотна всех дорог, проходящих по территории крестьянских владений, являлся натуральной дорожной повинностью крестьян [15]. Исполнение данной повинности было обременительным для населения: во-первых, ремонтные работы проводились в летнее время года, что совпадало с сельскохозяйственными работами; во-вторых, почтовые тракты и главные проселочные дороги нужно было очищать от снежных заносов зимой деревянными треугольниками, в которые запрягали лошадь, или вручную лопатами; в-третьих, крестьяне занимались заготовкой и подвозкой строительного материала к дорогам в зимнее время года, что делало дорожную повинность круглогодичной¹⁹. Ремонт дороги отвлекал карелов от основных занятий, этим можно объяснить карельскую поговорку, оправдывающую нарушение религиозного запрета на физическую работу в воскресенье: *Ryhämpän dorogaa suaai kohendoa, sidä ei ole riähky* ‘В воскресенье ремонтировать дорогу не грех’²⁰.

После учреждения земства в Олонецкой губернии был поднят вопрос о замене натуральной дорожной повинности на земских дорогах на денежную повинность с целью облегчить обременение крестьянства. В 1875 году такое решение было принято Земским собранием Петрозаводского уезда, а в 1877 году – Земским собранием Олонецкого уезда²¹. Фактически крестьянство обоих уездов несло дорожную повинность в смешанной форме: денежной повин-

ностью, оплачивая ремонты почтовых трактов, и натуральной повинностью, исправляя земские уездные дороги²². В 1875 году на Земском собрании Повенецкого уезда поднимался вопрос о замене натуральной повинности денежной, но решение так и не было принято²³.

Вопрос о необходимых денежных ресурсах для устройства новых дорог был актуальным для всех уездов губернии²⁴. С этой целью 1 июля 1895 года был создан специальный дорожный капитал в размере 64 тысяч рублей, который формировался из сумм уездного и губернских земских сборов [2: 40]. Средства дорожного капитала расходовались в первую очередь на строительство новых дорог, а также шли на капитальный ремонт постоянных мостов на дорогах, устройство значительных по размерам насыпей на болотистых участках дорог, удаление с дороги камней, заграждавших проезд, исследование находившихся на дорогах родников и ключей и отвод таковых с полотна дороги²⁵. Таким образом, расходы по строительству дорог были возложены на земства, однако содержание новых проселочных дорог впоследствии возлагалось на крестьян.

Следует отметить, что строительство новых дорог и дорожных сооружений осуществлялось земством посредством найма подрядчиков или хозяйственным методом под руководством техников земских управ²⁶. Земские управы были заинтересованы в том, чтобы подрядчиками становились сами крестьяне: это способствовало бы добросовестному строительству дорожного полотна, а также крестьяне могли в будущем рассчитывать на получение данной работы, что уменьшило бы внекраевой отход населения²⁷.

На протяжении деятельности дорожной комиссии и земств в зоне особого внимания оставался вопрос не только строительства новых дорог в губернии, но и поддержания проезжего состояния уже имевшихся. Благодаря особому интересу губернского правления в отношении состояния почтовых трактов главные дороги губернии находились в хорошей исправности, и проезд по ним был безопасен²⁸. Покрытие почтовых дорог, как и проселочных, на протяжении XIX – начала XX века оставалось грунтовым. В зависимости от места прохождения дороги грунт был песчаным, каменистым (дорога шла по каменистому ложу), глинистым и топким (заболоченные места). Последние два вида грунта в периоды межсезонья и в дождливое лето затрудняли проезд колесного транспорта даже на почтовых дорогах, вследствие чего происходило запаздывание почтовых отправлений²⁹.

Состояние земских дорог Олонецкой губернии оценивалось современниками как удовлетворительное. К примеру, спустя четыре года после постройки Суоярвской дороги в «Олонецких губернских ведомостях» появляется ее описание. Автор отмечает, что по сравнению с почтовым трактом дорога более узкая, но сносная и летом по ней «можно проехать в порядочном экипаже»³⁰. Сердобольский тракт также имел хорошее проезжее состояние полотна, однако участок дороги между Ильинским погостом и Видлицей проходил по песчаному грунту, что снижало скорость движения по тракту в летнее время года³¹. Одной из лучших земских дорог Олонецкой губернии считалась Кончезерско-Кивачская дорога³².

Однако в силу ландшафтных особенностей местности для Карелии было характерно «опасное» расположение дорог по краю обрывов и скал. К примеру, путешественник М. А. Круковский отмечал, что Суоярвский тракт проходил по откосу, и у путника складывалось впечатление, что «вот сорвется телега и покатится туда вниз»³³. Для безопасности проезжающих на земских трактах применялось строительство перил в крутых для проезда местах. Например, в Олонецком уезде опасным для проезда был участок Сердобольского тракта от Олонца до Ильинского погоста, который пролегал по самому берегу р. Олонки. Обрывистый берег представлял большую опасность для проезжающих, особенно в ночное время. Так как на данных участках дороги были случаи падения едущих в реку, то на протяжении 2 094 саженей были установлены перила, предохраняющие экипажи от ската в воду³⁴. В Повенецком уезде таким огороженным местом был промежуток дороги между Тихвинским бором и Даниловым, проходивший по хребтовой полосе. Данная дорога была узка, имела крутые боковые откосы высотой 3–4 сажени и становилась особо опасной в период ночной езды и в дождливую погоду³⁵.

Состояние проселочных дорог было разным даже в волостях одного уезда. К примеру, на 1881 год лучшими дорогами Повенецкого уезда считались пути сообщения Шуньгской волости, а худшими – дороги Ребольской и Поросозерской волостей. Данная ситуация была обусловлена тем, что в Ребольской и Поросозерской волостях дороги имели большую протяженность, а плотность населения была низкой, соответственно, крестьяне физически не могли поддерживать проездное состояние дорог³⁶.

Проселочные дороги карельских уездов большей частью были представлены верховыми и пешеходными тропами. Так, в Олонецком уезде

на 1905 год сухопутное сообщение исключительно посредством троп имели 229 поселений (42,9 % от общего числа селений уезда), в Петрозаводском уезде – 370 населенных пунктов (58,17 %), в Повенецком уезде – 253 селения (62,93 %)³⁷. Соответственно, необходимость строительства новых проселочных дорог сохраняла актуальность.

Построенные земством дороги активно использовались местными жителями. Однако крестьяне не всех волостей добросовестно исполняли свои обязательства по ремонту проезжего полотна, и дороги приходили в негодность: на полотне появлялись ямы, выбоины, глубокие колеи, просеки застали мелким лесом³⁸. В этой связи губернское земское собрание 5 декабря 1909 года вынесло решение установить правила надзора за дорогами, построенными за счет дорожного капитала, согласно которым ежегодно техники уездных управ должны были производить осмотр дорог³⁹. В случае неудовлетворительного состояния проезжего полотна управы земств привлекали крестьян к исправлению новых дорог посредством полиции и волостного правления⁴⁰.

В целом для проселочных дорог всех карельских уездов была характерна небольшая ширина проезжей части⁴¹. Зачастую на лесных проселочных дорожках невозможно было разъехаться двум ездокам и путешествовать приходилось, следя друг за другом, гуськом, а встречному путнику уступали дорогу, отводя лошадь в сторону. Дороги были каменистыми, вдали от крупных трактов проходили по ненаселенной местности. Случалось, путники преодолевали расстояние более 30 верст от одного поселения до другого по глухому лесу⁴². Основной трудностью, с которой приходилось сталкиваться дорожному человеку на лесных дорогах и тропинках, были гати – настил из уложенных в ряд бревен в болотистой почве. По гатям проехать верхом было трудно, поэтому шли пешком, а лошадь вели под узду⁴³. Стоит отметить, что протяженность гатей иногда достигала 10 верст и более⁴⁴. Некоторые болота были непрходимыми в летнее время, и необходимость огибать их увеличивала в разы расстояние между соседними деревнями⁴⁵.

Значительная часть поселений карелов располагалась по берегам рек и озер, в этой связи возрастила транспортная значимость переправ – места перевоза странников по воде с одного берега на другой. Карелы вызывали перевозчика для осуществления переправы в деревню голосом и огнем (дымом от костра)⁴⁶. Традиция кликать перевозчика в отдаленных деревнях южной

Карелии сохранялась до второй половины XX века: информант 1954 г. р., уроженка д. Петнаволок Олонецкого района, делилась воспоминаниями из своего детства:

«Мы когда из Кормиисто шли (в Пертозеро. – Г. Р.), у ручья Лепистоя кричали “*Tiogat veneh!*” – “Подайте лодку!”. И люди слышали через озеро, приходили (на лодке. – Г. Р.), встречали, чтобы нам кругом не идти через оз. Пертозеро по плотине, это еще 5 километров, если не больше»⁴⁷.

Перевозы, мосты, гати – знаковые элементы дорожной культуры воплотились в карельской топонимии в качестве маркеров дорожного пространства карелов. Е. В. Захарова, основываясь на анализе топонимов Карелии, делает вывод о превалировании перевозов в центральной и северной Карелии, а мостов в южной Карелии, объясняя такое различие ландшафтными особенностями районов [7: 161]. Равнинная местность южной части Олонецкой губернии способствовала строительству тележных дорог и необходимости постройки мостов. Однако каждый год Петрозаводское и Олонецкое уездные земства сталкивались с проблемой разрушения мостов в период ледоходов и наводнений. К примеру, в 1866 году водой снесло мост через р. Шую у д. Киндасово по Суоярвскому тракту, и вместо моста был устроен временный перевоз на лодке⁴⁸. В 1911 году в Олонецком уезде в результате весеннего наводнения были затоплены все земские тракты около г. Олонца и было разрушено несколько мостов. Сообщение с селами Ильинским и Мегрегой осуществлялось по воде на лодках, а в нескольких местах на реках были устроены временные перевозы⁴⁹. Ремонт и постройка мостов требовали больших затрат, поэтому земство предлагало и поощряло устройство переправ вместо мостов на проселочных дорогах. К примеру, такое предложение поступило от земства в 1912 году крестьянам с. Салменица взамен моста через р. Шую на проселочном тракте, ведущем в г. Олонец⁵⁰. Содержание речных перевозов возлагалось на счет земства и, вероятно, обходилось дешевле, нежели строительство нового моста⁵¹. В Повенецком уезде, где водные дороги превалировали над сухопутными, при перевозах через реки и озера практиковалось строительство избушек для отдыха и ночлега проезжающих⁵².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует отметить, что состояние дорог Олонецкой губернии находилось в прямой зависимости от вида дороги. В частности, почтовые тракты и земские дороги имели удовлетворительное состояние дорожного полотна благодаря

ежегодному ремонту и своевременной замене пришедших в негодность дорожных сооружений. Применительно к состоянию проселочных дорог карельской части Олонецкой губернии общими характеристиками являлись узость и каменистость дорожного полотна, наличие большого количества заболоченных местностей, по которым проходила дорога, а также извилистость путей сообщения вследствие необходимости огибать естественные преграды. Такое состояние дорог влияло на выбор карелами транспорта и лошадей. Превалирование троп над тележными дорогами и труднодоступность большинства поселений в межсезонный период позволяли современникам судить об отсутствии дорог в губернии вовсе. Учрежденные в 1866 году земства способствовали решению дорожного вопроса в карельских уездах; в конце XIX – начале XX века основной задачей земских комиссий стало не улучшение состояния существующих дорог,

а строительство новых, по которым был возможен проезд на колесном транспорте. Основным источником материальных ресурсов для строительства дорог являлся специальный дорожный капитал, однако дальнейшее содержание дорог возлагалось на крестьян. Качество построенных дорог зависело от нескольких факторов, в частности от особенности почвы, по которой проходила дорога, а также добросовестного выполнения крестьянами дорожной повинности по поддержанию дорог в проезжем состоянии. Малонаселенность карельских уездов препятствовала сохранности тележных дорог в силу отсутствия у крестьян физических сил на ремонт многочисленных верст проезжего полотна. Несмотря на трудности дорожного строительства в карельских уездах, оформление развернутой системы сухопутных дорог Олонецкой губернии к первому десятилетию XX века являлось важным итогом деятельности земских учреждений края.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 4; Журналы Петрозаводского уездного Земского Собрания очередной сессии 1876 г. Петрозаводск, 1877. С. 7; Новая дорога из Финляндии в Петрозаводск // ОГВ. 1862. № 47. С. 5.
- ² Журналы Петрозаводского уездного Земского Собрания и доклады Управы очередной и чрезвычайных сессий 1914 г. Петрозаводск, 1915. С. 262.
- ³ Олонецкая губернская земская управа. Отчет Олонецкой губернской земской управы за 1900 год. Петрозаводск, 1901. С. 302–310.
- ⁴ Журналы Олонецкого уездного Земского Собрания (очередного) сессии 1877 г. Петрозаводск, 1878. С. 39.
- ⁵ Олонецкая губернская земская управа. Отчет Олонецкой губернской земской управы за 1900 год... С. 310–311.
- ⁶ Там же. С. 311–312.
- ⁷ Там же. С. 320.
- ⁸ Сборник постановлений Олонецких Губернских Земских Собраний с 1867 по 1897 г. Петрозаводск, 1898. С. 382–383, 276.
- ⁹ Журналы Петрозаводского уездного Земского Собрания очередной сессии 1899 г. Петрозаводск, 1901. С. 60.
- ¹⁰ Журналы Петрозаводского уездного Земского Собрания и доклады Управы очередной и чрезвычайных сессий 1915 г. Петрозаводск, 1916. С. 229; Подсчитано на основе данных Отчета Олонецкой земской управы за 1904–1913 гг.
- ¹¹ Олонецкая губернская земская управа. Отчет Олонецкой губернской земской управы за 1900 год... С. 320.
- ¹² Журналы Петрозаводского уездного Земского Собрания и доклады Управы чрезвычайной и очередной сессий 1902 г. Петрозаводск, 1903. С. 106.
- ¹³ Фашина – связка ивовых прутьев, применявшаяся для укрепления дорожного полотна.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 32 об.–33 об.
- ¹⁵ Журналы Петрозаводского уездного Земского Собрания и доклады Управы очередной и чрезвычайных сессий 1914 г.... С. 265.
- ¹⁶ Словарь карельского языка: (ливвицкий диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. С. 426.
- ¹⁷ НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
- ¹⁸ Ведомость с раскладкою дорожной натуральной повинности по Повенецкому уезду на 1889 год // Журналы Повенецкого уездного Земского собрания очередной сессии 1888 г. Петрозаводск, 1889. С. 10.
- ¹⁹ Покровский П. Корел, его быт и занятия (Олонецкий уезд) // ОГВ. 1873. № 6. С. 66; НАРК. Ф. 3. Оп. 4. Д. 16/5. Л. 40–41.
- ²⁰ Kairjalan kielen sanakirja. Osa VI / Päätoim. R. Koronen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2005. S. 153.
- ²¹ Журналы Петрозаводского уездного Земского Собрания очередной сессии 1876 г., чрезвычайного 1877 г. Петрозаводск, 1877. С. 8; Журналы Олонецкого уездного Земского Собрания чрезвычайного и очередной сессии 1899 г.... С. 73.
- ²² Журналы Олонецкого уездного Земского Собрания чрезвычайного и очередной сессии 1899 г.... С. 73; Журналы Петрозаводских уездных Земских Собраний 1893 г. Петрозаводск, 1894. С. 39–40.
- ²³ Журналы X очередного Повенецкого уездного Земского Собрания 1875 г. Петрозаводск, 1876. С. 8.
- ²⁴ К примеру, Олонецким уездным земством в 1891 году на дорожное дело было выделено только 6 % (2100 руб.) от общей суммы расходов на нужды земства. См.: Смета расходов, предположенным к выполнению в 1891 г. // Журналы Олонецкого уездного земского собрания 1890 г. Петрозаводск, 1891. С. 2.
- ²⁵ Обзор Олонецкой губернии за 1908 год: [приложение к Всеподданнейшему отчету Олонецкого Губернатора]. Петрозаводск, 1909. С. 33; Олонецкая губернская земская управа. Отчет Олонецкой губернской земской управы за 1900 год... С. 282.

- ²⁶ Обзор Олонецкой губернии за 1892 год: Приложение к Всеподданнейшему отчету Олонецкого Губернатора. Петрозаводск, 1893. С. 38.
- ²⁷ Журналы X очередного Повенецкого уездного Земского Собрания 1875 г.... С. 4–5.
- ²⁸ Статистические сведения об Олонецкой губернии // ОГВ. 1843. № 7–8. С. 37–38.
- ²⁹ Обзор Олонецкой губернии за 1892 год... С. 38.
- ³⁰ М. Г. Салменижская волость // ОГВ. 1866. № 21. С. 356.
- ³¹ Круковский М. А. Олонецкий край: Путевые очерки. СПб.: Изд. Петербург. учеб. магазина, 1904. С. 58.
- ³² Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 4. Петрозаводск, 1902. С. 132–142.
- ³³ Круковский М. А. Олонецкий край... С. 111.
- ³⁴ Журналы Олонецкого уездного Земского Собрания чрезвычайного и очередной сессии 1899 г.... С. 70–72.
- ³⁵ Журналы Повенецкого уездного Земского Собрания 1878–1879 г. Петрозаводск, 1879. С. 15.
- ³⁶ Журналы Повенецкого уездного Земского Собрания 1881 г. Петрозаводск, 1882. С. 23.
- ³⁷ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1905 год. Петрозаводск, 1905. С. 372.
- ³⁸ Журналы Петрозаводского уездного Земского Собрания и доклады Управы очередной и чрезвычайной сессий 1912 г. Петрозаводск, 1913. С. 355; Журналы Петрозаводского уездного Земского Собрания и доклады Управы очередной и чрезвычайных сессий 1914 г.... С. 270.
- ³⁹ Журналы Повенецкого уездного Земского Собрания сессий 1912 г.: с приложениями. Петрозаводск, 1913. С. 470.
- ⁴⁰ Журналы Петрозаводского уездного Земского Собрания и доклады Управы очередной и чрезвычайных сессий 1914 г.... С. 229.
- ⁴¹ Круковский М. А. Олонецкий край... С. 101–102.
- ⁴² Унин Л. Контур Олонецкой губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 11. С. 502.
- ⁴³ Круковский М. А. Олонецкий край... С. 109.
- ⁴⁴ Перельгин Г. О некоторых лесных дачах в западной части Олонецкой губернии // ОГВ. 1841. № 14. С. 69.
- ⁴⁵ М. Г. Салменижская волость // ОГВ. 1866. № 24. С. 424–426.
- ⁴⁶ Lyydiläisiä kielennäytteitä / Koonneet Heikki Ojansuu, Juho Kujola, Jalo Kalima ja Lauri Kettunen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1934. S. 46.
- ⁴⁷ Полевые материалы автора. Запись интервью от 19.04.2020. М. М. Потёмкина, Олонецкий р-н, с. Видлица.
- ⁴⁸ М. Г. Салменижская волость // ОГВ. 1866. № 21. С. 357.
- ⁴⁹ Журналы Олонецкого уездного Земского Собрания и доклады Управы очередной сессии 1911 г. Петрозаводск, 1912. С. 279–280.
- ⁵⁰ Журналы Петрозаводского уездного Земского Собрания и доклады Управы очередной и чрезвычайной сессий 1912 г.... С. 328.
- ⁵¹ Обзор Олонецкой губернии за 1908 год... С. 33.
- ⁵² Журналы Повенецкого уездного Земского Собрания очередной сессии 1880 г. Петрозаводск, 1881. С. 25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баданов В. Г. Земские учреждения Олонецкой губернии (1867–1918 гг.): самоуправление, хозяйство и культура. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. 369 с.
- Баданов В. Г. Олонецкое земство: бюджеты местного самоуправления // Экономическая история. 2014. № 1 (24). С. 28–44.
- Григорьев С. В. Внутренние воды Карелии и их хозяйственное использование. Петрозаводск, 1961. 140 с.
- Дороги Карелии: С древнейших времен до наших дней / Сост.: О. А. Ширлин и др. СПб., 1999. 197 с.
- Дороги России: страницы истории дорожного дела. СПб.: Лики России, 1996. 200 с.
- Захарова Е. В. «Дорожные знаки» в топонимии западной окраины Русского Севера // Ономастика Поволжья: Материалы XVI науч. конф., посвящ. 50-летнему юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В. А. Никонова. Т. 1. Ульяновск, 2017. С. 312–319.
- Захарова Е. В. Переprавы как ключевые участки путей (по материалам географической лексики и топонимии Карелии) // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 145–167. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.019
- Истомина Э. Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982. 279 с.
- История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под общ. ред. Н. А. Кораблева и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
- Кудрявцев А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР: В 2 ч. Ч. 1: Дооктябрьский период. М.: Дориздат, 1951. 332 с.; Ч. 2. Послеоктябрьский период. М.: Дориздат, 1957. 367 с.
- Муллонен И. И. Древние дороги Обонежья // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный энтиитет этноса: Материалы рос.-фин. симп. Архангельск, 2004. Вып. 2. С. 233–240.
- Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 242 с.
- Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнографический очерк. М.; Л.: Наука, 1965. 222 с.
- ТИтаренко Г. А. Голубые дороги Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1979. 120 с.
- Трошина Т. И. Дорожная повинность государственных крестьян Русского Севера // Котласское историко-просветительское общественное движение краеведов «Северное трёхречье» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://severnoetrehrechie.ru/> (дата обращения 20.12.2020).

Original article

Galina V. Ryvkina, Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-8278-0466; *giv@illh.ru*

MAINTENANCE AND CONDITIONS OF THE ROADWAYS IN KARELIAN UYEZDS OF THE OLONETS PROVINCE

A b s t r a c t. The study of the formation of the road network in the Olonets province opens up prospects for a more detailed consideration of the processes of penetration of cultural elements related to education, health, technological progress, intercultural interactions, etc. into Karelian villages. The formation of the Olonets province as an independent administrative unit in 1801 can be considered the start of the development of internal land roads in Karelia. The functions of supervising the main postal routes of the Olonets province were assigned to the provincial Road Commission. After the zemstvo reform of 1866, these powers were transferred to the zemstvo institutions of the province. The roads of the province were divided into two specific categories – zemstvo roads and side roads. Road repair works were the peasants' natural duty. The condition of the postal roads and zemstvo tracts in the second half of the XIX century was characterized by the contemporaries as satisfactory. The side roads were in worse condition – they were often represented by horseback riding and hiking trails, narrow, rocky, and passing through swampy terrains. Transportation routes and bridges were of particular importance to the region. After establishing a special road fund in 1895, the zemstvos launched extensive activities aimed at the construction of cart roads in the province. These activities contributed to the emergence of a large-scale land road network in the region during the first decade of the XX century, which included postal roads, uyezd tracts, and side roads that could be used by wheeled transport.

K e y w o r d s: Olonets province, road construction, road culture

A c k n o w l e d g e m e n t s. The research was carried out as part of the 2021 state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

F o r c i t a t i o n: Ryvkina, G. V. Maintenance and conditions of the roadways in Karelian uyezds of the Olonets province. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(4):110–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.625

REFERENCES

1. Badanov, V. G. Zemstvo institutions of the Olonets province (1867–1918): self-government, economy and culture. Petrozavodsk, 2017. 369 p. (In Russ.)
2. Badanov, V. G. Olonetsky zemstvo: local government budgets. *Economic History*. 2014;1(24):28–44. (In Russ.)
3. Grigor'ev, S. V. Internal waters of the Republic of Karelia and their economic use. Petrozavodsk, 1961. 140 p. (In Russ.)
4. Roads of Karelia: From ancient times to the present day. St. Petersburg, 1999. 197 p. (In Russ.)
5. Roads of Russia: pages of the history of road construction. St. Petersburg, 1996. 200 p. (In Russ.)
6. Zakharova, E. V. “Road signs” in the toponymy of the western outskirts of the Russian North. *Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the XVI Research Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the First Volga Onomastic Conference and the Memory of its Organizer V. A. Nikonov*. Vol. 1. Ulyanovsk, 2017. P. 312–319. (In Russ.)
7. Zakharova, E. V. Crossings as key elements of land routes (based on geographical vocabulary and toponymy of Karelia). *Problems of Onomastics*. 2019;16(2):145–167. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.019 (In Russ.)
8. Istromina, E. G. Waterways of Russia in the second half of the XVIII and the early XIX centuries. Moscow, 1982. 279 p. (In Russ.)
9. The history of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
10. Kudryavtsev, A. S. Essays on the history of road construction in the USSR. In 2 parts. Part 1: The pre-revolutionary period. Moscow, 1951. 332 p. Part 2: The post-revolutionary period. Moscow, 1957. 367 p. (In Russ.)
11. Muilonen, I. I. Ancient roads of Lake Onega coast. *The folk culture of the Russian North. Folklore entity of the ethnos: Proceedings of the Russian-Finnish symposium (Arkhangelsk, November 20–21, 2003)*. Arkhangelsk, 2004. Vol. 2. P. 233–240. (In Russ.)
12. Muilonen, I. I. The toponymy of Zaonezhye: Dictionary with historical and cultural comments. Petrozavodsk, 2008. 242 p. (In Russ.)
13. Taroeva, R. F. Material culture of the Karelians (Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic): Ethnographic essay. Moscow, Leningrad, 1965. 222 p. (In Russ.)
14. Titarenko, G. A. Blue roads of Karelia. Petrozavodsk, 1979. 120 p. (In Russ.)
15. Troshina, T. I. Road maintenance duty of state peasants of the Russian North. Edited by the Kotlas Historical and Educational Public Movement of Local Historians “Three Northern Rivers”, Kotlas. Available at: <http://severnoetrehchie.ru/> (accessed 20.12.2020). (In Russ.)

Received: 15 February, 2021; accepted: 29 April, 2021

ФЛЕРА ХАРИСОВНА СОКОЛОВА

доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3063-6128; f.sokolova@narfu.ru

АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ СИЛИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1948-6461; a.silin@narfu.ru

Рец. на кн.: Голдин В. И. Мир в прошлом и настоящем: наблюдения, впечатления, размышления: монография. – Архангельск: САФУ, 2020. – 560 с.

«Путешествуя – познавай, познавая – путешествуй»¹ – такова жизненная установка, кредо доктора исторических наук, профессора Владислава Ивановича Голдина, которому он предан на протяжении долгого времени, стремясь ежегодно в ходе путешествий по миру оставлять за своей спиной 100 тысяч километров. В русле этой установки выполнено и новое исследование В. И. Голдина – «Мир в прошлом и настоящем: наблюдения, впечатления, размышления»².

Следует подчеркнуть, что рецензируемая монография для ее автора носит в чем-то рубежный характер. Во-первых, она продолжает серию авторских исследований, посвященных проблемам международных отношений и страноведения. В эту серию ранее уже вошли четыре монографии ученого³. Во-вторых, осенью 2019 года исполнилось 40 лет научно-педагогической деятельности В. И. Голдина и 50 лет его работе в качестве лектора-международника, преподавателя, исследователя, эксперта, координатора международных научных проектов и путешественника (с. 6).

С точки зрения структуры и содержания рецензируемая книга состоит из нескольких разделов и глав. При этом повествование переплетается с рассказом В. И. Голдина о его профессиональном становлении. И такой подход неслучαιен, ибо для целого ряда работ ученого характерно личностное осмысление прошлого и современности. Первая глава посвящена эволюции мира и международных отношений за истекшие полвека. Последующие главы представляют собой очерки, совмещающие в себе путевые заметки, концептуальные исторические обзоры

и сведения о различных сторонах жизни регионов и отдельных стран Азии, Африки, Америки и Европы. В рецензируемой монографии емко представлены личные впечатления и размышления автора,дается яркая характеристика природы, этнографических и демографических особенностей, представлен вдумчивый анализ социально-экономической среды и политico-идеологической организации стран, достопримечательностей и архитектурного облика городов. При этом В. И. Голдина интересует и множество жизненных частностей анализируемых стран, включая состояние дорожной инфраструктуры и общественного транспорта, гостиничного обслуживания, туристического бизнеса, чистоты поселений.

И еще на одном аспекте рецензируемой работы хотелось бы остановиться. Искренне и объективно Россия и русские с известным постоянством присутствуют на страницах монографии В. И. Голдина, что специфично подключает книгу автора к большой, сложной и противоречивой теме «Русского мира». Читатель имеет возможность встретить передаваемое автором отношение иностранцев к России и к russkим. Например, в главе, посвященной Ирану, автор, ссылаясь на слова местного гида, пишет о том, что рейтинг России и ее вооруженных сил в стране высок благодаря вводу российских войск в Сирию, где иранцы определенным образом взаимодействуют с ними (с. 35).

Рецензируемая книга, как и ряд предшествующих исследований автора, посвященных проблемам международных отношений и страноведения, написана на стыке различных научных жанров – монографического ис-

следования, записок путешественника, эссе, справочного пособия и научно-популярной работы. Уже отмечалось, что первая глава посвящена проблемам международных отношений за истекшие полвека. В. И. Голдин вскрывает и анализирует эволюцию международных отношений, указывая на их узловые моменты, точки прорыва, угрозы, соотношения ожиданий и наступившей реальности. Как отмечает исследователь, международные отношения эволюционировали от биполярного мира к миру однополярному, а затем – к многополярному, или, по крайней мере, к постбиполярному миру. Автор резюмирует: «Но такой мир – это неизбежно растущие дестабилизация и хаос, что мы и видим в последние годы» (с. 16). Помимо этого, автор с благодарностью называет имена людей, с которыми его сводила судьба и которые оказались на него то или иное влияние в плане становления и развития.

Ограниченный формат сообщения и большой объем рецензируемой книги (более 500 страниц) заставляют рецензентов проанализировать фактический материал и основные идеи монографии В. И. Голдина на примере одного из ее значимых разделов. Большой раздел посвящен странам Азии, охватывающим Ближний и Средний Восток. С известной долей условности можно говорить о том, что авторское повествование развертывается от Машрика (Востока) до Магриба (Запада), правда, сам автор оговаривается, что об одной из главных стран арабского Магриба – Марокко – речь пойдет в разделе, посвященном Африке. В. И. Голдин отмечает, что длительное время отечественные специалисты в области востоковедения, географии, международных отношений предпочитали разделять Ближний и Средний Восток, отдельно характеризуя каждый из них⁴, хотя за рубежом существовала традиция рассматривать их в единстве (с. 27). При этом следует подчеркнуть, что советские востоковеды указывали на взаимосвязь Ближнего и Среднего Востока начиная с древности, со времен «Великого шелкового пути»⁵. Ныне же процессы, которые происходят в этом регионе планеты, заставляют и российских международников объединять это пространство, рассматривать его как единое и неразрывное целое при известной специфике в используемой терминологии.

В свое время У. Черчилль характеризовал Балканы как роковое «мягкое подбрюшье Европы». В. И. Голдин приводит характеристику З. Бжезинского, в определенной степени перенесшего оценку Черчилля на Ближний и Средний Восток, называя этот регион «Евразийскими Балканами»,

считая его особым geopolитическим феноменом «мягкого кластера» (с. 29). Действительно, Ближний и Средний Восток оказался регионом, чреватым конфликтами различной степени глубины, содержания и направленности, в которые в разной мере были втянуты большинство государств региона, преследуя свои явные и скрытые цели, а также великие державы и государства, претендующие на звание таковых.

Азиатский раздел книги начинается главой об Иране, имеющей подзаголовок «загадки и разгадки Востока». Большой интерес вызывает концептуальный исторический очерк «Страны ариев» – Арианы, или Ирана. Автор сжато, емко и содержательно характеризует взлеты и падения иранской государственности при правивших в стране династиях: от царей древней Мидии до последних Пехлеви. Авторское повествование, касающееся новейшей иранской истории, существенно корректирует бытовавшие ранее представления об исламской революции 1979 года. Для бывшего советского читателя представления об этой революции в той или иной степени формировались под влиянием новостных сообщений Всесоюзного радио и репортажей Центрального телевидения СССР, когда в условиях биполярного видения мира подчеркнутый, даже в чем-то заостренный антиамериканизм исламской революции, ее «антимпериалистический» характер воспринимались в позитивных тонах. И такое восприятие подкреплялось зрительным рядом в виде карикатур журнала «Крокодил», на которых изображался убегавший из страны Реза Пехлеви, державший под мышкой шахскую корону. Авторский же анализ событий и последствий исламской революции невольно подводит читателя к мысли о том, что построение всех сторон жизни на нормах ислама вряд ли способствует всестороннему прогрессу иранского общества и не порождает своеобразной «амбивалентности» современных иранцев (когда они дома, то ведут себя одним образом, а в общественных местах – другим). Последнее не исключает для Ирана известный, пусть и в значительной мере односторонний технико-технологический прогресс, претензий на роль серьезного, если не ведущего, регионального игрока и экспортера идей исламской революции.

Следующая глава авторского повествования посвящена Израилю. При этом В. И. Голдин признает, что прошлое и настояще этой страны относится к числу дискуссионных проблем и различных, нередко диаметрально противоположных суждений (с. 85). В советский период история Израиля рассматривалась сквозь призму

прямолинейно понимаемого классового подхода, согласно которому израильские сионисты проповедовали «ложивую идею о единой нации» всех евреев на земном шаре, а объявляемая ими «общность интересов» трудящихся и еврейской буржуазии ослабляла классовую борьбу в Израиле. В то же время требование иммиграции всех евреев на территорию небольшого израильского государства скрывало, по мнению советских идеологов и пропагандистов, экспансионистские планы Израиля в отношении соседних арабских государств. В. И. Голдин же предлагает читателю взглянуть на историю и современность этого государства без пристрастий. Авторский анализ показывает, что Израилю, который сравнительно недавно отметил свое семидесятилетие, удалось состояться как современному государству с развитым высокотехнологичным промышленным и научно-исследовательским производством и агропромышленным комплексом, а также образованием и медициной. В. И. Голдин подчеркивает, что «именно научный и научно-технический прогресс является главным двигателем успешного развития Израиля и его экономики, а также социальной сферы и культуры» (с. 109, 110). Вышесказанное не означает, что у Израиля нет серьезных проблем. К их числу автор относит проблему Иерусалима как столицы израильского государства, проблему безопасности, порождаемую перманентным давлением со стороны арабского мира, испытывающего желание военным путем «сбросить Израиль в море», террористическими угрозами, проблему взаимоотношений с Палестинской автономией, проблему кризиса израильской политической системы, складывавшейся на протяжении десятилетий. С этими проблемами Израиль пытается справляться с разной степенью успешности. Так, например, решая проблему безопасности, Израиль создал мощные, боеспособные вооруженные силы и разветвленную систему спецслужб. Однако, как отмечает автор, важнейшая цель политического сионизма, связанная с превращением Израиля в отечество для всех «евреев рассеяния», так и не была достигнута.

Авторское повествование продолжается главой об Иордании, которая имеет подзаголовок «между прошлым и настоящим». Думается, что такой подзаголовок объясним специфичным, «серединным» геополитическим положением страны, расположенной между Израилем и остальным арабским миром. Иорданские власти стремились проводить гибкую политику, балансируя между двумя полюсами, не останавливаясь при необходимости перед использованием силовых акций. Но, по мнению В. И. Голдина,

такая политика способствовала тому, что коллективный Запад, с которым власти Иордании пытались не ссориться, обвинял Хашимитское Королевство в пособничестве террористам, а радикальные исламисты в том, что страна является «тыловой базой США» (с. 134). В итоге в последние десятилетия Иордания интенсифицировала отношения с Россией. Принципиально важен вывод исследователя, касающийся истории и современности Иордании: стране есть чем гордиться в прошлом, она является средоточием памятников всемирно-исторического наследия, но современным государством и обществом она пока не стала, «и удастся ли это и когда – большой вопрос, учитывая те риски и вызовы, которые стоят перед ней» (с. 144).

Далее в поле авторского повествования попадает Бахрейн – «маленькая жемчужина Ближнего Востока». Это небольшое государство является одним из самых экономически развитых в регионе, ведущих активную внешнюю политику, прежде всего в отношении стран Персидского залива, Ближнего и Среднего Востока и США, «стремясь к выполнению, в том числе, посреднических функций» (с. 153). Бахрейн характеризуется высоким уровнем безопасности, низкой преступностью, при этом следует учесть, что преступления против иностранцев в этой стране преследуются более сурово (с. 171). Но у Бахрейна есть и свои сложности, и проблемы в частности сложности во взаимоотношениях между правящими кругами, являющимися суннитами по своему вероисповеданию, и населением, придерживающимся шиизма.

Завершается азиатский раздел книги В. И. Голдина главой о стране, которая на протяжении своей независимой истории несколько раз меняла официальное наименование: Республика Бирманский Союз, Социалистическая Республика Бирманский Союз, Союз Мьянма и, наконец, Республика Союз Мьянма. В силу этого вполне объяснимым становится авторское название главы: «Что такое Мьянма?», звучащее как риторический вопрос, на который исследователь отвечает ее содержанием. Анализ, проведенный В. И. Голдinem, показывает, что многонациональный и многоконфессиональный состав населения страны создавал сложные проблемы и порождал конфликты для нее в прошлом, что в полной мере относится и к современности (с. 174). Авторское повествование выясняет также и роль армии как политической силы в Бирме/Мьянме, выполнившей в кризисных ситуациях с той или иной степенью

успешности роль консолидирующего фактора в стране, раздираемой экономическими, политическими и этноконфессиональными проблемами. При этом следует подчеркнуть, что ценности и институты демократии западного образца, даже при формальном наличии парламентских учреждений, политических партий и движений различной направленности, с трудом приживаются либо не приживаются вовсе в иных социокультурных условиях. Надежды западных политиков, заставивших в Мьянму в 2010-х годах, на «демократизацию» страны по либеральным канонам коллективного Запада, скорее всего, тщетны. Иное дело, что возможны и уже ощущимы перемены в стране в связи с выходом ее из закрытого мира в современный глобальный мир.

Выводы автора монографии являются исключительно личностными, а также глубоко авторскими, при этом они сделаны на базе вдумчивого анализа обширного комплекса источников и литературы. Известная доля описательности в книге объективно необходима, так как автор стремился показать жизнь стран и народов, в значительной мере малознакомых читателям, но представлены и аналитика, и размышления в отношении излагаемых фактов и описываемых процессов.

Знакомство с монографией В. И. Голдина будет, безусловно, полезным для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей общеобразовательных школ и вузов, а также для широкой читательской аудитории, интересующейся проблемами страноведения, зарубежным регионоведением и международными отношениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Голдин В. И. Ученый и книга, или Сорок лет служения науке. Архангельск: САФУ, 2016. С. 125.

² Голдин В. И. Мир в прошлом и настоящем: наблюдения, впечатления, размышления. Архангельск: САФУ, 2020. С. 4. Далее ссылки на рецензируемое издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

³ Голдин В. И. Латинская Америка: вехи истории и современность. Мурманск: МГПУ, 2009; Он же. Экзотика нашей планеты. Очерки страноведения и международных отношений: наблюдения, впечатления, размышления. Архангельск: Соломбальская тип., 2014; Он же. По странам и континентам. Архангельск: САФУ, 2016; Он же. Китайская мозаика. Китайская Народная Республика в начале XXI века. Архангельск: САФУ, 2017.

⁴ Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем Средневековье. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 19–22, 151, 252.

⁵ Пигулевская Н. В. «Великая дорога» (Проблемы экономических и культурных связей между Востоком и Западом) // Пигулевская Н. В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л.: Наука, 1976. С. 65.

Поступила в редакцию 11.01.2021; принята к публикации 22.03.2021

11 марта 2021 года исполнилось 60 лет доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ Юрию Михайловичу Килину.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КИЛИН

К 60-летию со дня рождения

Юрий Михайлович Килин родился в поселке Соймигора Муезерского района Карелии. Окончив с отличием исторический факультет Петрозаводского университета в 1983 году и отработав учителем истории в Пайской школе, в 1986 году он поступил в целевую аспирантуру Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР. С 1989 года работал младшим научным сотрудником в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук. Кандидатскую диссертацию защитил в 1991 году. В 2000 году присуждена ученая степень доктора исторических наук. С 1992 года работает на кафедре всеобщей истории (ныне – кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений) ПетрГУ, которой заведует многие годы.

Ю. М. Килин один из ведущих специалистов в Карелии и России по истории советско-финляндских отношений и истории Финляндии XX века. В область научных интересов входят также внешняя и оборонная политика Советского государства в 1918–1941 годах, история Карелии XX века, боевые действия на Карельском и Ленинградском фронтах в период Великой Отечественной войны. Он автор 7 монографий, более 60 научных работ, 25 из которых опубликованы за рубежом. Юрий Михайлович активный участник научных конференций, симпозиумов и семинаров. С 2006 года является руководителем Научно-исследовательского и образовательного центра по проблемам Второй мировой войны на Севере Европы, директор Института Североевропейских исследований ПетрГУ.

Ю. М. Килин награжден Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ, знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», имеет почетное звание «Заслуженный деятель науки РК». В 2021 году стал Лауреатом Республики Карелия за вклад в сохранение исторической памяти и издание сборника документов «Эдвард Александрович Гюллинг – первый руководитель советской Карелии».

Поздравляем Юрия Михайловича с юбилеем и желаем новых научных достижений!

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПЕТРОЗАВОДСК – ГОРОД ВОИНСКОЙ СЛАВЫ»

24 сентября 2021 года

Петрозаводский государственный университет

Кафедра отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Оргкомитет: О. Ю. Репухова, (814-2) 71-96-49, *Repukhova@yandex.ru*

Ю. Н. Зеленская, (814-2) 71-96-49, *yulia-zelenskaya2008@yandex.ru*

VIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР

«ПРОСТРАНСТВО ТРАНСГРАНИЧНОСТИ: КАРЕЛИЯ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА»

7 ноября 2021 года, г. Хельсинки

Даты проведения очередного VIII семинара «**Пространство трансграничности: Карелия в XVII – начале XX века / Cross-Border Land: Karelia in the 17th – beginning of 20th century**» по изучению истории Карелии как приграничной территории, обитатели которой испокон веков реализуют практики трансграничного взаимодействия и сотрудничества, будут объявлены дополнительно.

В оргкомитет продолжающегося международного семинара входят представители трех вузов: Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск) – доцент Ирина Чернякова, Тверской государственный университет (Тверь) – профессор Татьяна Леонтьева, UEF (University of Eastern Finland, кампус г. Йоэнсуу) – профессора Юкка Корпела и Киммо Катаяла.

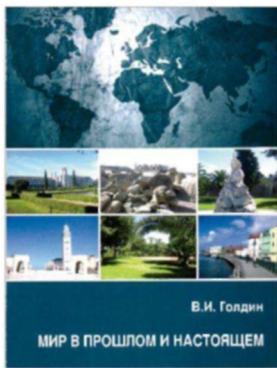
Многолетнее сотрудничество в формате семинара осуществляется в рамках выполнения четырехстороннего международного соглашения TERP (Teachin-Editing-Research Project / Образовательный издательский исследовательский проект), выполняемого ПетрГУ в партнерстве с UEF, СПБИИ РАН и ТверГУ.

Для участия в семинаре приглашаются ученые и преподаватели из учреждений-партнеров по соглашению TERP, а также студенты, магистранты и аспиранты.

Участие в семинаре студентов и аспирантов с финляндской стороны поддерживает на конкурсной основе фонд Finnish Cultural Foundation (ответственный за прием заявок – профессор К. Катаяла). С российской стороны традиционно принимают участие оксфордские стипендиаты, вовлеченные в проектную деятельность ИЛЛМИК. Желающим участвовать, в том числе обучающимся ПетрГУ, следует обращаться с предложениями к ответственному исполнителю TERP доценту И. А. Черняковой.

CONTENTS

Editorial note	7	RUSSIA, FINLAND, KARELIA: PAGES OF COMMON HISTORY
ARCHEOLOGY		
<i>Shakhnovitch M. M., Sonina A. V., Kozhevnikova Yu. N.</i>		
“CAVE” ON THE YASHE-STREAM: THE STUDY OF ONE ASCETIC PRACTICE IN KARELIA.....	8	
WORLD HISTORY		
<i>Gerasimov I. V., Babiker Mohamed Mustafa Altigani</i>		
THE SUDANESE GRADUATES’ GENERAL CONGRESS AND THE PRESS	17	
<i>Petrov K. K.</i>		
DONG QICHANG: FORMATION OF A CHINESE ARTIST.....	26	
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH		
<i>Kamenev E. V.</i>		
MATERIALISM OF THE DECEMBERISTS IN THE CONTEXT OF SOVIET CULTURE IN THE MID-TWENTIETH CENTURY.....	32	
RUSSIAN HISTORY		
<i>Kotov P. P.</i>		
EXPANSION OF APPANAGES IN THE VOLOGDA PROVINCE IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY.....	39	
<i>Rabinovich Ya. N.</i>		
OKOLNICHY VASILY ALEKSANDROVICH CHOGLOKOV: PAGES OF BIOGRAPHY	47	
<i>Chaplygina D. A.</i>		
DEMOGRAPHICS OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE KOLA UYEZD ACCORDING TO THE 1764 REGISTER	59	
Reviews		
<i>Sokolova F. Kh., Silin A. V.</i>		
The book review: Goldin V. I. The world in the past and present: observations, impressions, contemplations	118	
Anniversaries		
Celebrating the 60th birthday anniversary of Yu. M. Kilin	122	
Scientific information		
		123

V. I. Голдин **МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

В книге дается характеристика основных тенденций развития международных отношений во второй половине XX – начале XXI века. На основе личных наблюдений и размышлений автора по материалам поездок по странам Азии, Африки, Америки и Европы анализируется их прошлое и настоящее, актуальные проблемы внутренней и внешней политики, повседневная жизнь общества и граждан.

Предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, всех интересующихся проблемами страноведения и международных отношений.

Голдин, В. И. Мир в прошлом и настоящем: наблюдения, впечатления, размышления: монография / В. И. Голдин; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ, 2020. – 560 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

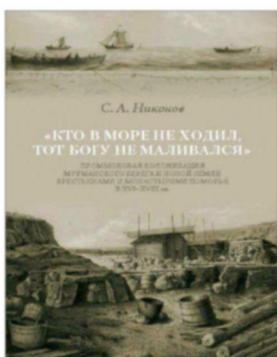
БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Серия «Без срока давности» включает в себя 23 тома: каждому региону, подвергшемуся оккупации в годы Великой Отечественной войны, посвящен отдельный том. Также в отдельном томе публикуются материалы федеральных архивов, освещающие проблему жертв военных преступлений захватчиков на всей территории страны. В данный сборник вошло около 200 документов, основная часть которых выявлена в фондах Национального архива РК и Управления Федеральной службы безопасности России по РК, передавшего в апреле 2020 года значительный объем сканированных копий рассекреченных документов для использования в рамках Всероссийского проекта «Без срока давности». Автором научного предисловия сборника выступил доктор исторических наук ПетрГУ С. Г. Веригин.

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия : Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цупасва; отв. ред. Е. В. Усачева; сост. Т. А. Варухина, Л. С. Котович, Е. В. Рахматуллаева, О. И. Суржко, Е. В. Усачева, Н. В. Федотова. – М. : Фонд «Связь Эпохи» : Издательство «Кучково поле», 2020. – 408 с.

C. A. Никонов **«КТО В МОРЕ НЕ ХОДИЛ,** **ТОТ БОГУ НЕ МАЛИВАЛСЯ»**

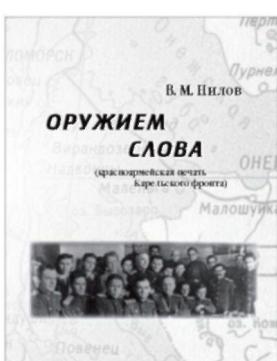

Монография посвящена истории хозяйственного освоения районов Европейской Арктики – Мурманского берега и архипелага Новая Земля – монастырями и крестьянами Поморья в XVI–XVIII вв. На базе широкого круга документальных источников исследованы факторы, обусловившие процесс промысловой колонизации этих территорий: рассмотрена взаимосвязь хозяйственного освоения Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья; охарактеризован территориальный, социальный и возрастной состав его участников; выявлена роль в нем крестьянской кооперации и такой социальной организации, как артель промысленников; прослежены изменения в состоянии промыслов на побережье Баренцева моря в XVIII в. под влиянием новой государственной политики, обусловленной модернизационными процессами.

Книга рассчитана на специалистов по истории и источниковедению Русского Севера, а также на широкий круг читателей.

Никонов, С. А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался» : Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 496 с.

B. M. Нилов **ОРУЖИЕМ СЛОВА** **(красноармейская печать Карельского фронта)**

В монографии представлена исследование автора о влиянии военной печати Карельского фронта на военно-политическое воспитание защитников Отечества, обучение их военному искусству и овладение ими боевым опытом, формирование образцов самоотверженного и героического поведения на фронте, в конечном счете повлиявших на укрепление боевого духа и ставших одной из важных слагаемых победы в Великой Отечественной войне.

Издание рассчитано на студентов и преподавателей исторических, социологических и журналистских кафедр вузов, научных работников, педагогов, журналистов, редакторов СМИ.

Nilov, B. M. Оружием слова (красноармейская печать Карельского фронта) / B. M. Nilov. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2021. – 248 с.